

Вестник института

научно-практический журнал
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

ПРЕСТУПЛЕНИЕ · НАКАЗАНИЕ · ИСПРАВЛЕНИЕ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Попов В.В. — начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Санташов А.Л. — начальник кафедры уголовно-исполнительного права ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Шамсунов С.Х. — заместитель директора ФСИН России, доктор юридических наук;

Селиверстов В.И. — начальник НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Бровкин В.Б. — начальник Санкт-Петербургского института повышения квалификации работников ФСИН России;

Зубков А.И. — профессор кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР;

Дебольский М.Г. — заместитель начальника управления социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент;

Дубровицкий Л.П. — первый заместитель начальника правового управления ФСИН России, кандидат юридических наук;

Матвеев А.Г. — начальник управления трудовой адаптации осужденных ФСИН России;

Полозюк В.Л. — начальник управления социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными ФСИН России;

Ручкин Ф.В. — начальник управления исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, кандидат филологических наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Беляева Л.И. — профессор кафедры уголовно-исполнительного права ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Ищенко Е.П. — профессор кафедры криминалистики Московской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Жалбуров Е.Т. — начальник академии Комитета уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Республики Казахстан, кандидат юридических наук, доцент;

Крымов А.А. — заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по научной работе, кандидат юридических наук, доцент;

Кузьминых А.Л. — доцент кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук;

Нагорных Р.В. — начальник юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Оботурова Н.С. — начальник психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат философских наук, доцент;

Поздняков В.М. — профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор психологических наук, профессор;

Попова И.Н. — начальник редакционно-издательского отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат филологических наук;

Софийчук Н.В. — ученый секретарь ученого совета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Спасенников Б.А. — профессор кафедры уголовно-исполнительного права ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доктор медицинских наук, профессор;

Старостин С.А. — профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Трунигер Л. — директор высшей школы социальной работы г. Ольтен (Швейцария), доктор, профессор;

Шахов О.А. — начальник инженерно-экономического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат технических наук, доцент

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ	3	АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ, УПРАВЛЕНИЯ И ТЕХНОЛОГИИ	55
УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ		В.В. МУХИН, В.А. ДУДЕК, Т.В. РАТНИКОВА Нечеткие подалгебры	55
А.В. НАУМОВ Уголовная политика в области назначения и исполне- ния наказания: противоречие между законодатель- ным идеалом и практикой	3	С.В. ТЕРЕБОВА Инновационная деятельность в Вологодской облас- ти: текущее состояние.	57
Е.П. ИЩЕНКО О понятии и структуре уголовной политики	9	С.А. КОРЧАГОВ Качественная оценка древесины ели в плантацион- ных культурах Вологодской области.	63
Р.С. ЕФРЕМОВ Бюджетные средства как предмет преступления, предусмотренного ст. 285.1 УК РФ	13	ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ	66
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО		И.В. ДАНЬКО Изъяны современного законотворчества (на примере Уголовно-процессуального кодекса Республики Бе- ларусь)	66
В.И. СЕЛИВЕРСТОВ Некоторые направления уголовно-исполнительной политики России на современном этапе.	16	А.М. СЫСОЕВ “Преступления ненависти” в законодательстве США: характеристика и тенденции.	70
А.М. ПОТАПОВ О проблемах участия общественности в осуществле- нии контроля за лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы	21	Р. ПОКЛЕК Средства пенитенциарного воздействия в правовом и психологическом представлении	74
И.А. УВАРОВ Криминологическая характеристика корыстных пре- ступлений, совершенных в исправительных учрежде- ниях.	23	ПРИГЛАШАЕМ К ДИСКУССИИ	76
УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО И ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ		С.Ю. ВЕДРОВ, И.А. КОНОПЛЕВ Условия проведения оперативно-розыскных меро- приятий	76
А.М. КУСТОВ К вопросу о структуре механизма преступления.	26	Н.П. ШИЛОВА Особенности труда лиц, осужденных к лишению сво- боды	78
А.М. ЛЮТЫНСКИЙ Диагностика в ходе допроса осужденного, отбываю- щего наказание в виде лишения свободы.	30	СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ	85
С.А. СОФРОНОВА Понятие судебной практики как источника и формы российского права	33	А.А. ЖЕЛТОВ Служебные карьеры чиновников тюремного ведомства в Вологодской губернии в конце XIX - на- чале XX вв.	85
Р.В. НАГОРНЫХ Институциональный подход к определению государ- ственной правоохранительной службы	37	НАШИ ИССЛЕДОВАНИЯ	89
С.Н. УШАКОВ Охрана общественного порядка - важнейшая функция местного самоуправления на современном этапе.....	40	С.П. СЕРЕДА Проблемы формирования и реализации уголовной и уголовно-исполнительной политики в отношении не- совершеннолетних.	83
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ, ПЕДАГОГИКИ И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ	42	О.Е. КУРЕНКОВА Мониторинг состояния социальной работы с осуж- денными в УИС России	91
Т.С. УХАНОВА Система профессионального взаимодействия как условие организации социальной работы с осуж- денными	42	НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	93
М.С. КОДАНЕВА Ролевой конфликт как условие становления профес- сиональной идентичности психологов уголовно-ис- полнительной системы	44	П.В. ГОЛОДОВ Конкурсы научных работ	93
В.И. ПОПОВА Оценка эффективности профилактической и реабилитационной работы с безнадзорными несовершеннолетними в Вологодской области	50	РЕЦЕНЗИИ	95
		В.Б. КОНАСОВ, А.Л. КУЗЬМИНЫХ Рецензия на книгу “Великая война: Великая Победа и Великая Трагедия: Доклады Всероссийской научной конференции (23-24 апреля 2005 г.). - Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2005. - 628 с.”	95
		НОВИНКИ ЛИТЕРАТУРЫ	98
		ИНФОРМАЦИЯ, ОБЪЯВЛЕНИЯ	99

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Уголовная политика в области назначения и исполнения наказания: противоречие между законодательным идеалом и практикой

А.В. НАУМОВ – профессор Академии Генеральной прокуратуры РФ, доктор юридических наук, член Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ

1. В науке уголовного права существуют десятки определений уголовной политики, отличающихся друг от друга всего лишь объемом (более широким или узким пониманием) либо вообще только степенью детализации рассматриваемого понятия. При этом «градус» критичности авторов по отношению к чужим определениям является явно преувеличенным. Все они вполне годятся в качестве рабочего исходного инструмента для конкретизации содержания уголовной политики в заданном конференцией ракурсе. Основное содержание этих доктринальных определений может быть сведено к следующему: уголовная политика – это часть (направление) внутренней и внешней политики государства, определяющая стратегию и тактику в области борьбы с преступностью. Знаменатель этой формулы предполагает установление государством основных задач, принципов и средств воздействия на преступность посредством уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства, в особенности подходов к криминализации соответствующих деяний и определению системы уголовно-правовых санкций (включая не только меры наказания, но и иные меры уголовно-правового воздействия), и практическую реализацию таких подходов. Сюда же следует отнести и достаточно совершенную в советские времена, затем разрушенную и вновь с трудом, но возрождающуюся криминологическую политику как политику предупреждения преступлений (последняя хоть и является правовой, но способна выходить за рамки указанных трех отраслей законодательства). К числу предварительных для обсуждения замечаний следует отнести четыре обстоятельства, отличающие современные

подходы к определению уголовной политики от относительно недавних (советских времен). Это, во-первых, понимание ограниченной возможности уголовного закона и вообще правовых средств воздействия на преступность. Во-вторых, учет известных особенностей рыночной экономики как таковых. В-третьих, принятие во внимание главного социального противоречия современного российского общества – невольнительно резкого различия в уровне доходов между богатыми и бедными. И, в-четвертых, приведение уголовного, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального законодательства в соответствие с общепризнанными нормами и принципами уголовного права.

2. Уголовная политика в рассматриваемой сфере изначально закреплена в нормах Конституции РФ, Уголовного, Уголовно-исполнительного и Уголовно-процессуального кодексов Российской Федерации. Свое развитие и конкретизацию она получает в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, в особенности даваемых при даче разъяснений по вопросам судебной практики на основе ее изучения и обобщения, а также анализа судебной статистики. В соответствии со ст. 15 Конституции РФ правовым источником уголовной политики являются принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации. Наконец, к ним же следует отнести: постановления Конституционного суда РФ по вопросу проверки конституционности закона, примененного или подлежащего применению в конкретном деле; постановления Верховного Суда РФ (и решения других судебных органов) по конкретным делам; решения Европейского суда по правам человека (Рос-

сийская Федерация как участник Конвенции о защите прав человека и основных свобод признает юрисдикцию Европейского суда по правам человека обязательной по вопросам применения указанной Конвенции и протоколов к ней). Названные источники уголовной политики являются основными. Они выделяются по своей значимости для обсуждаемой проблемы и, конечно же, могут быть дополнены. Как бы то ни было, все они могут быть подразделены на нормативные и правоприменительные.

3. Что зафиксировано (в рассматриваемом аспекте) в нормативных источниках? Существует определенная законодательная модель соответствующих параметров назначения (а следовательно, и связанного с ним исполнения) наказания. Это, во-первых, – параметры системы наказания, отраженные в УК РФ. Критерии оценки этой системы предопределены ее относительной жесткостью или мягкостью. Все, как известно, познается в сравнении. И пользуясь классификацией известного французского компаративиста Рене Давида, можно констатировать, что наше уголовное право более соответствует европейской континентальной системе права. Известно, что Рене Давид проводил свою классификацию главным образом по другим критериям (в первую очередь по источнику уголовного права – закону или прецеденту, его кодифицированности или соотношению с религиозными нормами), и мы лишь приспособляем ее к обсуждаемой проблеме. На каком основании? Во-первых, по отношению к смертной казни. Мы в этом плане гораздо ближе именно к европейской континентальной системе с ее исключением смертной казни из системы наказания, а не к системе общего права, мусульманского или социалистического (не исключаящего это наказание). Во-вторых, по длительности возможных сроков лишения свободы. В-третьих, по возможному набору альтернативных лишению свободы наказаний. По всем указанным критериям мы и в самом деле ближе к европейской континентальной системе, в обсуждаемом ключе более мягкой и менее жесткой, чем другие системы. И в этом плане наша законодательная модель вполне сопоставима с законодательной моделью системы наказаний, зафиксированной, например, в уголовном законодательстве Франции, Испании, Германии, скандинавских и других стран Европы.

Разумеется, что та или иная система наказаний является лишь исходным моментом для определения политики государства в этой сфере, выраженной в уголовном законе. В нем содержатся и прямые указы (их можно назвать и «приказами») законодателя по определению векторов своей политики в области назначения наказания. Для нашего Уголовного кодекса это известные общие начала назначения наказания, выраженные в ст. 60 УК РФ (остальные статьи гл. 10 Кодекса являются конкретизацией ст. 60). Главное из них – это положение о том, что более

строгий вид наказания из числа предусмотренных за совершенное преступление назначается только в случае, если менее строгий вид наказания не сможет обеспечить достижение целей наказания (этому соответствует и принятый законодателем порядок градации санкций за любые преступления, предусмотренные Особой частью УК, – от менее строгих к более строгим). В ч. 2 этой же статьи УК определяются конкретизирующие и корректирующие подходы к назначению более строгого или менее строгого наказания (в частности, назначения наказания при совокупности преступлений и совокупности приговоров), чем это предусмотрено санкциями соответствующих статей Особой части УК, а в ч. 3 содержатся обязательные рекомендации по учету определенных обстоятельств при назначении наказания.

Таковы представления законодателя о пределах назначения наказания, отраженные непосредственно в уголовном законодательстве. Они и определяют политику государства в этой сфере.

4. Как известно, любой закон – это своего рода «идеал» законодателя, часто вопреки его представлениям корректируемый (менее или более значительно) жизнью, а применительно к нашей материи – судебной практикой. Вообще это естественно, и коррекция часто совершается не по «злой» воле правоприменителя, а по ряду вполне объяснимых объективных и субъективных причин. Задача исследователя – зафиксировать это отступление, так сказать, от «генеральной» линии законодателя (кстати сказать, они могут быть и заслуживающими положительной оценки: может оказаться и так, что «жизнь пошла» не совсем по тому пути, как это предполагал законодатель) и, главное, наметить пути исправления (предпочтительно законодательного) создавшегося положения. В связи с этим сопоставим, «что хотел законодатель», с тем, что «получил». Хотел снизить удельный вес лишения свободы в общей системе мер наказания, а в конечном счете уменьшить долю «тюремного населения» в общей массе граждан Российской Федерации, используя предписанные им (отмеченные выше) правила Уголовного кодекса. Получилось: на 1 сентября 2008 г. «тюремное население», то есть количество лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях (колониях и тюрьмах), а также находящихся до суда под стражей – в следственных изоляторах и других учреждениях, выполняющих их функции, составило 893 тыс. чел., что в расчете на 100 тыс. населения сближает нас по этому показателю с США и многократно опережает европейские страны. При этом наблюдается ярко выраженная тенденция к значительному возрастанию доли осужденных к лишению свободы (среди всех осужденных): в 1991 г. – 207,3 тыс., в 2001 г. – 368 тыс., в 2003 г. – 252 тыс., в 2006 г. – 314 тыс.¹ Европейский вариант не получается никак. Хорошо это или плохо? Вот как ком-

ментирует эту статистику первый заместитель Председателя Верховного Суда РФ в отставке В.И. Радченко: «Вдумаемся в эти цифры. Их последствия сказываются на социальной структуре общества, демографии и даже на обороноспособности страны. Избыточное “тюремное население” не стимулирует рождаемость, судимость сужает круг лиц, подлежащих призыву на воинскую службу... Представление о том, что стратегия борьбы с преступностью требует ужесточения законодательства и усиления карательной практики судов является ошибочным. Более того, становится фактором, ведущим к неблагоприятным изменениям в социальной структуре страны, – способствует росту уровня криминальной среды. Общество насыщается людьми, имеющими судимость: 15 миллионов (осужденных в стране с 1992 по 2007 гг.) – это четверть взрослого мужского населения. Более того, прошедшего школу “тюремного воспитания”». С таким комментарием я полностью согласен. Статистические же реалии подталкивают нас к тому, чтобы судебную практику вернуть к законодательному «идеалу», воплощенному в Уголовном кодексе: более строгий вид наказания из числа предусмотренных за совершенное преступление назначается только в случае, если менее строгий вид наказания не сможет обеспечить целей наказания. Пленум Верховного Суда РФ применительно к назначению наказания в виде лишения свободы конкретизировал эту установку законодателя: «В случае, если в санкции Уголовного закона наряду с лишением свободы предусмотрены другие виды наказания, решение суда о назначении лишения свободы должно быть мотивировано в приговоре»². Весь вопрос в том, как это сделать.

5. Во-первых, это можно сделать без внесения каких-либо «революционных», да и вообще изменений в Уголовный кодекс. Рецепт известный – снизить долю лишения свободы за счет увеличения частоты применения штрафных санкций за менее опасные преступления, в частности за мелкие кражи чужого имущества. Для этого стоит лишь привести судебную практику в соответствие с требованием Уголовного кодекса, той же ч. 1 ст. 60 УК, и рекомендацией Пленума Верховного Суда РФ, выраженной в постановлении от 11 января 2007 г. Директор Федеральной службы исполнения наказаний РФ Ю.И. Калинин в качестве одного из «противоядий» справедливо, по нашему мнению, предлагает назначать в случае малозначительных краж штрафы, хотя бы и в десятикратном размере от размера похищенного. Он же призывает следователей и судей по мере возможности воздерживаться от применения такой меры пресечения, как заключение под стражу. При этом он приводит такую статистику: в 2007 г. из зала суда были освобождены 82 тыс. чел., которые до решения суда отпущены на свободу провели в камерах следственных изоляторов немалое время (из них около 2 тыс. чел. – за отсутствием состава

преступления, а остальным суды назначили наказание, не связанное с лишением свободы). На взгляд Ю.И. Калинина, этих людей можно было и не арестовывать (при этом он указывает и на экономические последствия такой судебной политики – содержание граждан, которые вышли на свободу из зала суда, обошлось казне в 2 млрд 400 млн руб.).

Указанная же практика избрания судом такой меры пресечения, как заключение под стражу, свидетельствует о явном неблагополучии с реализацией на практике конституционного принципа независимости судей. И если их зависимость от исполнительной власти логически вполне объяснима, то зависимость от следствия возвращает нас в этом плане к не столь давнему и по-прежнему живучему обвинительному уклону в правосудии.

Ю.И. Калинин, справедливо ратуя за приведение судебной практики в соответствие с законодательным идеалом, приводит и такие статистические данные: «Всего у нас в колониях сидят около 100 тысяч человек со сроком наказания до 2 лет. Около 180 тысяч – со сроком наказания до 3 лет. Получается, около 300 тысяч человек, большинству из которых, полагаю, было бы достаточно альтернативного наказания... Поэтому, ограничивая применение ареста, развивая альтернативные меры наказания и административное право, мы сможем уберечь массу людей от криминальной среды. А тюрьмы (Ю.И. Калинин имеет в виду не вид исправительного учреждения, а лишь место лишения свободы. – А.Н.) должны оставаться для особо опасных преступников»³. Думается, что у руководителя Федеральной службы исполнения наказаний по характеру его службы более объективный взгляд, чем у суда при назначении наказания, и, следовательно, его позиция является более аргументированной.

Указанные предложения вполне вписываются в статистические данные о видах назначенных наказаний за 2007 г. (статистика Верховного Суда РФ). Если их брать в целом, то поначалу все кажется вполне благополучным. Так, всего судами Российской Федерации (данные по всем составам преступлений) было осуждено 916 566 чел., из них к лишению свободы – 303 207 чел. (33,1%), остальные – к наказаниям, не связанным с лишением свободы. Результат вроде бы вписывается в законодательный «идеал», однако расшифровка иных мер наказания несколько корректирует первичное восприятие указанных цифр. Приведем лишь два показателя: в числе иных мер наказания (не связанных с лишением свободы) штрафы составляют лишь 12,8%, условное осуждение (как к лишению свободы, так и к иным мерам наказания) – 44,8%. Налицо определенный «перебор» с условным осуждением (чуть ли не каждый второй осуждается к условной мере наказания) и не столь явный, но, по-видимому, все-таки недобор с применением штрафных санкций. Ситуация становится более

определенной при конкретизации приведенных статистических данных в зависимости от категории преступлений, за совершение которых осуждены виновные. Так, применительно к осуждению за преступления небольшой тяжести указанные цифры выглядят следующим образом: за совершение этих преступлений осуждено к лишению свободы 32 645 чел. (11,0%), из них почти половина (16 726 чел.) осуждены к лишению свободы на срок до 1 года (включительно), а, например, к штрафу 89 184 чел. (30,1%). Сказанное можно подтвердить и статистическими данными о назначении наказания за кражу без отягчающих обстоятельств (ч. 1 ст. 158; санкция – до 2 лет лишения свободы или наказание, не связанное с лишением свободы). В 2007 г. доля осужденных к лишению свободы за это преступление составила 23,4%. Очевидно, что именно здесь можно отыскать те резервы сокращения доли лишения свободы среди всех мер наказания, на которые, в частности, указывал Ю.И. Калинин.

Одно замечание об использовании статистических данных. Как известно, есть статистика и статистика. Криминологи обычно привлекают внимание к лукавности статистики регистрируемых преступлений, в связи с тем что она едва ли не изначально направлена на уменьшение количества регистрируемых преступлений. Это есть и неоспоримо. Но, как это ни странно, бывает и наоборот. В частности, порой существует огромная разница между статистикой регистрируемых ГИАЦ МВД России преступлений и судебной статистикой (по так называемой форме № 10а). Например, в 2005 г. было зарегистрировано 114 888 преступлений о незаконном производстве, сбыте или пересылке наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (ст. 228-1 УК РФ). За данные преступления осуждены 15 997 чел. Это означает, что число регистрируемых преступлений примерно в семь (!) раз выше числа осужденных за их совершение лиц. Куда же делись десятки тысяч (!) зарегистрированных преступлений и преступников? Тем более что нормы об освобождении от уголовной ответственности и наказания рассчитаны не на лиц, совершивших такие преступления⁴. В своем докладе мы оперируем данными судебной статистики (как мы полагаем в контексте проблемы нашей конференции более достоверной, чем статистика регистрируемых преступлений).

6. На уголовную политику в области назначения наказания могут оказывать и оказывают свое влияние и нормы других отраслей (не уголовно-правового цикла) права. В частности, нормы административного права. Каким образом? Через их влияние на основание уголовной ответственности. И хотя ч. 1 ст. 3 УК РФ определяет, что «преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только настоящим Кодексом» (то есть УК РФ), существование в УК бланкетных диспозиций в ряде случаев опро-

вергают такую категоричность. Наглядным примером является определение порога уголовно наказуемого хищения путем кражи, мошенничества, присвоения или растраты и соответственно отграничение составов, предусмотренных ст. 158–160 УК РФ, от административно наказуемого мелкого хищения (указанными способами), предусмотренного ст. 7.27 КоАП РФ. Как известно, законодательство об административных правонарушениях за последние годы несколько раз меняло стоимостные критерии состава административно наказуемого мелкого хищения: в КоАП РСФСР – до одного минимального размера оплаты труда (МРОТ), в КоАП РФ 20001 г. – до пяти МРОТов, в редакции ФЗ от 27.09.2002 г. – до одного МРОТа, в редакции ФЗ от 22.06.2007 г. – до 100 руб., в редакции ФЗ от 16.05.2008 г. – до 1 тыс. руб. Очевидно, что всякий раз фактически изменялись и пороги уголовно наказуемых мелких хищений (без формального внесения изменений непосредственно в УК РФ). Обратим лишь внимание на то, что наказанию свыше 7 (!) месяцев уголовной ответственности (строго по закону!) подлежали лица, совершившие мелкое хищение чужого имущества на сумму свыше 100 руб. Увы, были и следователи, возбуждавшие по таким фактам уголовные дела, были и судьи, выносившие по ним обвинительные приговоры. Можно ли здесь говорить о какой-то политике в области назначения наказания? Скорее – лишь о грубейшем ее извращении, если не о настоящем издевательствах над ней как, в первую очередь, законодателя, так и, во вторую, правоприменителей в лице соответствующих следователей и судей.

7. О законодательных способах возвращения уголовной политики к ее первичной законодательной модели (УК РФ 1996 г.). В принципе многие из них «на слуху» и уже так или иначе обсуждались. В частности, В.И. Радченко предлагает, например, декриминализацию ряда составов преступлений и перенесение соответствующих деяний из уголовно наказуемых в административные правонарушения (использование подложных документов для бесплатного проезда в городском транспорте, квалифицируемые ныне почему-то по ст. 327 УК РФ; лов рыбы в небольшом количестве с применением рыболовных сетей как составная часть преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 256 УК РФ; торговля на рынках без лицензий как разновидность преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 171 УК РФ). Действительно, за такие преступления ежегодно осуждаются десятки тысяч людей, и декриминализация таких деяний с одновременным переводом их в административно-правовую плоскость и ужесточением административно-правовых (в первую очередь, имущественных) санкций были бы вполне разумными. Во-вторых, возможно существенное снижение нижних порогов санкций за ряд преступлений, не связанных с посягательством на жизнь и здоровье человека, что повысит уровень судейского усмотрения

при индивидуализации наказания. В-третьих, целесообразно осуществить законодательную операцию по переводу ряда составов из тяжких в менее тяжкие (например, путем исключения из состава умышленного причинения тяжкого вреда здоровью деяний, квалифицируемых лишь по признаку опасности для жизни в момент причинения повреждений без наступления в таких случаях стойкой утраты трудоспособности, как это было до принятия УК РСФСР 1960 г.). В-четвертых, более четко сформулировать в уголовном законе порядок условно-досрочного освобождения, уменьшив при этом элемент «усмотрения» администрации мест лишения свободы (да и судебного в том числе), что одновременно снизило бы и коррупционность этого вида освобождения от наказания.

Достаточно, на наш взгляд, продуманные и эффективные средства гуманизации уголовной политики сформулированы депутатами фракции «Справедливая Россия» в Государственной думе на встрече с Председателем Правительства Российской Федерации В.В. Путиным. В их числе дополнение УК РФ специальной статьей об освобождении от уголовной ответственности лиц, впервые совершивших преступления небольшой и средней тяжести, под поручительство физических и юридических лиц – общественных и религиозных организаций. Правда, инициатива депутатов относится к наделению правом такого освобождения лишь прокурора и следователя⁵ и сводится к досудебному освобождению. Думается, что не следует из адресатов применения такой нормы исключать и суд. По крайней мере, это вполне вписывается в уже проверенные жизнью нормы УК об освобождении от уголовной ответственности (в связи с деятельным раскаянием – ст. 75 УК, в связи с примирением с потерпевшим – ст. 76 УК, в связи с истечением сроков давности – ст. 78 УК РФ).

Наконец, уже несколько лет в науке уголовно-уголовно-исполнительного права и криминологии обсуждается вопрос о необходимости принятия федерального закона о социальной адаптации лиц, освобождаемых из мест лишения свободы. Основным его содержанием должно быть не просто установление строгого контроля за поведением этих лиц, а главным образом гарантия государственной помощи им в процессе возвращения к нормальной жизни в обществе: в поисках работы, в случае необходимости в переквалификации, в найме социально-благоприятного жилья и в решении других чисто бытовых проблем. То есть этот закон должен быть наполнен профилактическим содержанием.

8. Известно, что либерализация уголовной политики в области назначения наказания должна уравновешиваться другой ее составляющей – применением самых строгих мер наказания к лицам, совершающим особо опасные преступления. В уголовном законодательстве эта тенденция обеспечивается целым рядом нормативных положений, в первую очередь жесткими

уголовно-правовыми санкциями за совершение тяжких и особо тяжких преступлений. Это также своеобразный законодательный «идеал» уголовной политики. Увы, реализация и этих параметров на практике несовершенна.

Проиллюстрируем это лишь статистически данными о назначении в 2007 г. наказания за убийства при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 105 УК, санкция – лишение свободы на срок от 8 до 20 лет, либо пожизненное заключение, либо смертная казнь), умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего (ч. 4 ст. 111 УК, санкция – лишение свободы на срок от 5 до 15 лет), разбой при особо отягчающих обстоятельствах (ч. 4 ст. 162 УК, санкция – лишение свободы на срок от 8 до 15 лет со штрафом или без такового) и незаконные производство, сбыт или пересылку наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (ч. 3 ст. 228-1 УК, санкция – лишение свободы на срок от 8 до 20 лет со штрафом или без такового).

Практика установления наказания за убийство при отягчающих обстоятельствах выглядит следующим образом: пожизненное лишение свободы назначалось в 0,6% случаев, наказание свыше 15 и до 20 лет лишения свободы – в менее 14%, свыше 10 и до 15 лет – около 54%, свыше 8 и до 10 лет – в более 13%, свыше 5 и до 8 лет – в более 15% случаев. Представляется, что все «дебаты» о возвращении смертной казни за это преступление лишены какой-либо «судейской» основы. Дай Бог, чтобы востребованным стало пожизненное лишение свободы как альтернатива или хотя бы в половине случаев наказание выносилось в рамках санкции, но ближе к ее максимуму.

Так же (или даже более впечатляюще) обстоит дело и с назначением наказания по ч. 4 ст. 111 УК (свыше 10 и до 15 лет лишения свободы – менее 6%, свыше 8 и до 10 лет – менее 23%, свыше 5 и до 8 лет – более 52%), и по ч. 4 ст. 162 УК (свыше 10 и до 15 лет лишения свободы – около 12%, свыше 8 и до 10 лет – более 36%), и по ч. 3 ст. 228-1 УК (свыше 15 и до 20 лет лишения свободы – менее 0,2%, свыше 10 и до 15 лет – менее 5,3%). И здесь резервы действующих санкций также практически не используются: верхние пределы «урезаны» судебной практикой едва ли не полностью.

В связи с этим следует прислушаться к предложениям об ужесточении ответственности и наказания за некоторые виды убийства при квалифицирующих обстоятельствах (например, двух или более лиц, сопряженное с похищением человека либо с захватом заложника, с применением пыток или особо мучительным способом), терроризм при особо отягчающих обстоятельствах, производство или сбыт наркотических средств в особо крупных размерах, геноцид и предусмотреть за такие преступления лишь пожизненное лишение свободы (некоторые из этих мер были предложены В.И. Радченко в указанной статье в «Российской газете»).

Вместе с тем к возможным предложениям об изменении действующего уголовного законодательства следует относиться сверхвзвешенно. Так, например, перед исключением из УК РФ ст. 16 о неоднократности преступлений в литературе высказывались взгляды, сводимые к тому, что статья УК РФ о неоднократности мешает борьбе с преступностью в связи с тем, что из-за нее в соответствующих случаях нельзя назначить наказание по совокупности преступлений (см., например, публикации Ф.С. Бражника). Например, наказание назначалось одинаково как за две совершенные кражи, так и за сто краж. Законодатели «вняли» таким доводам и исключили ст. 16 УК РФ именно с целью усиления наказания за совершение преступлений при их множественности (без этой статьи неоднократность могла превратиться в совокупность, что позволяло применить принцип назначения наказания именно по совокупности преступлений). Однако после исключения ст. 16 из Кодекса появилось немало публикаций, в которых стали доказывать, что ее отмена ослабила борьбу с преступностью, в связи с тем что отныне, к примеру, и вторая, и сотая кражи при отсутствии других (кроме неоднократности) квалифицирующих обстоятельств должны квалифицироваться как простая (без отягчающих, квалифицирующих обстоятельств) кража.

Как это ни парадоксально, но получается, что «и тот прав, и этот прав». Все дело в конкретной ситуации и конкретно назначенном судом в этом случае окончательном наказании. Рассмотрим два варианта. Вариант первый: лицо совершило две кражи, ни за одну из которых не было осуждено. Конкретизируя эту ситуацию применимо к действию ст. 16 УК РФ, содеянное квалифицировалось бы по п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ (максимальный предел санкции – лишение свободы на срок до 5 лет). Допустим, суд вынес наказание в виде лишения свободы сроком в 3 года (что в пределах закона). Теперь рассмотрим эту же ситуацию после «исчезновения» из УК РФ ст. 16. Налицо совокупность преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 158 УК РФ. Допустим, за первое преступление суд назначил наказание в виде 1 года лишения свободы, а за второе – в виде 2 лет лишения свободы (все также в пределах закона). Но совокупность преступлений на основе ст. 69 УК РФ можно применить путем полного сложения назначенных наказаний, и тогда окончательное наказание будет исчислено тремя годами лишения свободы. Итог: это тот случай, когда, как говорится в народе, «что в лоб, что по лбу». То есть упразднение ст. 16 УК РФ не вызвало ни усиления, ни смягчения наказания.

Однако рассмотренный вариант лишь один из возможных. Вариант второй: допустим, что за неоднократную кражу лицу было назначено наказание в виде 3 лет лишения свободы (что в пределах закона). А после исключения ст. 16 из УК РФ за первую кражу – 2 года, и за вторую – 2 года, а по совокупности преступлений – 4 года

лишения свободы (все в пределах новой редакции уголовного закона). При таком «раскладе» наказание в связи с исключением неоднократности и из ст. 16 и ст. 158 УК РФ (как квалифицирующего признака) значительно усилилось. Но мы рассмотрели варианты (не все) назначения наказания лишь при совершении двух краж. Очевидно, что при совершении трех и более краж, в особенности совершенных при отягчающих обстоятельствах, возможность назначения более строгого наказания за совершение этих преступлений будет возрастать. С учетом этого, на наш взгляд, и надо оценивать упразднение неоднократности в УК РФ: ее отмена в большей степени соответствует «идеалам» уголовной политики (возможность смягчения наказания за менее опасные преступления и его усиления за более тяжкие).

9. Наконец, об уголовной политике в области исполнения наказания. В основе ее лежат конституционные нормы о правах и свободах человека и гражданина, а в рассматриваемой сфере – в первую очередь положение ч. 2 ст. 21 Конституции РФ («Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию»), основанное на важнейших международно-правовых актах о правах и свободах человека. Это и Всеобщая декларация прав человека 1948 г. (ст. 5), и Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (ст. 3), и Международный пакт о гражданских и политических правах (ст. 7), и Декларация о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1975 г. (ст. 3), и Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г., и Европейская конвенция по предупреждению пыток и бесчеловечного и унижающего достоинства обращения или наказания 1987 г., а также нормы международного права о международных стандартах, регламентирующих исполнение уголовного наказания. Применительно к исполнению наказания в виде лишения свободы это и Минимальные стандартные правила обращения с заключенными 1955 г., и Европейские пенитенциарные правила, и Основные принципы обращения с заключенными 1990 г. В принципе они пронизывают весь Уголовно-исполнительный кодекс РФ и касаются всех сторон жизни осужденных к лишению свободы (в особенности бытовых и нравственно-физических). При этом уголовно-исполнительное законодательство России учитывает международные договоры Российской Федерации, относящиеся к исполнению наказаний и обращению с осужденными «в соответствии с экономическими и социальными возможностями» (ст. 3 УИК РФ). Справедливости ради следует отметить, что в этом отношении (в особенности в бытовом аспекте) Российская Федерация сделала большой шаг в сторону приближения условий

исполнения наказания в виде лишения свободы к международным стандартам (что не раз отмечалось и международными наблюдателями). Вместе с тем проблему эту нельзя считать полностью решенной, на что, например, неоднократно обращал внимание в своих ежегодных докладах уполномоченный по правам человека в России. И в большей степени отрыв от международных стандартов наблюдается не в исправительных колониях и тюрьмах, а в местах предварительного заключения (например, в следственных изоляторах).

Разумеется, решение проблемы исполнения наказания в виде лишения свободы вовсе не сводится к преодолению бытовых неурядиц, в том числе и в деятельности исправительных учреждений. Об этом, например, свидетельствуют результаты проверки причин и обстоятельств недавнего нашумевшего кровавого бунта заключенных в Самарской колонии. Уполномоченный по правам человека в России В. Лукин обратил внимание, что бунт произошел вовсе не по причине неблагоприятных в бытовом плане условий отбывания наказания (с этим, по его мнению, все обстояло вполне терпимо), а в силу психологических причин – озлобленности одной части заключенных в отношении к другой. По мнению главного омбудсмена страны, конфликт мог быть спровоцирован тем, что, как это сохранилось с гулаговских времен, отдельным заключенным были делегированы практически административные функции⁶, которые они осуществляли, естественно, избирательно, исходя из понимания справедливости в соответствии со своими представлениями (характерными для уголовной среды).

Следует отметить, что проблема нарушения небытовых стандартов обращения с правонарушителями также в значительной мере переместилась с деятельности исправительных учреждений на стадию предварительного следствия (хотя, как это видно из публикаций в СМИ, жестокое обращение с отбывающими наказание в исправительных учреждениях еще до конца не искоренено)⁷. Увы, свидетельства о настоящих «пыточных» методах допроса подозреваемых и обвиняемых, методика которого заключается в «выбивании» признания из допрашиваемых, обнаруживаются и в отечественной судебной практике, и в решениях Европейского суда по правам человека, то есть все это еще остается серьезной проблемой дознания и предварительного следствия. Искоренить это одним законом либо президентским или премьерским «окриком» не удастся. К сожалению, это превратилось в печальную традицию, преодолеть которую можно лишь неусыпным контролем (в том числе и общественным) за деятельностью соответствующих структур.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Российская газета. 2008. 2 сент.

² Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 января 2007 г. № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания».

³ Российская газета. 2008. 17 сент.

⁴ См.: Наумов А.В. Уголовная статистика: преступность и ее стабильность // Уголовное право. 2008. № 4. С. 136.

⁵ См.: Российская газета. 2008. 10 окт.

⁶ См.: Там же. 22 окт.

⁷ См., напр.: Совершенно секретно. 2007. № 12; 2008. № 11 (материалы журналистских расследований).

О понятии и структуре уголовной политики

Е. П. ИЩЕНКО – заведующий кафедрой криминалистики Московской государственной юридической академии, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Еще до конца не справившись с негативными явлениями переходного периода, Россия оказалась в тисках мирового финансового кризиса, осложнившего практически все стороны существования нашего общества, в особенности его экономическую составляющую. Резко возросла безработица, что подхлестнуло и без того высокий рост преступности в стране. В этой связи состояние законности, борьба с преступностью стали чрезвычайно актуальными как для работников правоохранительных органов, так и для ученых-юристов. Общая оценка положения дел как кризисного представляется обоснован-

ной, поскольку опирается на такие очевидные обстоятельства, как противоречивость, нестабильность и неполнота уголовного и уголовно-процессуального законодательства (УК РФ и УПК РФ), несоответствие многих законодательных новелл общественным потребностям, отсутствие возможностей для реализации принимаемых нормативных актов.

Не может не тревожить рост произвола и беззакония в правоохранительной практике, связанной с уголовным судопроизводством. Это вызвано «как органическими пороками законодательства, всей системы источников права

– законов, указов Президента, постановлений Правительства, актов субъектов Федерации и местного самоуправления, так и усилением в общественном и профессиональном сознании нигилистического отношения к праву. Складывается ситуация, при которой не будет преувеличением вывод о всеобъемлющем кризисе законности»¹.

В отечественной юридической литературе проблемам уголовной политики издавна уделялось пристальное внимание, поскольку их исследование имело важное практическое значение – способствовало определению оптимальных направлений и действенных средств борьбы с преступностью в стране².

Термин «политика» в переводе с греческого означает государственные и общественные дела. В современном понимании политика выражает функции государства по руководству той или иной сферой общественной жизни. Уголовная политика как одно из направлений политики социальной – это государственная политика борьбы с преступностью, которая «призвана обеспечить максимально возможное ограничение этого негативного явления, сведение его к такому уровню, при котором преступность перестанет быть угрозой национальной безопасности, способной подорвать устои жизни общества, повернуть его развитие вспять»³.

Очевидно, что речь здесь идет о концентрации усилий государства в этой специфической сфере, определении задач, содержания, форм деятельности государственных органов по борьбе с преступностью и тесно связанными с ней другими формами антиобщественного поведения. «Уголовная политика представляет собой стратегию и тактику этой борьбы. Стратегия и тактика предполагают ответы на два вечных вопроса: что делать и как делать? На первый вопрос ответ дает стратегия, на второй – тактика»⁴.

Однако «решение практических задач по декриминализации жизни требует прежде всего политической воли, которая должна сформироваться, окрепнуть и проявить себя в высших эшелонах власти»⁵. Отметив, что в деле координации усилий всех ветвей власти и системы правоохранительных органов по противодействию организованной преступности не достигнуто сколько-нибудь заметного прогресса в отличие от опасных кардинальных изменений деятельности организованных преступных сообществ, в том числе консолидации их усилий как внутри страны, так и за рубежом, С.С. Босхолов констатирует, что «успех в противодействии организованной преступности возможен только при наличии политической воли высшего руководства страны»⁶. Ему вторит В.Е. Эминов: «Главная задача – убедить руководство страны осуществлять борьбу с организованной преступностью не иначе как на уровне общенационального проекта с соответствующим организационным, социально-правовым и социально-экономическим обеспечением»⁷.

Отмеченное единодушие во взглядах отнюдь не случайно. Следует согласиться с мнением, что «парадокс общественных отношений заключается в том, что политики в ажиотаже, вызванном политическими амбициями, не видят (и не хотят видеть), что стимулируют преступность, и лишь под влиянием населения, страдающего от преступников, они вынуждены предпринимать усилия для борьбы с преступностью». И далее: «Мы поставили в причинной цепи преступности политические интересы и конфликты (отношения) на второе место, однако нередко именно они определяют и экономические и социальные отношения: их негативные стороны, влияющие на преступность, в ряде случаев являются первичными»⁸.

Уголовная политика Российской Федерации, формируемая высшим руководством страны, обуславливается, с одной стороны, внутренним и международным законодательством, а с другой – состоянием и тенденциями развития преступности. Столкнувшись с наиболее опасным проявлением последней – транснациональной организованной преступностью, государство не смогло противостоять этому крайне негативному социальному явлению, опираясь только на свои силы. Поэтому представляется довольно удачным определение Э.Г. Гасанова, считающего, что «под уголовной политикой в сфере борьбы с транснациональной преступностью следует понимать согласованную политику двух и более государств по осуществлению совместными усилиями борьбы с международной транснациональной преступностью, регламентированную в международно-правовых актах (международных договорах и конвенциях), основанную на взаимоприемлемых, установленных в национальном законодательстве этих государств принципах и нормах о преступности и наказуемости деяний, выдаче преступников, порядке, формах и методах раскрытия и расследования преступлений, доказательствах и их источниках и др., состоящую в установлении наиболее эффективных направлений борьбы с транснациональными преступлениями посредством взаимодействия разных государств и их правоохранительных органов»⁹.

Международное сотрудничество в противодействии транснациональной организованной преступности как направление российской уголовной политики предусматривает постоянное расширение и укрепление взаимодействия не только по организационным моментам, но и по вопросам приведения в соответствие друг с другом внутренних уголовных законодательств, например установления в сотрудничающих государствах наказуемости одних и тех же деяний, а также мер наказания за их совершение. Для этого, конечно, необходима взаимная заинтересованность государств.

Уголовная политика России формируется преимущественно на федеральном уровне, а на уровне субъектов происходит ее реализация.

Однако при определении и конкретизации основных положений уголовной политики государства в целом должны учитываться интересы и специфика каждого из его регионов, чего достичь весьма непросто¹⁰.

Называя уголовную политику криминологической политикой, М.П. Клейменов предлагает понимать под ней «целестремленные усилия международного сообщества, государства в лице компетентных органов, общественных организаций и отдельных граждан, направленные на разработку и осуществление научно обоснованной, отвечающей международным стандартам и гуманистическим принципам (нравственным законам) деятельности по антикриминальному воздействию на причинный комплекс преступности, криминогенные группы населения и личность правонарушителя»¹¹.

Антикриминальная политика – это определяемая государством и обществом, санкционированная государством система борьбы с преступностью в конкретных временно-пространственных условиях. Она включает уголовную политику в ее понимании Францем фон Листом как политику воздействия на преступность уголовно-правовыми средствами¹², но представляется гораздо более широкой по содержанию. Необходимо, чтобы антикриминальная политика была органической частью всей политики государства, а борьба с преступностью представляла собой целостную систему общей организации такой борьбы¹³.

Под правовой политикой в литературе предлагается понимать те принципы и основные направления, которые государство проводит в жизнь при создании и применении в деятельности государственных и негосударственных органов норм, институтов, отраслей права, при формировании и развитии правосознания граждан. Эта политика реализуется в трех основных направлениях деятельности государства: правосознание, применении норм права, развитии правосознания и правовой культуры населения. Уголовная политика, будучи одним из важных направлений правовой политики, подразделяется в свою очередь на уголовно-правовую, уголовно-процессуальную и уголовно-исполнительную, каждая из которых очень важна и имеет с остальными прочные корреляционные связи.

Уголовная политика в традиционном ее понимании – это «генеральная линия, определяющая основные направления, цели и средства воздействия на преступность путем формирования уголовного, уголовно-процессуального и исправительно-трудового законодательства, практики его применения, а также путем выработки и реализации мер, направленных на предупреждение преступлений»¹⁴. Она определяет интеграцию и тактику воздействия на преступность такими средствами, как уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное право, а также обеспечивает их практическую реализацию.

Уголовно-процессуальная политика представляет собой политику государства в сфере деятельности органов уголовной юстиции по привлечению лиц, совершивших преступления, к уголовной ответственности. Проявляется она в законодательном регулировании деятельности органов дознания, предварительного следствия и суда. Уголовно-исполнительная политика отражает политику государства в сфере исполнения уголовных наказаний, от нее зависит уровень рецидивной преступности и степень влияния устрашающего фактора санкции уголовно-правовой нормы на потенциального правонарушителя.

Базируясь на вышеприведенных положениях, Л.М. Прокументов полагает, что «политика предупреждения преступности несовершеннолетних есть основанная на определенных идеях деятельность системы государственных и негосударственных институтов по формированию и реализации основных задач, принципов, направлений и средств противодействия преступности несовершеннолетних с целью защиты человека и общества от преступных посягательств со стороны несовершеннолетних», и делает довольно неожиданный вывод о том, что «приведенное определение с неизбежностью предполагает, что целью государственной политики в данной сфере является не борьба с преступностью несовершеннолетних, а защита человека и общества от преступных посягательств с их стороны»¹⁵.

С.С. Босхолов предлагает понимать под уголовной политикой «1) государственную политику (доктрину) борьбы с преступностью, выраженную в соответствующих директивных актах (законах, указах Президента, постановлениях Правительства); 2) научную теорию и синтез соответствующих политических, социологических и правовых знаний; 3) особый вид социальной деятельности, направленный на активное, наступательное противодействие преступности и другим правонарушениям»¹⁶.

Р.Р. Галиакбаров обоснованно полагает, что «уголовная политика – это политика в сфере борьбы с преступностью. Она определяет задачи, основные направления, цели и средства борьбы с преступностью. Для уголовного права она дает руководящие идеи, которые определяют содержание уголовно-правовых норм и институтов, направления деятельности государственных структур и правоохранительных органов по их применению, использование общественных формирований и населения в сфере борьбы с преступностью. Составной ее частью он считает также и предупредительно-профилактическую политику, а уголовно-исполнительную политику на западный манер именует пенитенциарной»¹⁷.

Указав, что «уголовная политика – это система мер, реализуемых государственными органами в сфере противодействия преступности, в которой определены принципы, тактика

и стратегия, основные задачи, формы и методы воздействия на преступность, и включающих в себя не только правовые средства воздействия на преступность, но и меры социально-экономического характера», А.П. Кузнецов уточняет, что эта система мер реализуется государством в рамках закона во взаимодействии с населением и базируется на складывающихся в стране социально-экономических отношениях¹⁸.

Сделанный А.П. Кузнецовым и Р.Р. Галиакбаровым акцент на взаимодействии с населением в деле борьбы с преступностью представляется чрезвычайно важным, принципиальным, ибо без такого сотрудничества даже самая продуманная, взвешенная и активно реализуемая уголовная политика будет обречена на неудачу. В последнее десятилетие стали проводиться исследования в области математического моделирования поведения больших систем. В результате были получены весьма интересные выводы.

Представим ситуацию: по городской улице бежит преступник, за ним гонится страж порядка, и: 1) прохожие помогают ему, 2) никого это не касается, 3) сограждане исподтишка мешают преследователю. Вопрос: сколько потребуются полицейских в каждом варианте развития ситуации, чтобы поймать преступника, при прочих равных условиях? С помощью моделирования выяснилось, что во втором случае их нужно примерно в 10 раз больше, чем в первом, а в третьем приблизительно в 10 раз больше, чем во втором, или в 100 раз больше, чем в первом. Очень заметная разница!

А теперь вспомним, что многие наши сограждане искренне негодуют по поводу того, что жители США, ФРГ, Франции, Англии и других западных стран в своей массе весьма активно помогают родной полиции. Стукачей у нас шибко не любят, да и милиционеров тоже не очень жалуют. И что из того? А то, что в Нью-Йорке в начале 1980-х гг. работало немногим более 30 тыс. полицейских, а в это же время в Москве, где население было чуть поменьше, 200 тыс. милиционеров. Понятно, чем обусловлена семикратная разница.

В нынешней Москве число сотрудников милиции выросло по сравнению с советскими временами многократно, а отношение к ним населения заметно ухудшилось. И эффективность работы милиционеров, увы, невысока, что находится в полном соответствии с математической теорией. Как показывают исследования, если отношение населения к правоохранителям чрезвычайно негативно, бороться с преступностью в принципе невозможно. Раскрытие преступлений становится случайностью. А попытки еще увеличить число стражей порядка ни к чему не приводят – порядка не добавляют¹⁹.

Обобщая вышеизложенное, можно заключить, что в последние годы уголовная политика определяется учеными следующим образом:

1) «вырабатываемая органами законодательной, исполнительной и судебной власти, поли-

тическими партиями и общественными объединениями определенная стратегия и тактика в области борьбы с преступностью и использование в этих целях соответствующих правовых, экономических и социально-культурных средств, на основе которых формируется, изменяется и дополняется уголовное законодательство, определяется преступность и наказуемость деяний, устанавливаются цели, задачи, формы и порядок воздействия на лиц, совершивших преступления»²⁰;

2) выработанное государством и основанное на объективных законах развития общества направление деятельности специально уполномоченных на то государственных органов и организаций по охране прав и свобод человека и гражданина, общества и государства в целом от преступных посягательств путем применения наказания и других мер уголовно-правового характера к лицам, их совершившим, а также посредством предупреждения преступлений при помощи правового воспитания, угрозы применения уголовного наказания и мер профилактики индивидуального и специально-криминалистического характера²¹.

Как верно подчеркивает С.С. Босхолов, главное состоит не в том, чтобы в максимально точных и полных формулировках определить предмет и содержание уголовной политики, а в том, чтобы из дефиниций были поняты государственная политика, стратегия и тактика борьбы с преступностью, четко просматривались политика и идеология государства в этой сфере, чтобы во главу угла здесь было поставлено право как сама воплощенная политика, реализующая ценности правового государства: защищенность личности, общества и государства, права и свободы человека и гражданина, законность, гуманизм, справедливость²².

Официальные статистические данные о состоянии преступности однозначно свидетельствуют, что она в настоящее время уже представляет реальную угрозу национальной безопасности страны. В этой связи представляется верной мысль В.В. Лунеева о том, что «диктатура преступности при либеральной борьбе с ней становится не менее опасной, чем диктатура тоталитаризма»²³. Адекватный ответ на наглый вызов криминала можно сформировать лишь на основе разработки и воплощения в жизнь стратегической государственной концепции в сфере борьбы с преступностью, уголовной политики современной России. Это необходимо потому, что прежняя уголовная политика (постсоветского периода) в нынешних сложных условиях оказалась несостоятельной. Однако до сих пор обществу не предложена концепция, адекватная существующим реалиям и отвечающая новым потребностям.

«Глубокий системный кризис в основополагающих сферах жизнедеятельности государства и общества пагубно отразился и на состоянии теории и практики борьбы с преступностью»,

– констатирует С.С. Босхолов, обоснованно считая, что интерес властей к рекомендациям теории уголовной политики заметно снизился. Проведение правовой реформы предполагало не усовершенствование отдельных институтов и направлений работы правоохранительных органов, а реформирование правоохранительной системы в целом. Для этого требовалась новая стратегическая концепция деятельности образующих ее органов, иные подходы к нормативному, ресурсному, информационному, организационному обеспечению.

Настоящее положение во многом объясняется тем, что в стране до сих пор не выработана концепция уголовной политики. Это порождает ряд проблем, в особенности в законодательном, нормативном регулировании борьбы с преступностью, ее планировании, координации деятельности системы уголовной юстиции, а также в правоприменительной практике.

Западные аналитики считают, что, если не будут приняты немедленные и самые решительные меры на самом высоком уровне, Россия, вероятно, станет криминально-корпоративным государством, в котором коррумпированные правительственные чиновники, криминальные дельцы и бандиты будут конкурировать и сотрудничать в борьбе за добычу²⁴.

Таковы прогнозы. Сбудутся ли они – покажет время.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. Босхолов С.С. Основы уголовной политики: конституционный, криминологический, уголовно-правовой и информационный аспекты. М., 2004. С. 3.

² См.: Чубинский М.П. Очерки уголовной политики: понятие, история и основные проблемы уголовной политики как составного элемента науки уголовного права. М., 2008.

³ Сухарев А.Я., Алексеев А.И., Журавлев М.П. Основы государственной политики борьбы с преступностью в России. Теоретическая модель. М., 1997. С. 24.

⁴ Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М., 2006. С. 13–14.

⁵ Овчинский А.С., Чеботарева С.О. Матрица преступности / Под науч. ред. В.С. Овчинского. М., 2006. С. 13–14.

⁶ Босхолов С.С. Основы уголовной политики. С. 50.

⁷ Эминов В.Е. Концепция борьбы с организованной преступностью в России. М., 2007. С. 9.

⁸ Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Причины преступности в России: криминологический анализ. М., 2006. С. 65–66.

⁹ Гасанов Э.Г. Уголовная политика в сфере борьбы с транснациональной преступностью // Современная уголовная политика в сфере борьбы с транснациональной организованной преступностью и коррупцией: Материалы парламентского круглого стола. Иркутск–М., 2002.

¹⁰ См.: Шабалина Ю.В. Международное сотрудничество в противодействии транснациональной организованной преступности как направление уголовной политики // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Дальневосточном федеральном округе: Сб. материалов всерос. науч.-практ. конф.: В 2 ч. / Под ред. Е.П. Кима. Хабаровск, 2008. Ч. 1. С. 54–57.

¹¹ Крейменов М.П. Введение в этнокриминологию: Монография. Омск, 2004. С. 213.

¹² См.: Лист Ф. Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление. М., 2004.

¹³ См.: Преступность как она есть и направления антикриминальной политики / Под ред. А.И. Долговой. М., 2004. С. 3.

¹⁴ Коробеев А.И., Усс А.В., Голик Ю.В. Уголовно-правовая политика: тенденции и перспективы. Красноярск, 1991. С. 7.

¹⁵ Прозументов Л.М. Уголовная политика в отношении несовершеннолетних // Пробелы в законодательстве и пути их преодоления: Сб. науч. ст. по итогам международ. науч.-практ. конф. Н. Новгород, 2008. С. 521–524.

¹⁶ Босхолов С.С. Основы уголовной политики. С. 29.

¹⁷ См.: Галиакбаров Р.Р. Уголовное право. Общая часть. Краснодар, 1999. С. 13–14.

¹⁸ См.: Кузнецов А.П. Эволюция научных представлений об уголовной политике // Пробелы в законодательстве и пути их преодоления. С. 303–312.

¹⁹ См.: Хомяков П. Россия против Руси. Историческое расследование. Русь против России. Полемиические заметки. М., 2007. С. 35.

²⁰ Малков В.П. Уголовная политика // Уголовное право России. Часть общая: Учеб. / Под ред. Л.Л. Кругликова. М., 2005. С. 12.

²¹ См.: Звечаровский И.Э. Современное уголовное право России: понятие, принципы, политика. СПб., 2001. С. 73–74.

²² См.: Босхолов С.С. Основы уголовной политики. С. 29.

²³ Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. М., 2005. С. 860–861.

²⁴ См. подр.: Босхолов С.С. Основы уголовной политики. С. 53–54.

Бюджетные средства как предмет преступления, предусмотренного ст. 285.1 УК РФ

Р.С. ЕФРЕМОВ – соискатель кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России

Группа общественно опасных деяний, посягающих на отдельные виды финансовых отношений, совсем недавно стала предметом самостоятельного изучения в теории уголовного права. Но, несмотря на это обстоятельство, значимость профилактики совершения преступле-

ний в бюджетной и кредитно-финансовой сфере и противодействия им, в том числе и уголовно-правовыми средствами, недооценивать нельзя. Финансы являются основой экономики любого государства. Выполнение государством таких задач, как защита от внешних и внутренних уг-

роз, поддержание благосостояния населения, обеспечение гарантий соблюдения прав и свобод человека и т.п., невозможно, если отсутствует сбалансированная финансовая система страны. В результате соответствующих посягательств страдают не только собственно экономические интересы отдельных хозяйствующих субъектов, но и защищенность государства от внутренних и внешних угроз¹. Таким образом, решение вопросов правовой регламентации способов уголовно-правовой защиты отечественной бюджетной и кредитной системы является и в настоящее время весьма актуальным.

Как известно, Федеральным законом РФ от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ Уголовный кодекс Российской Федерации был дополнен ст. 285.1, которая установила уголовную ответственность за нецелевое расходование бюджетных средств. Несмотря на относительно недолгий период существования данной уголовно-правовой нормы, практика ее применения выявила немало изъянов в законодательном определении, например недостаточно точное определение предмета нецелевого расходования бюджетных средств.

В соответствии с диспозицией ст. 285.1 УК РФ обязательным признаком нецелевого расходования бюджетных средств является предмет преступления – бюджетные средства в крупном (ч. 1 ст. 285.1 УК РФ) либо особо крупном (ч. 2 ст. 285.1 УК РФ) размере. Бюджетное законодательство не содержит толкования термина «бюджетные средства». Однако его можно вывести из законодательно определенных понятий «бюджет» и «расходы бюджета». Согласно ст. 6 Бюджетного кодекса Российской Федерации бюджет – это форма образования и расходования фонда денежных средств, предназначенных для финансового обеспечения задач и функций государства и местного самоуправления, а расходы бюджета – это выплачиваемые из бюджета денежные средства, за исключением средств, являющихся источниками финансирования дефицита бюджета. Исходя из этого бюджетные средства можно определить как выплачиваемые из бюджета денежные средства, предназначенные для финансового обеспечения задач и функций государства и местного самоуправления.

В соответствии с Бюджетным кодексом Российской Федерации предоставление бюджетных средств осуществляется в следующих формах:

1. Бюджетные ассигнования, к которым относятся ассигнования на оказание государственных (муниципальных) услуг, в том числе на оплату государственных (муниципальных) контрактов на поставку товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных (муниципальных) нужд; социальное обеспечение населения; предоставление бюджетных инвестиций юридическим лицам, не являющимся государ-

ственными (муниципальными) учреждениями; предоставление субсидий юридическим лицам (за исключением субсидий государственным (муниципальным) учреждениям), индивидуальным предпринимателям, физическим лицам-производителям товаров, работ, услуг; предоставление межбюджетных трансфертов; предоставление платежей, взносов, безвозмездных перечислений субъектам международного права; обслуживание государственного (муниципального) долга; исполнение судебных актов по искам к Российской Федерации, субъектам Российской Федерации, муниципальным образованиям о возмещении вреда, причиненного гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) органов государственной власти (государственных органов), органов местного самоуправления либо должностных лиц этих органов (ст. 69).

2. Субсидии юридическим лицам (за исключением субсидий государственным (муниципальным) учреждениям), индивидуальным предпринимателям, физическим лицам-производителям товаров, работ, услуг (ст. 78).

3. Бюджетные инвестиции в объекты государственной и муниципальной собственности (ст. 79) либо юридическим лицам, не являющимся государственными и муниципальными учреждениями и государственными или муниципальными унитарными предприятиями (ст. 80).

4. Бюджетные кредиты (ст. 93.2).

5. Межбюджетные трансферты из федерального бюджета бюджетам бюджетной системы Российской Федерации (ст. 129), из бюджетов субъектов Российской Федерации бюджетам бюджетной системы Российской Федерации (ст. 135), из местных бюджетов (ст. 142).

В большинстве научных публикаций по уголовно-правовой проблематике содержится общее указание на то, что предметом преступления, предусмотренного ст. 285.1 УК РФ, являются бюджетные средства². Таким образом, форма (процедура) предоставления названных средств не имеет принципиального уголовно-правового значения. Однако систематическое толкование уголовного закона и анализ бюджетного законодательства позволяют утверждать обратное: форма предоставления бюджетных средств имеет самое непосредственное уголовно-правовое значение для решения вопроса о наличии предмета преступления, предусмотренного ст. 285.1 УК РФ.

Во-первых, сопоставление ст. 285.1 УК РФ с ч. 2 ст. 176 УК РФ приводит к выводу, что предметом нецелевого расходования бюджетных средств не являются бюджетные средства, предоставленные в форме бюджетного кредита³. Уголовная ответственность за нецелевое использование бюджетного кредита наступает по ч. 2 ст. 176 УК РФ, что исключает соответствующие бюджетные средства (предоставленные в

форме бюджетного кредита) из предмета преступления, предусмотренного ст. 285.1 УК РФ. Игнорирование этого обстоятельства способно привести к квалификационным ошибкам, подобно той, которую допускает Н.Н. Бойко, полагающий, что нецелевое использование бюджетного кредита выступает в качестве разновидности нецелевого расходования бюджетных средств, квалифицируемого по ст. 285.1 УК РФ⁴.

Во-вторых, уголовная ответственность за нецелевое расходование бюджетных средств может наступать только при условии, что они имеют целевой характер, то есть выделены получателю с указанием цели их использования. Между тем бюджетному законодательству и практике бюджетных отношений известны такие формы бюджетных средств, которые не имеют целевого характера. Речь идет о дотациях – межбюджетных трансфертах, предоставляемых на безвозмездной и безвозвратной основе без установления направлений и (или) условий их использования (ст. 6 БК РФ), например дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации (ст. 131 БК РФ), дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности поселений (ст. 137 БК РФ). Учитывая, что бюджетные средства в виде дотаций не являются целевыми, то есть предоставляются получателям бюджетных средств без установления конкретных направлений и (или) условий их использования, нецелевое расходование их представляется невозможным.

Наконец, в-третьих, необходимо учитывать, что субъектом преступления, предусмотренного ст. 285.1 УК РФ, может являться только должностное лицо получателя бюджетных средств, а значит, бюджетные средства, предоставляемые юридическим лицам, индивидуальным предпринимателям и физическим лицам, например, в виде субсидий (ст. 78 БК РФ) либо юридическим лицам в виде бюджетных инвестиций (ст. 80 БК РФ), быть предметом рассматриваемого преступления не могут.

Согласно диспозиции ч. 1 ст. 285.1 УК РФ преступным и уголовно наказуемым является не любое нецелевое расходование бюджетных средств, а только «совершенное в крупном размере». Квалифицированный состав (п. «б» ч. 2 ст. 285.1 УК РФ) представлен тем же деянием, но совершенным в особо крупном размере. При этом, согласно примечанию к ст. 285.1 УК РФ, крупным размером признается сумма бюджетных средств, превышающая 1,5 млн руб., а осо-

бо крупным размером – сумма, превышающая 7,5 млн руб.

В уголовно-правовой литературе справедливо обращается внимание на некоторую непоследовательность законодателя, который в диспозиции ч. 1 и 2 ст. 285.1 УК РФ признал крупный (особо крупный) размер признаком общественно опасного деяния («расходование бюджетных средств... совершенное в крупном размере», «то же деяние, совершенное в особо крупном размере»), а в примечании к ст. 285.1 УК РФ указал, что крупный (особо крупный) размер – это определенная сумма бюджетных средств, то есть признак предмета преступления⁵. Очевидно, что крупный (особо крупный) размер не может характеризовать объективную сторону нецелевого расходования бюджетных средств, в связи с чем его необходимо считать стоимостным, количественным критерием предмета этого преступления⁶.

Таким образом, с учетом сделанных уточнений предмет преступления, предусмотренного ст. 285.1 УК РФ, можно определить как *имеющие целевой характер бюджетные средства в крупном (ч. 1) либо в особо крупном (ч. 2) размере, за исключением тех, которые предоставлены в форме бюджетного кредита либо выделены юридическим лицам, индивидуальным предпринимателям и физическим лицам.*

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Лапшин В.Ф. Финансовые преступления: Учеб. пособие. М., 2009. С. 3–4.

² См., напр.: Офицорова А.В. Реформа российского уголовного законодательства: реалии и ожидаемые последствия (на примере ст. 285.1 УК РФ) // Преступность и уголовное законодательство: реалии, тенденции, взаимовлияние: Сб. науч. тр. / Под ред. Н.А. Лопашенко. Саратов, 2004. С. 274; Лешина Т.Е. Предмет преступного посягательства нецелевого расходования бюджетных средств // Финансовое право. 2005. № 10. С. 29.

³ См.: Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России. СПб., 2007. С. 351; Попов С.В. Уголовная ответственность за нецелевое расходование бюджетных средств // Российский судья. 2006. № 11. С. 27–28.

⁴ См.: Бойко Н.Н. Уголовно-правовые аспекты ответственности бюджетных учреждений за нецелевое использование бюджетных средств // Российский следователь. 2007. № 10. С. 14–15.

⁵ См.: Попов С.В. Уголовная ответственность за нецелевое расходование бюджетных средств. С. 28.

⁶ См., напр.: Бойков Д.А. Нецелевое расходование бюджетных средств: криминологический и уголовно-правовой аспекты: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 75; Уголовное право России. Части Общая и Особенная / Под ред. М.П. Журавлева и А.В. Наумова. М., 2004. С. 592.

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Некоторые направления уголовно-исполнительной политики России на современном этапе

В.И. СЕЛИВЕРСТОВ – и.о. начальника НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Уголовно-исполнительная политика представляет собой одно из направлений внутренней политики государства, которое в совокупности с уголовной и уголовно-процессуальной политикой определяет стратегию и тактику борьбы с преступностью. В рамках уголовно-исполнительной политики разрабатываются основные направления, формы и методы исполнения наказаний, применения иных мер уголовно-правового характера, оказания исправительного воздействия на осужденных, взаимодействия системы исполнения наказаний с другими государственными органами и общественными формированиями.

Уголовно-исполнительная политика затрагивает деятельность службы судебных приставов в части исполнения штрафа как уголовного наказания, однако в полном объеме она реализуется в деятельности УИС, подведомственной Минюсту России.

За истекшие 10 лет в уголовно-исполнительной системе в результате постоянного внимания со стороны Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации произошли позитивные изменения. Проведена объемная, социально ориентированная и государственно значимая работа по совершенствованию ее деятельности. Был реализован курс на декриминализацию ряда деяний, расширение видов наказаний, альтернативных лишению свободы, улучшение условий содержания осужденных и лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений. Решен ряд задач, направленных на либерализацию уголовной политики, гуманизацию исполнения наказаний, расширение взаимодействия с институтами гражданского общества, ведение общественного контроля за соблюдением прав человека. Созданы предпосылки для внедрения концептуально новой программы пенитенциарной деятельности, ориентированной на международные стандарты. Многое сделано для социальной защищенности сотрудников, улучшения условий несения ими службы.

В итоге уголовно-исполнительная система в настоящее время представляет собой дина-

мично развивающуюся правоохранительную и социально-реабилитационную структуру, на которую общество и государство возлагают большие задачи по обеспечению правопорядка и безопасности в обществе. Однако уголовно-исполнительная система не может не реагировать на происходящие в обществе изменения, она должна находиться в постоянном развитии и совершенствовании. Основные параметры такого развития УИС на перспективу заложены в политических установках Президента РФ, решениях Федерального Собрания РФ, Правительства РФ и Министерства юстиции РФ. В качестве таковых следует назвать указания Президента Д.А. Медведева, данные им 10 июня 2008 г. при подписании Федерального закона «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания». Кроме того, содержатся они и в ежегодном Послании Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 5 ноября 2008 г., письме министра юстиции Президенту от 30 октября 2008 г., а также в решениях Совета Безопасности от 21 ноября 2008 г.

Оптимизация уголовно-исполнительной политики невозможна без обеспечения преемственности. С этой точки зрения одним из направлений уголовно-исполнительной политики является дальнейшая гуманизация условий отбывания наказания в местах лишения свободы, приведение их в соответствие с международными стандартами. Развитие уголовно-исполнительной системы в последние 10 лет, а именно с момента передачи УИС в Министерство юстиции РФ, было связано с реализацией данной тенденции как на уровне законодательства, так и на уровне его применения. Существуют разные оценки того, что было сделано за эти годы. Имеется официальная точка зрения, которая поддерживается рядом международных структур, о том, что система исполнения наказаний стала более гуманной и открытой для институтов гражданского общества. С этой оценкой солидарны большинство ученых, исследующих

пенитенциарные проблемы. В то же время радикальные правозащитные организации в принципе отрицают даже самую возможность наступления позитивных изменений в этой сфере.

В связи с этим важно изучение мнения тех лиц, ради которых и проводится реформа уголовно-исполнительной системы, а именно осужденных к лишению свободы. Приведу результаты социологического исследования, проведенного в августе 2008 г. Научно-исследовательским институтом Федеральной службы исполнения наказаний в 16 регионах Российской Федерации. По специально разработанной анкете было опрошено 16 тыс. осужденных-рецидивистов, неоднократно (от 3 до 6 раз) отбывавших лишение свободы. Основной целью опроса было выяснение мнения осужденных о произошедших в течение последних 10 лет изменениях в уголовно-исполнительной системе.

Почему рецидивистов? Во-первых, указанные осужденные имеют опыт пребывания в местах лишения свободы, что позволяет им оценить динамику произошедших изменений. Во-вторых, неоднократно судимые лица в меньшей степени подвержены влиянию администрации исправительных учреждений, что исключает подозрения в оказании давления на осужденных при ответах на поставленные вопросы. Мы надеялись на объективность в ответах и не ошиблись.

Значительная доля опрошенных осужденных (43,2%) оценивают современное состояние условий содержания как полностью или в основном соответствующие требованиям законодательства (диагр. 1).

Диаграмма 1

Оценка осужденными соответствия условий содержания требованиям законодательства

Если учесть, что 37,9% осужденных высказали мнение о частичном соответствии, то можно констатировать: большинство опрошенных высказываются положительно по этому поводу. И только 18,9% сказали, что условия содержания либо в основном не соответствуют, либо не соответствуют вовсе законодательству.

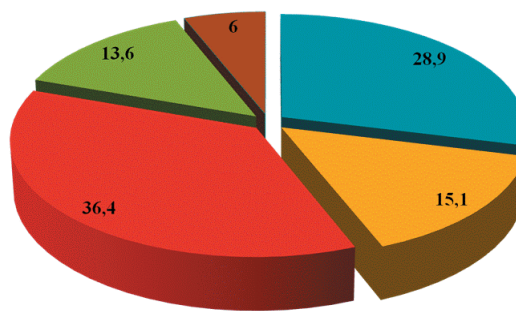
По мнению почти трети осужденных (28,9%), условия отбывания наказания в исправительных колониях за последние 10 лет изменились в лучшую сторону (диагр. 2). Только 15,1% опрошенных

осужденных считают, что изменения произошли в худшую сторону. Большая доля осужденных (36,4%) отметила, что изменения произошли как в ту, так и в другую сторону. По мнению 6% осужденных, изменений не произошло, остальные затруднились с ответом. Обращает на себя внимание тот факт, что доля лиц, положительно оценивших изменения в условиях отбывания наказания, почти в два раза превышает долю осужденных, оценивших изменения как негативные. По оценке осужденных, позитивные изменения коснулись предоставления свиданий, улучшения бытовых условий в отрядах, оказания помощи в виде восстановления документов и помощи в оформлении социальных пособий (диагр. 3).

В то же время неудовлетворительный ответ получили вопросы об оплате труда осужденных, разрешении на выезд за пределы исправительных учреждений (диагр. 4), помощи в трудовом и бытовом устройстве.

Диаграмма 2

Оценка осужденными изменения условий отбывания наказания за последние 10 лет

- 1 - условия отбывания наказания изменились в лучшую сторону
- 2 - условия отбывания наказания изменились в худшую сторону
- 3 - изменения произошли как в ту, так и в другую сторону
- 4 - затруднились с ответом
- 5 - изменений не произошло

Диаграмма 3

Оценка осужденными условий отбывания наказания выше среднего уровня

Диаграмма 4

Оценка осужденными условий отбывания наказания ниже среднего уровня и равная среднему уровню

Такая позитивная оценка не означает, что тенденция гуманизации себя исчерпала: в рамках уголовно-исполнительной политики стоит задача адаптации в законодательстве и практике исполнения наказаний международных стандартов обращения с осужденными, особенно рекомендаций новых Европейских пенитенциарных правил (2006 г.).

Одним из направлений оптимизации уголовно-исполнительной политики является поощрение и развитие новых современных технологий в воспитательной работе с осужденными. Необходимо отметить тот большой путь, по которому прошла уголовно-исполнительная система, адаптируя в воспитательной работе с осужденными такие формы, как психологическое воздействие на осужденных и социальная работа с ними. Можно по праву сказать, что многие разработки представляют ноу-хау в уголовно-исполнительной системе, они не применяются в пенитенциарных системах зарубежных государств. В то же время необходимо дальнейшее развитие особенно социальной работы с осужденными, в частности закрепление ее в УИК РФ в качестве одного из средств исправительного воздействия.

Как представляется, необходимо всемерно поддерживать новые технологии и в традиционной воспитательной работе с осужденными, в частности проведение конкурсов, фестивалей, сеансов одновременной игры, театральных постановок, выставок с участием осужденных. Это обогащает воспитательную работу, свидетельствует о том, что осужденные не становятся изгоями общества, а имеют надежду на полноценное возвращение в его ряды. Кроме того, следует прямо признать, что новые воспитательные технологии повышают авторитет уголовно-исполнительной системы, и не только в России, но и за рубежом.

Вместе с тем необходимо устранить отдельные трудности в развитии новых технологий в

воспитательной работе. Так, НИИ ФСИН России подготовил проект закона об изменении ст. 97 УИК РФ, предусматривающей установление в качестве одного из оснований для выезда осужденных за пределы исправительных колоний участие в воспитательных мероприятиях, проводимых в рамках уголовно-исполнительной системы. Речь идет о концертах «Калина Красная», «Красиво шить не запретишь» и других мероприятиях.

Одним из направлений реализации уголовно-исполнительной политики является дифференциация осужденных, средств и методов воздействия на них в зависимости от характера и тяжести совершенных преступлений, а также поведения в местах лишения свободы. В зависимости от указанных признаков УИК РФ выделяет 22 категории осужденных, имеющих различное правовое положение. Если присоединить к этому числу осужденных, которые должны содержаться отдельно или раздельно от других категорий, то это число достигает сорока. Дальнейшая дифференциация осужденных связана со значительными материальными затратами и может повлечь сокращение социально полезных связей осужденных с семьей и другими категориями граждан.

С этих же позиций следует рассмотреть имеющие место в юридической литературе предложения о переходе на тюремное заключение осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления либо имеющих активные криминальные установки, злостно нарушающих режим и т.д. Создание тюремной системы с камерным содержанием хотя бы части осужденных повлечет значительные материальные затраты, которые едва ли можно получить из бюджета, учитывая наступление экономического кризиса. Это, во-первых.

Во-вторых, было бы упрощением представлять, что камерное содержание указанных категорий преступников должно быть похожим на современное содержание в тюрьмах ФСИН России. Новые тюрьмы должны строиться в соответствии с международными стандартами и в первую очередь Европейскими пенитенциарными правилами, предусматривающими норму в 12 кв. м жилой площади на одного осужденного, дневное освещение, достаточное для работы в этой камере, как правило, одиночное размещение и соответствующее материально-техническое оборудование. Все это позволяет говорить уже не о камерном размещении в традиционном для России понимании, а о покомнатном размещении осужденных в тюрьмах современного типа. Так стоит ли столь кардинально улучшать условия отбывания наказания для лиц, имеющих активные криминальные установки и злостно нарушающих режим? Для изоляции этих лиц

имеются строгие условия содержания в исправительных колониях, ПКТ, ЕПКТ и действующие в настоящее время тюрьмы.

Еще одним важнейшим направлением уголовно-исполнительной политики является усиление социально-правовой защиты персонала исправительных учреждений, приведение условий его деятельности в соответствии с международными стандартами.

Следует сразу сказать, что служба в исправительных учреждениях и следственных изоляторах не считается престижной среди населения.

Она чрезвычайно опасна. В период с 2004 г. по первое полугодие 2008 г. при исполнении служебных обязанностей погибли 122 сотрудника, получили ранения и увечья 182 сотрудника. В течение 2007 г. и за первое полугодие 2008 г. совершено 426 нападения на членов семей и сотрудников, связанных с их служебной деятельностью.

Эта служба по-прежнему низкооплачиваемая. Зарплата работников уголовно-исполнительной системы в крупных городах и промышленно развитых регионах России существенно отстает от среднего дохода населения этих регионов. Размер денежного довольствия сотрудника из числа младшего инспекторского состава, численность которого превышает 150 тыс. чел., в первые годы службы составляет около 7 тыс. руб. в месяц. Зарплата работника из числа лиц гражданского персонала находится на пределе прожиточного минимума и составляет 5–7 тыс. руб. в месяц, существенно уступая размерам заработной платы на предприятиях и в организациях.

Эта служба не гарантирует удовлетворения важнейших потребностей сотрудников и членов их семей, особенно в предоставлении жилья. Нуждающихся в улучшении жилищных условий числится 40 489 сотрудников уголовно-исполнительной системы, из них 35 289 начальствующего состава. Состоят на учете свыше 10 лет 30% сотрудников. Как показывает практика, сотрудник, вставший в очередь на улучшение жилищных условий сегодня, может рассчитывать на удовлетворение своих потребностей в жилье лишь через 20 лет службы.

Эта служба является чрезмерно напряженной, так как сотрудникам приходится работать в условиях количественного и качественного некомплекта. В ряде регионов доля уволившихся в первом полугодии 2008 г. сотрудников составила 6–9% от общей численности личного состава, вакантными остаются 7–12% штатных должностей. Происходит рост вакантных должностей, по этой причине 45% должностей младшего начальствующего состава, который несет службу по охране осужденных к лишению сво-

боды, укомплектовано лицами женского пола. В крупных промышленных центрах часть должностей вынужденно замещается иногородними сотрудниками, несущими службу вахтовым методом, что повышает риск чрезвычайных происшествий в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Согласно социологическому исследованию, проведенному в августе 2008 г. НИИ ФСИН России (было опрошено 4800 сотрудников в 16 регионах России), выявлена группа риска, которая составляет более одной четверти от числа опрошенных сотрудников. Эти лица не заинтересованы служить в УИС из-за низкого материального обеспечения и недостаточной социальной защищенности. При непринятии мер по повышению престижа работы в УИС, в том числе по увеличению заработной платы и предоставлению других льгот некомплект в УИС может возрасти и поставить под угрозу выполнение возложенных на нее правоохранительных задач.

Отрадно отметить, что социологическое исследование зафиксировало желание остальных опрошенных сотрудников добросовестно служить в УИС. Для этого необходимо принять меры по их социальной поддержке, а также стимулированию труда тех сотрудников, которые имеют право выхода на пенсию, с целью оставления их на службе в УИС.

Развитие взаимодействия уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества в социальной реабилитации лиц, освобожденных от отбывания наказания.

Существует серьезная проблема постпенитенциарной адаптации освобождающихся осужденных. Ежегодно из учреждений уголовно-исполнительной системы освобождается 260–300 тыс. осужденных. После освобождения у многих из-за отсутствия семьи, профессии, места жительства возникают трудности с трудоустройством, проживанием, обострение заболеваний. Имеющиеся центры социальной реабилитации, социальные приюты не могут охватить своим воздействием всех нуждающихся в социальной помощи. Сложившаяся практика трудового и бытового устройства лиц, отбывших наказание, отсутствие государственно-правового механизма социальной помощи и социальной адаптации лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы, не обеспечивают в полной мере реализацию прав и законных интересов указанной категории граждан.

Необходимо развитие сети центров социальной реабилитации освобожденных из мест лишения свободы. В настоящее время их насчитывается около 400, этого явно не достаточно. Кроме того, требуется реализация уже давно выдвинутого предложения по разработке и принятию Федерального закона «О социальной

адаптации лиц, освобожденных от отбывания наказания». В этом законе было бы целесообразно предусмотреть систему координации различных ветвей власти и общественности в решении вопросов ресоциализации.

В отношении другой части осужденных, освободившихся из мест лишения свободы, имеющих стойкие криминальные установки, необходимо применение и расширение мер административного контроля и надзора. Усилению профилактического воздействия на лиц данной категории способствовало бы воссоздание на федеральном уровне государственной комплексной межведомственной системы профилактики преступности, включающей работу правоохранительных и государственных органов в различных социальных и возрастных группах населения.

Развитие пенитенциарной науки

На современном этапе в условиях продолжающегося реформирования УИС и становления ее в новом качестве большую роль приобретает ведомственная пенитенциарная наука, направленная на поиск путей повышения эффективности исполнения уголовных наказаний, совершенствование исправительного воздействия на осужденных, успешную реализацию государственной уголовно-исполнительной политики.

Решением указанных задач в настоящее время занимаются сотрудники НИИ ФСИН России и ученые, работающие в образовательных учреждениях ФСИН России, прежде всего Академии права и управления, Владимирском юридическом институте, Вологодском институте права и экономики и других институтах.

Большинство научных исследований направлено на изучение вопросов прикладного характера, связанных с правовым обеспечением деятельности УИС, ведь, как известно, высокий уровень законодательства способствует успешному практическому разрешению проблемных вопросов в уголовно-исполнительной системе. Для укрепления связи науки с практикой происходит непрерывное взаимодействие с центральным аппаратом и территориальными органами ФСИН России, имеющее своей целью осуществление постоянного научного поиска в направлении развития и совершенствования системы.

Также НИИ ФСИН России осуществляется научное обеспечение работы с личным составом

УИС, включающее разработку проблем социальной и правовой защищенности сотрудников, мотивации к службе в УИС, совершенствования системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров, адаптации молодых сотрудников к условиям службы.

Необходимо отметить еще одно значимое направление деятельности института, связанное с научным обеспечением проблем исполнения наказаний без лишения свободы. Так, осуществляется научное сопровождение принятия Государственной Думой Российской Федерации закона об ограничении свободы.

Учитывая значимость для научных исследований постоянных творческих связей с учеными, работающими в научных и образовательных учреждениях других ведомств, за последнее время НИИ ФСИН России заключил договор о творческом сотрудничестве с Институтом укрепления законности и правопорядка Академии Генеральной Прокуратуры Российской Федерации. Налажено взаимодействие с ВНИИ МВД России, развиваются творческие связи с Академией управления МВД России, Московским, Санкт-Петербургским, Томским университетами.

Также нельзя не отметить высокое значение изучения зарубежного опыта пенитенциарных систем, возможности его использования в отечественной практике. В этих целях ученые-пенитенциаристы принимают участие в подготовке и проведении различного рода международных конференций, круглых столов и семинаров, направленных на выявление и решение вопросов совершенствования деятельности УИС.

Важны также социологические исследования в пенитенциарной сфере. С этой целью ученые НИИ ФСИН России с 2009 г. возобновляют мониторинг общественного мнения о деятельности УИС, в ноябре 2009 г. планируется проведение специальной переписи осужденных к лишению свободы и лиц, содержащихся под стражей.

Представляется, что отлаженная работа научного потенциала и практических работников ФСИН России будет способствовать решению всех поставленных перед пенитенциарной наукой задач, что в свою очередь позволит максимально эффективно реализовывать цели исполнения наказаний – исправление осужденных и возвращение их в общество его полноправными членами.

О проблемах участия общественности в осуществлении контроля за лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы

А.М. ПОТАПОВ – старший преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук

Последовательное осуществление мероприятий в области гуманизации уголовно-исполнительной политики, нацеленных на улучшение условий содержания в местах лишения свободы, уменьшение состава и численности осужденных, расширение количества субъектов, участвующих в процессе исполнения наказаний, является важнейшим направлением совершенствования пенитенциарной деятельности государства.

Уголовно-исполнительная политика любого демократического государства осуществляется в рамках всестороннего контроля со стороны различных общественных институтов. В связи с этим расширение практики общественного контроля в сфере исполнения уголовных наказаний следует рассматривать как важный инструмент повышения эффективности пенитенциарной деятельности. Необходимость такой работы обусловлена фактическим положением дел в уголовно-исполнительной системе. Так, с 2006 г. число лиц, содержащихся в местах лишения свободы, стабильно увеличивается¹. При этом доля осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления достигла 70%. Более 40% осужденных отбывают наказание во второй раз и более, что подтверждает их устойчивую криминальную мотивацию².

В этих условиях существенно возрастает роль профилактики рецидивной преступности, основной вектор которой должен быть направлен на организацию эффективного контроля за лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы. Причем эта деятельность должна осуществляться не только государством, но и общественностью.

Анализ отечественного законодательства свидетельствует о наличии существенных проблем в правовом регулировании данного вопроса. Так, законодательством советского периода предусматривались следующие формы контроля: наблюдение за освобожденными условно-досрочно (ст. 44, 45 Основ уголовного законодательства, ст. 53, 55 УК РСФСР, ст. 48 Основ исправительно-трудового законодательства, ст. 10 и 100 ИТК РСФСР); контроль за условно осужденными и лицами, в отношении которых назначена отсрочка исполнения приговора

(ст. 39 Основ уголовного законодательства, ст. 44, 45 УК РСФСР); надзор, осуществляемый за условно освобожденными из мест лишения свободы с обязательным привлечением к труду; административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы (ст. 49 Основ исправительно-трудового законодательства, ст. 107 ИТК РСФСР).

Указанные формы контроля не нашли соответствующего закрепления в действующем российском законодательстве, что ограничивает возможности профилактики рецидива преступлений со стороны лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы³. При этом стоит отметить отдельные попытки законодателя решить данную проблему. В частности, речь идет о Федеральном законе от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания»⁴, а также проекте Федерального закона «Об административном контроле за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»⁵. Потребность в указанных нормативно-правовых актах очевидна. В то же время вопросы участия общественности в контроле за освобожденными законодательно закреплены в данных нормативно-правовых актах не находят, что существенно ограничивает реализацию рассматриваемой общественно полезной функции.

Кроме того, указанные документы не определяют и организационно-правовые формы общественных объединений, на которые возлагаются обязательства по обеспечению постпенитенциарного контроля. Существовавшие ранее наблюдательные комиссии исполкомов местных советов представлены в одном из указанных нормативных актов как общественные наблюдательные комиссии. Отличие состоит в том, что на общественные наблюдательные комиссии, образуемые в субъектах Российской Федерации, функции постпенитенциарного контроля не налагаются.

Одной из составляющих общественного контроля за лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы, являлась воспитательная работа с освобожденными. В советский период

воспитательные мероприятия проводились, как правило, с лицами, освобожденными условно-досрочно из мест лишения свободы. Между тем в определенных случаях такая работа осуществлялась и в отношении иных категорий освобожденных, в частности подпадающих под административный надзор органов внутренних дел. Действующим законодательством такие функции на общественные наблюдательные комиссии не возлагаются.

Наблюдательные комиссии исполкомов местных советов были наделены правом совместно с администрацией исправительно-трудовых колоний и тюрем выносить заключения о необходимости установления либо прекращения административного надзора за освобожденными. Естественно, сейчас подобной практики нет, так как не существует самого административного надзора. В то же время эффективность этого института была достаточно высокой, что достигалось в том числе и путем привлечения к данной деятельности наблюдательных комиссий.

Исходя из изложенного целесообразно сделать ряд выводов по вопросам, связанным с привлечением общественности к осуществлению контроля за лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы.

Во-первых, научная разработка проблем, связанных с привлечением общественности к осуществлению контроля за освобожденными, представляется нам своевременной и востребованной.

Во-вторых, предпринимаемые сегодня попытки законодательно решить проблему привлечения общественности к сфере исполнения уголовных наказаний следует признать обосно-

ванными. Однако смещение акцентов только на пенитенциарный этап вряд ли себя оправдает, так как постпенитенциарный период также является неотъемлемой составляющей профилактики рецидивной преступности.

В-третьих, определяя концептуальные положения, касающиеся привлечения общественности к осуществлению контроля за лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы, необходимо конкретизировать правовые основания его организации, которые в настоящее время в отраслевом законодательстве не отражены.

Наконец, в-четвертых, при определении общественных организаций, которые будут наделены правом на осуществление контрольных функций в отношении освобожденных из исправительных учреждений, необходимо, на наш взгляд, исходить из исторического опыта привлечения к этой деятельности наблюдательных комиссий местных исполкомов власти с возложением этих обязанностей на общественные наблюдательные комиссии, образуемые в субъектах Российской Федерации.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Преступность и правонарушения (2003-2007): Стат. сборник. М., 2008. С. 158; <http://www.fsin.su>.

² См.: Доклад Президиума государственного совета «О дополнительных мерах по совершенствованию деятельности уголовно-исполнительной системы с участием органов государственной власти субъектов Российской Федерации». Вологда, 2009. С. 105.

³ Исключением является контроль за поведением условно осужденных со стороны уголовно-исполнительных инспекций (ст. 187 УИК РФ).

⁴ См.: СЗ РФ. 2008. № 24. Ст. 2789.

⁵ См.: Правовая система «Гарант».

Криминологическая характеристика корыстных преступлений, совершаемых в исправительных учреждениях

И.А. УВАРОВ – докторант Академии ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

Корыстная преступность представляет собой наиболее распространенное криминальное проявление в мире, имеет наибольшие количественные показатели по сравнению с другими видами преступности. Нередко доля корыстных преступлений в странах с развитой экономикой превышает 90%, а в развивающихся – 60% от общего объема всей зарегистрированной преступности. При этом нужно иметь в виду и наличие неучтенных преступлений (латентная преступность).

Под корыстью обычно понимается выгода, материальная польза. Соответственно корыстная мотивация – обусловленность поведения человека стремлением к выгоде. В наиболее общем виде корыстная мотивация присуща поведению любого человека, поскольку совершение поступков исключительно во вред себе или без какой бы то ни было пользы для себя идет в разрез с человеческой сущностью. Вместе с тем некоторые проявления корысти традиционно рассматриваются как противоречащие интересам общества (антисоциальные). В этой связи в праве категория корысти используется в более узком значении – как осознанное стремление к получению безвозмездной противоправной имущественной выгоды (корыстная заинтересованность, корыстная цель). Неосознанное стремление к обогащению (что присуще, по-видимому, всем без исключения людям), стремление обогатиться законными либо незаконными средствами, но с возмещением убытков не рассматривается правом как корысть.

Принято считать, что корыстная преступность имеет небольшое представительство в структуре пенитенциарной преступности. Это не соответствует действительности. Такого рода неточности обусловлены несколькими обстоятельствами. Прежде всего, это методологический подход. Среди субъектов корыстных преступлений в местах лишения свободы, как правило, называют только осужденных. Существующее в пенитенциарном сообществе представление о корпоративной этике категорически запрещает совершать кражи у таких же осужденных. Соответствующий вид преступного поведения имеет даже специальное название – «крысятничество», то есть кража у своих. Принимая все это во внимание исследователи исключают такого рода преступные проявления в пенитенциарном сообществе.

С другой стороны, осужденный, совершивший рассматриваемое посягательство, ставит себя таким образом вне «правового поля», опре-

деляемого пенитенциарным сообществом. Он – «вне закона». Такое понимание корыстной преступности осужденных может показаться странным, учитывая, какой контингент содержится в местах лишения свободы. Однако объяснение этому есть. Осужденные, находясь в изоляции, лишены большей части материальных благ. Невозможность обладания формирует и специфическое отношение к тем небольшим материальным ценностям, которые все же есть. Таким образом, посягнувший на эти незначительные блага не только нарушает право собственности, но и как бы усиливает испытываемое осужденным наказание. У осужденного нечего брать, а следовательно, все преступления корыстной направленности могут характеризоваться малозначительностью ущерба и не образовывать самостоятельного состава преступления.

Другой ошибкой исследователей является неправильное определение предмета пенитенциарной криминологии. Принято считать, что в него должны включаться только те преступления, которые совершаются осужденными¹, что правильно лишь отчасти. Если преступление в местах лишения свободы совершается сотрудниками и детерминировано условиями мест лишения свободы, то оно должно считаться пенитенциарным². По этому поводу в литературе закрепились позиция, согласно которой сотрудники исправительных учреждений могут рассматриваться в качестве самостоятельных субъектов пенитенциарных преступлений, например должностных³.

Отдельный вопрос представляет и соучастие представителей администрации в совершении корыстных преступлений. Как правило, непосредственными исполнителями таких преступлений выступают осужденные, но без деятельного (интеллектуального и физического) участия сотрудников совершение вряд ли было бы возможным. Это подтверждается тем обстоятельством, что осужденные не могут иметь свободного выхода за пределы мест лишения свободы, тогда как любые похищенные предметы нуждаются в реализации. Сделать это без помощи персонала мест лишения свободы невозможно. Все вышесказанное свидетельствует о необходимости расширения круга субъектов корыстных пенитенциарных преступлений до следующих пределов: осужденные, аттестованные сотрудники, вольнонаемные сотрудники, лица, которые по роду своей производственной деятельности могут работать с осужденными или на предприятиях исправительных учрежде-

ний, а также иные лица, которые могут вступать в контакт с осужденными в процессе отбывания наказания.

Таким образом, можно предположить, что криминологическая характеристика пенитенциарных преступлений корыстной направленности должна включать все виды преступлений, характеризующихся соответствующей мотивацией. Отсутствие специальных исследований этого вида преступных посягательств значительно снижает объективность их криминологической оценки.

Криминологическая характеристика корыстных преступлений, совершаемых осужденными в исправительных колониях, сводится к определению количественных и качественных показателей. В то же время в литературе отмечается высокий уровень латентности рассматриваемой преступности, что ставит под сомнение достоверность имеющихся статистических данных⁴. В сферу уголовно-правовой регистрации попадают только наиболее опасные и очевидные посягательства осужденных на чужое имущество. Другие преступления против собственности, содержащие признаки таких составов преступлений, как умышленное причинение имущественного вреда, вымогательство, неправомерное завладение чужим имуществом без цели хищения, либо вовсе не выявляются, либо переводятся в разряд дисциплинарных проступков, которые влекут за собой специфические формы правового реагирования. В результате наносится существенный ущерб интересам борьбы с такого рода преступлениями в местах лишения свободы.

В криминологии давно сложилось четкое понимание того, что в тех случаях, когда не предпринимаются необходимые меры противодействия какому-либо общественно опасному деянию, то оно имеет тенденцию к росту. На повышение уровня корыстных преступлений может указывать фактор увеличения количества имущества, находящегося в местах лишения свободы на праве частной собственности осужденных.

Специальные исследования показывают, что более 70% корыстных преступлений совершаются осужденными вследствие наличия «благоприятных» условий, связанных с ненадлежащим выполнением обязанностей по охране представителями администрации исправительных колоний и лицами, на которых возложена такая обязанность.

«Нравственные свойства личности осужденного во многом определяют его потребности и интересы. Нередко поведение осужденного обусловлено нормальными естественными потребностями, которые свойственны каждому человеку. Однако психологический механизм совершения конкретного преступления отчетливо обнаруживает криминогенную мотивацию такого социального поведения. Исследования показали, что потребность в продуктах питания

и в одежде возникает чаще других и составляет более половины похищенного осужденными во время отбывания наказания. Однако как одежда, так и продукты питания похищались для удовлетворения обусловленных негативных наклонностей. Так, потребность в продуктах питания возникла у 36% осужденных, совершивших хищение имущества»⁵.

Потребность в одежде возникает у 20,8% осужденных. Причем речь идет как о разрешенной к ношению одежде (которая похищается у самих осужденных, со складов, магазинов, кабинетов представителей администрации и т.д.), так и об одежде, которая не входит в перечень разрешенной к ношению осужденными, отбывающими наказание в исправительных колониях.

У осужденных, отбывающих наказание в исправительных колониях (чаще тех, кто пользуется правом безконвойного передвижения), возникает потребность и в хищении денег (5,5%), драгоценностей. Как правило, потерпевшими в этих случаях становятся вольнонаемные, большинство из которых состоит с расконвоированными осужденными в запрещенных связях. Потребительский спрос осужденного зависит от его социально-психологических качеств. У наркомана потребность в наркотиках, у алкоголика – в спиртных напитках. Здесь необходимо отметить, что при выборе объекта преступного посягательства, осужденный игнорирует то обстоятельство, что похищаемый предмет может быть запрещен к хранению и использованию в местах лишения свободы. Рассматриваемые деяния могут выступать в качестве условий для совершения других преступлений.

Непосредственной психологической причиной совершаемого осужденными в исправительных колониях корыстного преступления является стремление лица удовлетворить свои потребности посредством нарушения закона. Наиболее доступным способом выступает тайное хищение чужого имущества. По оценкам специалистов, в общей структуре корыстной преступности мест лишения свободы кража составляет 71,6%.

Одним из наиболее опасных видов корыстных преступлений, совершаемых осужденными, является разбойное нападение (8%). Во многих случаях оно имеет место в результате внезапно возникшего умысла, причем каждое второе разбойное нападение совершается лицами, находящимися в состоянии алкогольного опьянения. Почти две трети разбойных нападений были совершены лицами, ранее судимыми за хищения или другие преступления против собственности либо за насильственные преступления. Характерно, что предметом большинства хищений, совершаемых в форме разбоя, является государственное имущество.

Имеет место тенденция к росту и таких форм хищения, как присвоение и растрата имущества, вверенного осужденным, отбывающим лишение свободы. Подавляющее большинство

хищений в форме присвоения совершается в соучастии с вольнонаемными сотрудниками исправительных колоний. Причем осужденные в этих случаях выполняют функции материально ответственных лиц. Хищения имущества, совершенные осужденными в форме присвоения, составили 1,3% от общего количества хищений, в форме растраты – 2,6%. Как правило, растрата представляет собой продажу имущества, вверенного виновному или находящегося в его ведении⁶.

Анализ материалов судебной практики показывает, что 56,4% хищений происходят в жилых зонах. Чаще всего хищения в жилой зоне совершаются из магазинов исправительных колоний (23,5%) и столовых (14,6%). Однако имеются и факты хищения имущества из кабинетов начальников исправительных колоний и их заместителей (0,6%), начальников частей служб, расположенных на территории жилой зоны, и начальников отрядов (1,0%), из медицинских частей (3,2%). Зарегистрированы хищения из самых охраняемых мест исправительных колоний, то есть ШИЗО и ПКТ (0,3%).

В подавляющем большинстве случаев хищению подвергается личное имущество осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы. Так, в исправительных колониях общего режима потерпевшими от преступления были признаны 6,6% осужденных, строгого – 23,1%, особого – 0,2%. Хищения у осужденных совершались, как правило, из жилых помещений (40%), на рабочих местах (около 30%). Похищалось личное имущество осужденных и в банях, столовых, во время этапирования, в школах, больницах (около 10%) и т.д.

Специальное исследование, проведенное Е.В. Прысь, позволило выделить четыре категории осужденных, ставших потерпевшими от хищения. «Преступное поведение лица, совершившего хищение было обусловлено:

1) поведением потерпевшего (чаще такие осужденные распространяли слухи о своих богатых родственниках, которые им оказывают помощь, или о том, что им всегда везет в игре под интерес и у них есть много денег, и т.д.);

2) особыми его качествами (лица, которые не пользуются авторитетом, либо вновь прибывшие в исправительные колонии);

3) сложившимися ранее отношениями (как правило, это доверительные отношения, которые заканчиваются хищениями в форме обмана или злоупотреблением доверием);

4) отношениями, сложившимися в процессе столкновения (потерпевшими здесь являются

лица, которые случайно оставили без присмотра вещи либо у которых имущество было похищено в результате внезапного возникшего умысла)⁷.

Однако следует заметить, что хищения совершаются и у сотрудников исправительных учреждений. Так, например, сотрудники вольнонаемного состава значительно чаще выступают потерпевшими от корыстных преступлений, чем аттестованные сотрудники. В исправительных учреждениях общего вида режима количество вольнонаемных сотрудников, у которых было похищено их имущество, составляет 0,8%, строгого режима – 1,2%, особого режима – 0,2%. В категорию «риска», входят, как правило, те сотрудники исправительных учреждений, которые непосредственно работают с осужденными. Исключение могут представлять специалисты других предприятий и организаций, которые работали совместно с осужденными не на постоянной основе, например при установке оборудования, либо лица, осуществляющие руководство производством на контрагентских объектах⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., напр.: Каретников И.В. Криминологические проблемы исполнения и отбывания уголовного наказания в виде лишения свободы // Сов. гос-во и право. 1989. № 10. С. 66.

² Наиболее последовательно эту позицию обосновывает О.В. Старков (см., напр.: Старков О.В. К вопросу о предмете и системе криминологии // Проблемы юридической ответственности и исполнения уголовных наказаний. Рязань, 1985. С. 132). Другой автор, М. Костюк, предлагает относить сотрудников к субъектам пенитенциарной преступности только при совершении ими насильственных преступлений (см.: Костюк М. Насилие в местах лишения свободы (социально-правовой аспект) // Законность. 1998. № 12. С. 45).

³ См., напр.: Ивашко И.Ю. Профилактика экономических преступлений в уголовно-исполнительной системе средствами контрольно-ревизионной деятельности: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2002. С. 12.

⁴ См.: Прысь В.Е. Хищение в исправительно-трудовых колониях // Человек: преступление и наказание. 1995. № 1. С. 31.

⁵ Прысь Е.В. Борьба с хищениями чужого имущества, совершаемыми осужденными в исправительных колониях: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 1998. С. 16.

⁶ См.: Григорьев А.И., Пантелеев В.А. Присвоения и растраты, совершаемые в условиях исправительных учреждений УИС России, и их предупреждение. Владимир, 2005. С. 32.

⁷ Прысь Е.В. Борьба с хищениями чужого имущества, совершаемого осужденными в исправительных колониях. С. 18.

⁸ См.: Прысь Е.В. Формы хищения имущества, совершаемого осужденными в ИТК // Человек: преступление и наказание. 1995. № 3. С. 41.

УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО И ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

К вопросу о структуре механизма преступления

А.М. КУСТОВ – заведующий научно-исследовательской лабораторией Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Для многих аспектов исследуемой проблемы главным вопросом является определение структуры механизма преступления.

Опрос сотрудников правоохранительных органов, который был осуществлен нами в период с 1988 по 2004 гг. в различных регионах страны, свидетельствует о том, что 90% респондентов тем или иным образом в своей практической деятельности соприкасались с понятием «механизм преступления». На вопрос о том, какие элементы входят как составные части в данное понятие, опрошенные ответили следующим образом: преступная деятельность виновного (64,2%); действия потерпевшего (32,8%); действия косвенных участников события (22,8%); отдельные элементы обстановки (46,4%); орудия и иные средства достижения преступного результата (58,5%); иные элементы, в том числе предмет посягательства, погодно-климатические условия, элементы окружающей среды, действия различных лиц по сокрытию последствий преступления и т.д. (11,4%).

По мнению ряда ученых, в понятие «механизм преступления» должны войти лишь отдельные элементы уголовно-правового состава преступления. Так, И.А. Возгрин в свое время выделил только признаки способа совершения преступления, личности преступника и личности потерпевшего¹.

Вызывает теоретический интерес и точка зрения В.Я. Колдина и Ю.Г. Корухова, которые под механизмом расследуемого события понимали совокупность взаимодействующих материальных систем и процессов, образующих расследуемое событие и обуславливающих возникновение источников криминалистической информации. По их мнению, в самом общем виде структура механизма преступления может быть представлена в форме взаимодействия четырех материальных подсистем: субъект, предмет, орудия (средства) и место (обстановка) преступления².

Если рассматривать преступление как объект криминалистического научного и практического

познания в целом, то оно представляет собой не только процесс взаимодействия преступника и окружающей его среды «через» орудия и предмет посягательства, но и процессы взаимодействия потерпевшего с преступником и средой через использование тех или иных средств совершения преступления.

Параллельно с ними, как показали многочисленные исследования, протекает процесс взаимодействия других участников преступного события с преступником и средой через контакт с потерпевшим. Все эти процессы взаимодействия порождают в окружающей среде материальные изменения, а в сознании участников преступного события интеллектуальные последствия, которые имеют значение для установления истины по уголовному делу. Данные процессы проникают во все уровни существования материи: физический, химический, биологический, психофизический и социальный.

Действительно, как показали результаты наших исследований, при совершении преступления происходит множество различных процессов взаимодействия людей, объектов и явлений, в результате которых образуются источники доказательственной и иной информации.

Можно сказать, что механизм преступления представляет собой последовательный (поэтапный) ряд процессов взаимодействия, в результате которых проявляются следы-отражения, содержащие криминалистически значимую информацию о самом преступлении и его участниках. Каждый отдельный процесс предполагает наличие других процессов или является их побудителем, придавая всей системе стройный, устойчивый и динамичный характер.

Исходя из общей структуры преступления как объекта криминалистического познания В.В. Клочков и В.А. Образцов выделили следующие взаимодействующие (взаимосвязанные) его компоненты: а) лицо, совершающее преступление (преступник); б) поведение преступника; в) элементы окружающей среды³. В

дальнейшем, изучая механизм преступления, В.А. Образцов определил его как совокупность динамично развивающихся в определенной последовательности материальных систем и процессов, взаимодействующих между собой и обуславливающих возникновение информации о данном событии (преступлении). В число взаимодействующих при этом объектов он ввел преступника; предмет посягательства (человек, вещь и т.д.); орудия, иные материально фиксированные средства достижения преступного результата (транспорт преступника, технические устройства, приспособления, например для взлома хранилища, и т.д.); элементы обстановки на месте приготовления к совершению преступления, месте его совершения, сокрытия, в иной материальной среде (например, там, где скрываются или сбывают похищенное имущество); поведение преступника⁴.

Более системно представляет себе элементы механизма преступления З.И. Кирсанов. Основными из них, по его мнению, являются: лицо (лица), реализующее преступный замысел целенаправленным поведением (действиями); способ преступления (подготовка, совершение и сокрытие); потерпевший, его поведение, связанное с преступлением; предмет преступного посягательства; орудия, средства преступления и другие предметы, использовавшиеся в преступных целях (например, инструменты для изготовления орудий преступления); лица, косвенно связанные с преступлением (например, непреднамеренно оказавшие помощь в приобретении или сокрытии орудий или средств преступления); материальная обстановка (среда), в которой подготовилось, совершилось преступление или принимались меры к его сокрытию: участки местности и помещения (например, место оборудования тайника), предметы домашней обстановки, оставленные преступником или потерпевшим на месте происшествия предметы и вещи, а также происходившие во время преступления материальные процессы – взрыв, пожар, авария, производственные процессы и т.п.⁵

Р.С. Белкин среди элементов механизма преступления назвал субъект преступления; отношение субъекта преступления к своим действиям, их последствиям и соучастникам; предмет посягательства; способ преступления (как система детерминированных действий); преступный результат; обстановку преступления (место, время и др.); поведение и действия лиц, оказавшихся случайными участниками события; обстоятельства, способствующие или препятствующие преступной деятельности; связи и отношения между действиями (способом преступления) и преступным результатом, между участниками события и т.п.⁶

Закономерно и криминалистически значимо то, что основным, исходным элементом в системе механизма преступления, как правило, является совокупность взаимосвязанных последо-

вательных действий виновного, сопряженных с использованием орудий и средств, направленных на достижение преступного результата и его сокрытие, то есть деятельность преступника. Активность данного лица связывает в единую цепь все остальные звенья системы преступления, выступая определяющим и систематизирующим признаком.

Исходя из анализа следственной практики очевидно, что внимание криминалистов должны привлекать как система качеств и признаков личности преступника, так и его преступная деятельность. Именно преступная деятельность как совокупность последовательных и взаимосвязанных действий по подготовке, совершению и сокрытию преступления, направленных на достижение преступного результата, является одним из основных элементов механизма преступления.

Это позволяет прийти к выводу о том, что преступная деятельность есть совокупность взаимосвязанных, последовательных и осмысленных действий и движений лица (лиц), сопряженных с использованием в противоправных целях соответствующих орудий и средств, направленных на реализацию нередко низменных, извращенных потребностей.

Современная судебная практика показывает, что значительная часть посягательств на жизнь и здоровье, собственность граждан, денежные средства и материальные ценности в сфере экономики, технологии и программы в сфере компьютерной информации осуществляется совершением не одного, а нескольких действий или преступлений. Здесь имеет место относительно длительный во времени процесс последовательной смены действий, объединенных общим замыслом, – преступная деятельность. В нее включаются не только действия, образующие состав преступлений, но и многие поведенческие акты, носящие обеспечивающий характер и непосредственно в состав преступления не входящие.

Субъектами преступной деятельности могут быть: отдельное лицо – преступник-одиночка; случайная (ситуативная) преступная группа; преступная группа лиц по предварительному сговору (группа типа компании); организованная преступная группа; преступное сообщество (преступная организация).

Данная деятельность не включает действия преступника и его интеллектуальные процессы, относящиеся к формированию у него антиобщественной установки, специфических личностных черт, навыков и умений, поскольку они непосредственно не связаны с преступным событием, его подготовительным этапом.

В то же время приемы и уловки, применяемые преступниками, технические и другие профессиональные знания и навыки, проявленные ими уже при подготовке, совершении и сокрытии преступления, должны найти свое место как в частном – в описании качеств и свойств

личности преступника или потерпевшего, так и в целом – в механизме совершения им преступления.

И только в отдельных случаях развернутая характеристика механизма умышленного или неосторожного преступления включает в себя отдельные действия (или двигательные акты, элементарные движения) преступника, характеризующиеся относительно коротким периодом времени и единым местом.

Механизм преступления – это не только процесс взаимодействия виновного лица через свои действия и поступки с окружающей материальной средой. По нашему мнению, правы те авторы, которые в состав элементов механизма преступления включают: а) действия и движения потерпевшего (жертвы); б) действия и движения иных лиц, оказавшихся случайными участниками или втянутыми в преступное событие⁷.

В частности, потерпевший (жертва) представляет интерес для криминалистов в основном в качестве физического объекта, который:

- вносит определенные изменения в окружающую обстановку, а также влияет на действия преступника, с которым вступал во взаимодействие, находился в определенных отношениях;
- несет на себе или на имеющихся при нем предметах такие следы взаимодействия, выявление и исследование которых криминалистическими средствами позволит получить значимую для раскрытия и расследования преступления информацию.

Следователь не сможет сформировать модель механизма совершенного преступления, не учитывая интересы и характер деятельности жертвы преступления, если ею является предприятие, учреждение или государство (то есть юридическое лицо). Эта проблема мало изучена учеными-криминалистами.

Как показал анализ следственной практики, для расследования преступления не менее важны связи преступника с его жертвой (физическим лицом)⁸, их взаимоотношения и контакты, а также последствия этих отношений. Так, при исследовании этого вопроса в настоящее время исходят из следующих взаимосвязанных положений:

- во-первых, выбор преступником способа, орудий, средств и других приспособлений, а также места и времени совершения преступления во многом зависит от личности жертвы, особенностей ее образа жизни, связей и взаимоотношений, сложившихся у нее с преступником. В подобных ситуациях, например при убийствах из корыстных побуждений, совершении квартирных краж у знакомых или родственников, определяющей является степень знакомства преступника с жертвой;

- во-вторых, подбор преступником будущей жертвы зависит от избранного способа совершения преступления, времени, места и других обстоятельств. Выбор потерпевшего далеко не

случаен и может также зависеть от возраста, пола, материального положения, внешних данных и других особенностей жертвы. Например, собираясь совершить разбойное нападение или грабеж, преступник оценивает материальное положение возможной жертвы (по одежде, вещам и другим признакам), а также рост, физическую силу, возраст, психическое состояние с целью предугадать его способность оказать противодействие⁹.

Важное место занимает изучение следов, оставленных потерпевшим. Как писал В.И. Попов, уяснению механизма преступления способствует анализ следов потерпевшего, особенно оставленных при его оборонительных действиях, который может иметь не меньшее значение для раскрытия преступления, чем исследование следов преступника¹⁰.

Особенности личности потерпевшего, его связи, взаимоотношения с преступником, поведенческие акты как до, во время, так и после совершения преступления являются объектом изучения при исследовании проблем механизма преступления. При этом принимаются во внимание следующие критерии:

- качества и свойства личности потерпевшего, его психические особенности, предопределившие характер и содержание действий и иных действий;
- характер профессиональной деятельности потерпевшего (в том числе в коммерческих и иных экономических структурах);
- взаимоотношения и взаимодействие потерпевшего и преступника;
- противоправное (или иное негативное) поведение потерпевшего на работе, в общественных местах или в быту;
- поведенческие акты (проявления) потерпевшего до преступления (в том числе спровоцировавшие преступление), во время него (в том числе по противодействию преступнику) и после его совершения, оставившие отражения в окружающей среде;
- действия потерпевшего, препятствующие преступнику, как самостоятельные, так и под воздействием заинтересованных лиц и т.д.

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод о том, что другим основным элементом механизма преступления является комплекс (совокупность) действий, поступков и иных движений потерпевшего, скорректированных личностными свойствами и качествами, по провоцированию, содействию или противодействию преступной деятельности субъекта преступления.

Кроме того, в состав элементов механизма преступления (его основную часть) следует включить действия и поступки лиц, оказавшихся косвенно, часто случайно связанными с преступным событием. Поведенческие акты данных лиц могли выразиться в пассивной или активной форме, но в любом случае они оставили в сознании людей, на месте преступления, одежде

или теле участников преступного события материальные или интеллектуальные следы, а также вызвали те или иные изменения, дающие представление об индивидуальных признаках этих субъектов.

Лицами, оказавшимися косвенно связанными с преступным событием, можно считать свидетелей-очевидцев, выполнивших отдельные действия (по просьбе прямых участников преступления или без этого) по подготовке, совершению или сокрытию преступления, не предполагавших, что они являются соучастниками преступного события, или оказавшихся случайными участниками-очевидцами отдельных обстоятельств преступления и сохранивших в памяти какие-то фрагменты преступного события, хотя и не связывающих это с самим преступлением до его расследования.

Р.С. Белкин, З.И. Кирсанов, В.Я. Колдин, Ю.Г. Корухов и другие авторы включают в механизм преступления как самостоятельный элемент обстановку события преступления. Под обстановкой ученые-криминалисты понимают определенную совокупность людей, предметов, явлений, других факторов, создающих среду для осуществления какой-либо деятельности. В частности, обстановку составляет совокупность различного рода материальных объектов, явлений, процессов, состояний и отношений, создающих соответствующие условия для совершения конкретных действий, в том числе и преступления, или препятствующих их совершению. Все эти действия происходят в конкретных условиях места: материальная обстановка, время, освещенность, проявления природно-климатических факторов, производственной деятельности, быта, окружающие люди и т.п.

Указанные условия и обстоятельства, в определенные моменты проявляющиеся и влияющие на преступное событие, складывающиеся независимо от воли или по воле его участников и в основном характеризующие среду и другие факторы объективной действительности, в которой формируется и совершается преступление, в совокупности называются обстановкой события преступления. Преступник и потерпевший вынуждены учитывать эту обстановку, по возможности и необходимости вносить в нее выгодные для себя изменения.

Элементы обстановки действительно могут играть большую роль в механизме преступления. Они способны оказать значительное влияние на действия преступника и поведенческие акты потерпевшего (например, ненастная погода или отсутствие людей-возможных очевидцев преступления на улице), вплоть до полного изменения характера преступления. Возможно прямое или косвенное воздействие обстановки на сознание преступника и потерпевшего. В целом обстановка характеризует условия, в которых действовали все участники преступного события.

Преступник в своих действиях по совершению и сокрытию преступления, а потерпевший

в своих действиях по сопротивлению преступнику часто используют для достижения намеренной цели отдельные элементы обстановки. Например, преступник с целью сокрытия просит знакомого передать отмычки или чемодан с краденными вещами своему соучастнику или потерпевший, используя свою собаку, не дает преступнику возможности совершить (или успешно завершить) разбойное нападение на свое жилище.

По нашему мнению, не обстановка в целом, а именно отдельные ее элементы, используемые прямыми или косвенными участниками преступного события, входят в систему механизма преступления.

В обстановку, представляющую собой самостоятельную систему элементов, на наш взгляд, можно включить и предмет преступного посягательства, который при определенных обстоятельствах будет входить в механизм преступления.

В систему механизма преступления предмет преступного посягательства входит:

- как элемент обстановки преступления, когда преступная деятельность направлена, например, против чужой собственности;
- составляющий признак личности потерпевшего, когда преступная деятельность, например, направлена против жизни, здоровья, чести и достоинства гражданина или человека.

Преступник, связывая предмет преступного посягательства с другими элементами обстановки, готовит орудия преступления, реализует выбранные им способы совершения и сокрытия своей преступной деятельности. Потерпевший и другие участники преступного события часто с учетом характера предмета посягательства и обстановки в целом оказывают противодействие преступнику. Поэтому нет смысла выделять предмет преступного посягательства в самостоятельный элемент механизма преступления, но как элемент обстановки, входящий в механизм преступления, его следует учитывать при разработке рекомендаций для правоохранительных органов в борьбе с преступностью.

Из сказанного следует, что основными элементами механизма преступления считаются:

- деятельность (реже – отдельные действия и движения) субъекта преступного события (преступника, преступной группы, группы лиц по предварительному сговору, организованной группы, преступного сообщества с учетом свойств, навыков и умений их членов);
- комплекс (совокупность) действий, поступков и иных движений жертвы преступления (с учетом ее свойств и признаков);
- комплекс (совокупность) действий, поступков и иных движений лиц, оказавшихся косвенно связанными с преступным событием;
- отдельные элементы обстановки, используемые участниками преступного события, и предмет преступного посягательства (рис. 1).

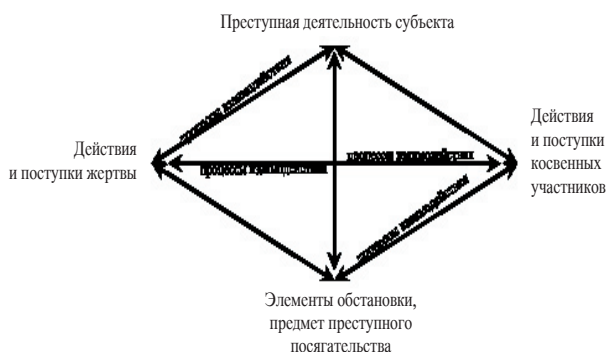

Рис. 1. Основные элементы механизма преступления

Эти элементы создают основу системы взаимодействия между участниками преступного события и окружающей средой. В их число входят преступник, потерпевший и иные прямые и косвенные участники преступного события, предметы посягательства, орудия и средства достижения преступного результата, элементы обстановки преступления и т.д.

Названные составные части механизма преступления находятся в постоянном движении и развитии. Механизм совершенного преступления отражается в следах, образовавшихся на участниках события и объектах (предметах) окружающей среды. С учетом этого сведения об отдельных элементах механизма преступления и информацию, заложенную в последствиях контактов, можно и нужно использовать в процессе раскрытия и расследования конкретного преступления.

В целом их взаимосвязь и взаимообусловленность образуют единую динамичную функ-

циональную систему процессов взаимодействия вышеперечисленных объектов – механизм преступления.

Исходя из вышесказанного предлагается понимать под механизмом преступления систему процессов взаимодействия участников преступления (как прямых, так и косвенных) между собой и с материальной средой, сопряженных с использованием соответствующих орудий, средств и иных отдельных элементов обстановки. Механизм преступления закономерно обуславливает возникновение криминалистически значимой информации о самом преступлении, его участниках и результатах.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Возгрин И.А. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. Л., 1976. С. 43.

² См.: Криминалистика социалистических стран. М., 1986. С. 333, 334.

³ См.: Клочков В.В., Образцов В.А. Преступление как объект криминалистического познания // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 42. М., 1985. С. 47, 48.

⁴ См.: Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общая и частные теории. М., 1987. С. 15.

⁵ См.: Кирсанов З.И. Криминалистические учения о механизме преступления и его отражении: Лекция. М., 1994. С. 4.

⁶ См.: Криминалистика: Краткая энциклопедия. М., 1993; Криминалистика: Учеб. для вузов. М., 1999. С. 41.

⁷ См.: Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общая и частные теории. С. 61.

⁸ См.: Вандышев В.В. Реализация взаимосвязей жертвы и преступника в раскрытии и расследовании насильственных преступлений. СПб., 1992. С. 6–17.

⁹ См.: Центров Е.Е. Криминалистическое учение о потерпевшем. М., 1988. С. 18, 19.

¹⁰ См.: Попов В.И. О теории осмотра места происшествия // Правовые науки и журналистика. Вып. 2. Алма-Ата, 1970. С. 7, 14.

Диагностика в ходе допроса осужденного, отбывающего наказание в виде лишения свободы

А.М. ЛЮТЫНСКИЙ – старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики ВИПЭ ФСИН, кандидат юридических наук

В специальной литературе выделяют следующие этапы установления психологического контакта с допрашиваемым осужденным:

1. Сбор и анализ информации о личности допрашиваемого, прогнозирование поведения осужденного в ходе допроса.

2. Диагностика следователем психологического и информационного состояния допрашиваемого осужденного в начале встречи.

3. Формирование установки на контактное взаимодействие в начале допроса.

4. Стабилизация и поддержание контактного взаимодействия с допрашиваемым осужденным в течение и по окончании допроса¹.

Сбор информации о личности допрашиваемого осужденного – обязательный элемент подготовительной стадии допроса, имеющий отношение к двум важным аспектам допроса осужденного – прогнозированию его поведения и диагностике психологического и информационного состояния, которые мы рассмотрим в данной статье.

Основу прогностической деятельности образуют три составляющие:

1) данные о личности допрашиваемого осужденного, куда входят данные о его поведении до осуждения, во время нахождения в исправитель-

ном учреждении, личностные особенности (при этом особое внимание следует уделить качествам, которые могут усиливать противодействие следователю: подвижность и оригинальность мышления, агрессивность, эгоизм, смелость, устойчивость к стресс-факторам, склонность к риску²), информация о месте в официальной и неофициальной стратификации осужденных;

2) качество и объем доказательственной информации, находящейся в распоряжении следователя, а также наличие и объем информации, которой может располагать осужденный;

3) модель вероятного поведения допрашиваемого осужденного³.

На основе собранной информации следователь составляет мысленный портрет допрашиваемого, на основе которого избирает пути установления психологического контакта, используя рефлексивный подход, сущность которого состоит в имитации рассуждений противника, и строит рефлексивную модель, включающую как собственное представление, так и представление допрашиваемого о ситуациях, целях и стратегиях⁴.

По мнению В.Е. Богинского, прогнозирование поведения допрашиваемого в целях установления и поддержания психологического контакта происходит не только в ходе подготовительного, но и в ходе рабочего этапа допроса⁵. Но нам представляется более правильным употребление термина «диагностика», под которым можно понимать распознавание сущности какого-либо явления. Другими словами, изучая личность допрашиваемого осужденного, следователь прогнозирует его поведение на допросе, а начиная с момента непосредственного контакта (встречи с допрашиваемым) уже диагностирует его, исходя из непосредственно получаемой информации.

Можно выделить диагностику личностных особенностей допрашиваемого осужденного на основе вербальной и невербальной информации и диагностику информационного состояния допрашиваемого. Хотелось бы остановиться подробнее на первом направлении диагностики.

В научной литературе уже давно предлагается учитывать для диагностики личных свойств допрашиваемого вербальную и невербальную информацию⁶. Как известно, от 60% до 80% информации при коммуникации передается через невербальные источники. Основными источниками невербальной информации о личности допрашиваемого являются выражение глаз и лица допрашиваемого, его поза, особенности речи, внешности, жестикуляции⁷.

Особенно актуальными для целей допроса осужденного является, на наш взгляд, анализ таких источников, как татуировки, особенности жестикуляции и речи допрашиваемого, ее интонации, ритм и тембр.

Дело в том, что у следователя далеко не всегда достаточно времени для предварительного сбора информации о личности допрашиваемого осужденного, например, при производстве

неотложного допроса на первоначальном этапе расследования. В этом случае анализ татуировок, речи и жестов допрашиваемого осужденного могут сыграть важную роль. При этом важно помнить, что эффективность наблюдения следователя за допрашиваемым зависит не только от точности фиксации, но и истолкования, которое во многом субъективно⁸.

Анализ татуировок осужденного в первую очередь важен для определения его социального статуса в среде осужденных⁹. Знание следователем языка татуировок осужденных является очень важным условием для правильной диагностики и установления психологического контакта. Источником такого знания может быть личный опыт следователя, информация от опытных сотрудников исправительного учреждения, а также специальная литература¹⁰. Однако при этом следует помнить, что нанесение татуировок осужденными может иметь различные причины: требование социальной микрогруппы осужденных для принятия в свою среду, тщеславие, подражание, украшение, безделье¹¹.

Результат анализа татуировок не должен быть известен допрашиваемому осужденному. Однако в ряде случаев, например при допросе несовершеннолетних осужденных, люди, имеющие татуировки, не скрывают их, напротив, демонстрируют следователю. В этой ситуации татуировки могут послужить поводом для беседы, а проявленная следователем осведомленность о символике и технике татуирования может стать основанием для формирования контактных отношений¹².

Важным источником информации, необходимой для диагностики личности и установления психологического контакта, является речь осужденного.

Как отмечает А.А. Леонтьев, владение языком и развитые речевые навыки позволяют следователю установить с допрашиваемым живой психологический контакт. Для этой цели следователь должен уметь выбирать для собеседников разного пола, возраста, образования, социальной принадлежности различные слова, построение речи, уметь говорить с каждым на его языке¹³.

Преступная среда, как и всякая другая социальная общность, вырабатывает и использует собственный язык – воровской жаргон¹⁴. Следователь обязан уметь понимать «блат» (язык профессиональных уголовников), но не должен, кроме как в исключительных случаях, его употреблять¹⁵.

Прав О.В. Полстовалов, утверждающий, что при необходимости допроса лиц, лексика которых изобилует словами из воровского жаргона, следователю необходимо быть готовым к пониманию высказываний такого допрашиваемого. Использование сленга допрашиваемым может быть обусловлено желанием продемонстрировать свое превосходство либо для маскировки высказываний¹⁶.

По нашему мнению, употреблять жаргон в исключительных случаях нужно очень осторожно,

чтобы не спровоцировать неправильным применением отдельных жаргонных слов конфликтную ситуацию. Понимание следователем отдельных слов лагерно-блатного жаргона может быть необходимо для диагностики личности допрашиваемого, более быстрого понимания отдельных деталей события, но не может и не должно делать следователя «своим» для осужденного.

Следует отметить, что большинство осужденных, имеющих преступный опыт, несколько судимостей и опыт пребывания в ИУ в качестве осужденного, стараются общаться со следователем на обычном языке¹⁷. К лагерно-блатному жаргону в общении со следователем, как правило, прибегают несовершеннолетние осужденные, агрессивны настроенные молодые люди. Применение ими жаргона в официальной беседе (а допрос всегда остается официальной беседой) может говорить об их неуверенности в себе, желании самоутвердиться, агрессивности по отношению к следователю.

Важным источником диагностической информации о личности допрашиваемого осужденного является его мимика и жестикуляция. Осужденные, находясь в условиях дефицита информации, бессознательно развивают навыки точной жестикуляции, прочтения чужих жестов.

Точное распознавание жестов и мимики допрашиваемых осужденных обеспечит следователю понимание истинных его намерений и чувств. Для более точной диагностики личности осужденного и корректировки собственного поведения следователь может обратиться к опытному сотруднику исправительного учреждения, где отбывает наказание допрашиваемый осужденный¹⁸. Базой для лучшего понимания языка жестов, помимо этого, должна стать специальная литература¹⁹.

Полагаем, что на основе полученных невербальных сигналов следователь может сделать выводы:

а) о социальном статусе допрашиваемого осужденного, его месте в микросреде конкретного исправительного учреждения;

б) особенностях личности допрашиваемого осужденного (конфликтность, уверенность в себе и т.д.);

в) психофизиологических и эмоциональных реакциях на отдельные, наиболее важные вопросы следователя.

Вся эта информация уже в самом начале допроса поможет следователю в определении возможных приемов установления и поддержания психологического контакта. При этом надо учитывать особенности конкретного исправительного учреждения. Так, 47% опрошенных нами сотрудников правоохранительных органов, занимающихся расследованием в ИУ, отметили, что плохое знание лицом, проводящим допрос, отношений в среде осужденных конкретного исправительного учреждения и вообще норм поведения в среде осужденных является главной причиной отсутствия психологического контакта с осужденным²⁰.

С диагностикой личностных особенностей допрашиваемого неразрывно связана диагностика его информационного состояния. Отдельные данные об информационном состоянии допрашиваемого осужденного могут быть установлены еще на стадии подготовки к допросу (его поведение по отношению к другим осужденным, воздействие других лиц), но их недостаточно для определения ситуации допроса как конфликтной, поэтому первая тактическая задача следователя при общении с лицом, вызванным на допрос, – выяснение информационного состояния допрашиваемого²¹.

О.Я. Баев рекомендует в начале допроса провести беседу с допрашиваемым на различные темы, целью которой является установление «нормы» обычного поведения, чтобы на основе этого впечатления легче было диагностировать информационное состояние допрашиваемого, получая показания о предмете допроса²². При этом ориентиром должны стать общие признаки лжесвидетельства, которые О.Я. Баев разделяет на несколько отдельных групп:

1) психофизиологические реакции допрашиваемого на отдельные вопросы, отличные от «нормального» состояния. Эти реакции могут выражаться в бледности, покраснении лица, потливости, заикании, неоправданных паузах при ответах, заминках в речи, треморе и т.п.;

2) эмоциональная бедность показаний. Создавая легенду и воспроизводя ее следователю, допрашиваемый зачастую как бы абстрагируется от события, в отношении которого он дает показания. Они звучат схематично; в них отсутствует его эмоциональное отношение к событию, психологически закономерное для лиц, дающих правдивые показания;

3) искусственность формально-логической структуры показаний. Данный симптом выражается в том, что структура показаний лица, скрывающего информацию, выглядит, помимо его воли, нарочитой. Зачастую его показания полностью или в существенной своей части совпадают с показаниями других лиц, с их формально-логической структурой;

4) уход от темы. Допрашиваемый целенаправленно избегает дачи ответов на вопросы следователя, касающиеся определенной темы или отдельных ее обстоятельств, или в стадии свободного рассказа уклоняется от их освещения, «упускает» такие обстоятельства;

5) «вязкость» в теме. Данный симптом противоположен предыдущему. Допрашиваемый не может «уйти» от события и его обстоятельств, вновь и вновь к ним возвращается, хотя задаваемые вопросы уже касаются иного. Показания его зачастую излишне эмоциональны. Тема «обрастает» новыми подробностями, иногда явно неправдоподобными и такими, которые не могут быть известны лицу, дающему правдивые показания²³.

На наш взгляд, это весьма удачная классификация признаков лжесвидетельства, актуальная и для допроса осужденных.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что на стадии установления психологического контакта с допрашиваемым осужденным важное значение имеет диагностика его личностных особенностей и информационного состояния. Следователь анализирует вербальную и невербальную информацию, исходящую от осужденного: особенности его речи, жестикуляции, мимики, татуировок. На основе полученных невербальных сигналов следователь может делать выводы о социальном статусе допрашиваемого осужденного, его месте в микросреде конкретного исправительного учреждения; особенностях личности допрашиваемого осужденного и психофизиологических и эмоциональных реакциях на отдельные, наиболее важные вопросы следователя.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Зорин Г.А. Психологический контакт при производстве допроса: Учеб. пособие по курсу «Криминалистика». Гродно, 1986. С. 11–12.

² См.: Там же. С. 21.

³ См.: Богинский В.Е. Рефлексивное управление при допросе: Учеб. пособие. Харьков, 1983. С. 18. Сходного мнения придерживается Е.И. Девицкая (см.: Девицкая Е.И. Основы криминалистического учения о следственном наблюдении: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 54).

⁴ См.: Богинский В.Е. Рефлексивное управление при допросе. С. 20; Логвиненко Е.А. Мысленное моделирование в тактике следственных действий: Дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2003.

⁵ Зорин Г.А. Психологический контакт при производстве допроса. С. 18.

⁶ См., напр.: Лукашевич В.Г. Тактика общения следователя с участниками отдельных следственных действий: Учеб. пособие. Киев, 1989. С. 45; Еникеев М.И., Черных Э.А. Психология допроса: Учеб. пособие. М., 1994. С. 21 и др.

⁷ В.В. Карузина рекомендует обращать внимание на контролируемые и неконтролируемые участником след-

ственного действия внешние поведенческие признаки (см.: Карузина В.В. Тактика использования данных о поведении участников уголовного процесса в ходе следственных действий: Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1998. С. 91–92).

⁸ См.: Девицкая Е.И. Основы криминалистического учения о следственном наблюдении. С. 55.

⁹ См.: Алферов Ю.А. Пенитенциарная социология: аудиовизуальная диагностика (татуировки, жаргон, жесты): Учеб. пособие: В 2 ч. Домодедово, 1996. Ч. 1. С. 8.

¹⁰ Следует отметить немногочисленность и трудность доступность профессиональных источников по этой теме. См., напр.: Алферов Ю.А. Пенитенциарная социология. Особенная часть (предметно-методический аспект): Учеб. пособие: В 2 ч. Домодедово, Ч. 2. 1995; Бронников А.Г. Тайные способы связи преступников: Учеб.-метод. пособие. Пермь, 1996.

¹¹ См.: Алферов Ю.А. Пенитенциарная социология. С. 9.

¹² См.: Зорин Г.А. Психологический контакт при производстве допроса. С. 34–35.

¹³ См.: Леонтьев А.А., Шахнарович А.М., Батов В.И. Речь в криминалистике и судебной психологии. М., 1977. С. 40–41.

¹⁴ См.: Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. М., 2001. С. 69.

¹⁵ См.: Ратинов А.Р. Судебная психология для следователя. М., 2001. С. 112.

¹⁶ См.: Полстовалов О.В. Совершенствование тактических приемов криминалистики на основе современных достижений психологической науки: Дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2000. С. 81.

¹⁷ См.: Алферов Ю.А. Пенитенциарная социология: аудиовизуальная диагностика (татуировки, жаргон, жесты). С. 8.

¹⁸ См.: Там же. С. 74.

¹⁹ См., напр.: Ильин У.Р., Сухов А.И. Жесты как невербальные средства общения осужденных. Рязань, 1988; Пиз А. Язык жестов. Воронеж, 1992 и др.

²⁰ См. подр.: Лютынский А.М. Тактика допроса участников уголовного судопроизводства из числа лиц, осужденных к лишению свободы: Дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006. С. 193–198.

²¹ См.: Баев О.Я. Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него. Следственная тактика: Науч.-практ. пособие. М., 2003. С. 197.

²² См.: Там же. С. 198.

²³ См.: Там же.

Понятие судебной практики как источника и формы российского права

С.А. СОФРОНОВА – начальник кафедры государственно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

Рене Давид, раскрывая сущность подходов к источникам советского права, отмечал, что «если спросить советского юриста, какова роль судебной практики в Советском Союзе, он убежденно ответит, что эта роль значительна. Если же спросить его, является ли судебная практика источником права, то последует незамедлительный и четкий отрицательный ответ»¹.

Официальная концепция советского права считала аксиомой положение о том, что судебная практика не может рассматриваться в качестве источника права, «поскольку это ассоции-

ровалось: а) с разрушением социалистической законности; б) с возможным судебным произволом; в) с подрывом правотворческой деятельности законодательных органов»². Однако, в действительности, по мнению западной юридической науки, судебная практика фактически являлась источником дореволюционного российского и советского права³.

Русский правовед Н.М. Коркунов признавал судебную практику самостоятельным источником права, но при этом отмечал: «Мы должны оговориться, что это не следует понимать так,

чтобы раз принятое судом решение какого-нибудь спорного вопроса, безусловно, связывало суд на будущее время»⁴.

Е.Н. Трубечкой писал, что в России судебная практика имеет значение самостоятельного источника права, но это значение за ней было официально признано только со времени подписания Судебных уставов 1864 г.⁵ В соответствии со ст. 10 Устава гражданского судопроизводства «суд обязан решить дело по разуму существующих законов, не останавливая решения под предлогом неполноты, неясности или противоречия в оных»⁶. Более того, в Уставе уголовного судопроизводства была предусмотрена ответственность для судей: «Воспрещается останавливать решение дела под предлогом неполноты, неясности или противоречия законов. За нарушение сего правила виновные подвергаются ответственности как за противозаконное бездействие власти»⁷.

В то же время, как отмечал К.П. Победоносцев, «суд, в коем производится дело, требующее решения, вполне свободен и не зависит от воззрений и мнений высшей инстанции во всем, что относится до обсуждения спорного предмета по существу оно»⁸. Следовательно, фактически отрицалось значение судебного прецедента для гражданского судопроизводства, но признавалось правотворчество судов на основе закона, а не на основе ранее принятых вышестоящими судами решений.

В истории Советского государства был период, связанный с активным правотворчеством судов, – это первый период существования новой власти, когда только создавалось советское законодательство и советская судебная система. Декрет о суде № 3 (15 декабря 1917 г.) предоставил местным народным судам право при назначении наказаний руководствоваться «революционным правосознанием»⁹.

Отрицание судебной практики в качестве источника права в советской правовой доктрине не соответствовало действительности. Пленумам Верховного Суда СССР и Верховных судов республик было предоставлено право давать в пределах имеющейся у них компетенции руководящие разъяснения по вопросам правильного и единообразного применения законодательства, обязательные для нижестоящих судов. Опубликование решений данных судебных инстанций по конкретным гражданским и уголовным делам в юридической периодике позволяло «заинтересованным лицам добиваться сходных решений в сходных случаях по всем аналогичным категориям дел, рассматривавшихся нижестоящими судами»¹⁰.

Термин «судебная практика», который в настоящее время часто употребляется в литературе по общей теории права и по отраслевым юридическим наукам, а также активно используется законодателем, не имеет единого определения ни в нормативных правовых актах, ни в доктрине. В ст. 126 Конституции Российской Федерации и ст. 19 ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» говорится о том, что Верховный Суд Российской Федерации дает разъяснения

по вопросам судебной практики¹¹. Аналогичные положения содержатся в ст. 127 Конституции Российской Федерации и ст. 23 названного закона по отношению к Высшему Арбитражному суду Российской Федерации. Соответственно, в ст. 39 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» закреплено правило, в силу которого Генеральный прокурор Российской Федерации вправе обращаться в Пленум Верховного Суда Российской Федерации, Пленум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации с представлениями о даче судам разъяснений по вопросам судебной практики по гражданским, арбитражным, уголовным, административным делам¹². Характерно, что в указанных нормативных положениях термин «судебная практика» не имеет какой-либо специальной дефиниции, то есть рассматривается законодателем как общеизвестный и в определении не нуждающийся¹³.

В науке также нет единого понимания судебной практики: ее отождествляют то с понятием прецедента, то с постановлениями пленумов высших судов, то с любым судебным решением вообще.

Согласно точке зрения, высказывавшейся еще в 40-х гг. прошлого столетия, о судебной практике можно говорить лишь по истечении нескольких лет, когда по определенной категории дел имеется более или менее установившееся положение. При таком понимании судебная практика определяется как установившаяся и определившаяся практика, наличие определенной линии в деятельности судебных органов в отношении того или иного вопроса¹⁴.

В современной юридической науке принято рассматривать данное понятие в двух плоскостях. В широком смысле судебная практика – синоним судебной деятельности. В узком значении, по мнению С.В. Боботова, судебная практика – это «выработанные в ходе судебной деятельности правовые положения, определения-дефиниции, правила, указания, которые образуют определенную степень обобщенности, общепризнанности и обязательности»¹⁵.

Иной подход к судебной практике в узком смысле предлагает С.С. Алексеев. По его мнению, судебная практика – это «опыт применения юридических норм к конкретным жизненным случаям», который выходит за рамки простого применения права¹⁶.

В научной литературе встречается и интегрированный подход к понятию судебной практики как к единству судебной деятельности по осуществлению правосудия и итога (опыта) этой деятельности¹⁷. В данном случае судебная практика рассматривается в двух основных формах:

- первичная, объективированная в форме судебных решений по конкретным делам, вступивших в законную силу;

- вторичная, являющаяся итогом рассмотрения пленумами или президиумами высших судов вопросов по применению закона и выраженная в документах (постановлениях, обзорах и др.), ориентирующих суды на правильное и единообразное применение закона¹⁸. Подобную

форму судебной практики принято именовать в науке судебной доктриной¹⁹.

Судебная доктрина – это совокупность прецедентных подходов к решению правовых ситуаций, позволяющих комплексно оценить деятельность субъекта правоотношений, выявить фактическое и волевое содержание его действий как субъекта отношений, структурированного отношениями правовыми²⁰. Судебная доктрина в наши дни составляет очень важный и весьма жизненный источник права. Ее роль проявляется в том, что в рамках доктрины формулируются дефиниции, которые потом использует законодатель. Важна роль доктрины в установлении приемов и методов толкования законов. Кроме того, доктрина влияет на законодателя, который часто лишь выражает те тенденции, которые устанавливает доктрина²¹.

Разрешение вопроса о статусе судебной практики невозможно без уяснения следующих положений:

– под источником права в материальном смысле в российской юридической науке понимается «то, откуда берется право: сложившийся порядок общественных отношений, идеи, потребности общества»²². В данном аспекте судебная практика в различных ее проявлениях может рассматриваться как важный источник современного российского права;

– под источником права в юридическом смысле (именуется формой права) понимается форма выражения, объективизации государственной воли²³. В данном проявлении вопрос о статусе судебной практики применительно к российской правовой системе возможно решить следующим образом: судебный прецедент как способ внешнего выражения норм права формой российского права не является. В качестве формы права можно рассматривать судебную практику, выраженную в документах (постановлениях, обзорах и др.), ориентирующих суды на правильное и единообразное применение закона и составляющую судебные правовоположения.

Судебные правовоположения, рассматриваемые как дополнительная форма права, основываются на решениях судов по конкретным делам на различных научных концепциях, нормах отраслевого законодательства, правовых позициях высших судов. Они оказывают влияние как на процесс правоприменения, так и на формирование правосознания субъектов правоотношений.

При анализе понятия судебной практики как источника права исследователи основное внимание обращают на его сравнение с понятием судебного прецедента. Следует отметить, что данные понятия неидентичны. В термин «судебная практика» в юридической литературе по теории права и отдельным отраслевым дисциплинам вкладывается различное содержание, обязательно связанное с правоприменительной функцией суда, а «судебный прецедент» признается основной формой судебного правотворчества²⁴. Судебный прецедент предполагает создание новой нормы права, а судебная практика – конкретизацию уже существующих норм. Кроме того, исходя из функций и роли судебного

го прецедента в англо-американской правовой семье исследователи классифицируют его как основной источник права²⁵.

Признавая судебную практику специфической формой судебного правотворчества – правоустановительной деятельностью, исследователи выделяют существенные признаки, отличающие ее от парламентского правотворчества:

– судебное правотворчество (правоустановление) всегда есть «побочный продукт правосудия», оно не самостоятельно в том смысле, что привязано к основной функции судебной власти – осуществлению правосудия²⁶;

– оно осуществляется в рамках закона и на основе закона, исходящего от высшей законодательной власти страны, то есть на основе «имеющихся норм и принципов, а не на основе своей субъективной воли (что характерно для прецедента)»²⁷;

– правотворчество суда в значительной мере связано с толкованием (конкретизацией) права и восполнением пробелов в праве²⁸.

Акты судебной власти имеют статус вторичных форм права, так как их содержание является интерпретацией первичного источника. Первичные источники права – это правовые тексты, в которых формулируются нормы, официально признаваемые нормами действующего права. Вторичными источниками права являются производные от первичных официальные тексты, в которых интерпретируется содержание первичных источников права, уточняется смысл первичных правовоположений и, таким образом, формулируются вторичные правовоположения (вторичные нормы)²⁹.

Вторичные правовые тексты воздействуют на поведение субъектов права, во всяком случае, не меньше, чем первичные. Де-факто они нередко формулируют новые правовоположения – вторичные нормы, которые не очевидны при простом прочтении первичного текста и возможность которых не вытекает однозначно из первичного содержания. Вторичный источник права – интерпретация первичных норм права – реально действует, порождает правовые последствия, и для того чтобы признать эту интерпретацию неправомерной и недействительной, нужно официально объявить ее противоречащей первичному источнику права, например пересмотреть нормативно-правовую позицию Конституционного Суда.

Таким образом, акты судебного правотворчества (правоустановления) – это вторичные (дополнительные) формы права, правовые тексты, которые являются результатом официальной интерпретации первичных правовых норм и которые де-факто формулируют правовоположения, однозначно не вытекающие из содержания первичных форм права.

Исходя из оценки значимости судебной практики для развития национальной правовой системы, можно утверждать, что суды являются полноправным субъектом правотворческой деятельности, так как в перспективе судебные решения могут инициировать процедуру внесения изменений в действующее законода-

тельство. Кроме этого, судебные органы в силу своей основной правоприменительной деятельности имеют информацию о пробелах в праве. Они обладают квалифицированным аппаратом, способным к подготовке качественных законопроектных, а высшие судебные органы – правом законодательной инициативы. В общем виде судебные акты оказывают существенное влияние на применение законодательства³⁰.

Таким образом, краткий анализ существующих в российской юридической науке подходов к понятию и роли судебной практики в системе источников российского права позволяет сделать ряд выводов:

– судебная практика в различных ее проявлениях является материальным источником современного права и активно используется в процессе законотворчества;

– судебная практика как форма права – это особый вид санкционированного правотворчества (правоустановления), предполагающий создание в ходе судебной деятельности правовых положений, дефиниций, правил, указаний, которые обладают определенной степенью обобщенности, общепризнанностью, в целях достижения правильного и единообразного применения закона;

– в качестве дополнительной (доктринальной) формы права следует рассматривать не все проявления судебной практики, а только правоположения, выработанные высшими судами и нашедшие свое формальное выражение в официальных актах – постановлениях, обзорах и др.;

– правоположения, содержащиеся в судебных актах, являющиеся результатом интерпретации первичных норм права, следует рассматривать в качестве «вторичных норм права»;

– с точки зрения разделения властей правоустановительная деятельность судебной власти допустима только в случаях осуществления ее специфической юрисдикционной функции – функции разрешения споров о нарушенном праве. Судебная власть в лице высших судов может принимать правоустановительные решения, не подменяя при этом законодателя и оставаясь в пределах судебных юрисдикционных задач³¹.

Единого подхода к понятию судебной практики, несмотря на активное изучение данного вопроса современной наукой, не сложилось. Объяснение этому только одно – до сих пор нет единого понимания сущности права, поэтому и вопрос об источниках и формах права остается не решенным.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. М., 1999. С. 170.

² Марченко М.Н. Источники права. М., 2005. С. 379.

³ См.: Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности. С. 182–185.

⁴ Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права (по изд. 1914 г.). СПб., 2004. С. 361.

⁵ См.: Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права. СПб., 1998. С. 132.

⁶ Устав гражданского судопроизводства 1864 г. // <http://civil.consultant.ru/reprint/books/115/3>

⁷ Устав уголовного судопроизводства 1864 г. // Российское законодательство X–XX вв. М., 1991. Т. 8. С. 121. Наказанием за отказ от рассмотрения судебного дела на основании пробела в законодательстве или коллизии могли быть отрешение от должности, штраф, выговор и др. (см.: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Российское законодательство X–XX вв. М., 1988. Т. 6. С. 272).

⁸ Победоносцев К.П. Судебное руководство. М., 2004. С. 102.

⁹ Декрет о суде № 3 от 15 декабря 1917 г. // Декреты советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 124. См. также: Пашенцев Д.А. История государства и права России. М., 2007. С. 219.

¹⁰ Мартынич Е., Колоколова Э. Прецедентное право: от советской идеологии к международной практике // Российская юстиция. 1994. № 12. С. 20.

¹¹ См.: Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (ред. от 05.04.2005) // СЗ РФ. 1997. № 1. Ст. 1; 2005. № 14. Ст. 1274.

¹² Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (ред. от 25.12.2008) // СЗ РФ. 1995. № 47. Ст. 4472; 2008. № 52 (Ч. 1). Ст. 6235.

¹³ См.: Соловьев В.Ю. Судебная практика в российской правовой системе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 7.

¹⁴ См.: Новицкий И.Б. Источники советского гражданского права. М., 1959. С. 125; Ануфриева Л.П. Об источниках международного частного права (некоторые вопросы теории) // Международное частное право. 1994. № 4. С. 64–65.

¹⁵ Боботов С.В. Конституционная юстиция (сравнительный анализ). М., 1994. С. 108.

¹⁶ См.: Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 117.

¹⁷ См.: Соловьев В.Ю. Судебная практика в российской правовой системе. С. 4.

¹⁸ См.: Там же. С. 8.

¹⁹ См.: Гаджиев Г.А. Конституционные принципы рыночной экономики (развитие основ гражданского права в решениях Конституционного Суда РФ). М., 2002. С. 98.

²⁰ См.: Загайнова С.К. Судебный прецедент: проблемы правоприменения. М., 2002. С. 3.

²¹ См.: Карнаухов М.В. Недобросовестность налогоплательщика как судебная доктрина. Кострома, 2006. С. 34.

²² Бошно С.В. Соотношение понятий «форма» и «источник права» // Юрист. 2001. № 10. С. 15–23.

²³ См.: Баранов В.М. Формы (источники права) // Общая теория права / Под ред. В.К. Бабаева. Н. Новгород, 1993. С. 249.

²⁴ См.: Керимов В.А. Понятие судебного прецедента // www.yurclub.ru/docs/arbitration/article52/html

²⁵ См.: Бошно С.В. Доктринальные и другие нетрадиционные формы права // Журнал российского права. 2003. № 1. С. 7.

²⁶ См.: Барак А. Судейское усмотрение. М., 1999. С. 121.

²⁷ См.: Ершов Е. Восполнение судами пробелов в трудовом законодательстве // Российская юстиция. 1993. № 24. С. 22.

²⁸ См.: Марченко М.Н. Источники права: Учеб. пособие. М., 2008. С. 395.

²⁹ См.: Евстигнеева Г.Б., Четвернин В.А. Судебная правоустановительная деятельность и судебные источники права // Российское право в Интернете. 2007. № 4 // <http://www.rpi.msal.ru/prints/200704theory1.html/>

³⁰ См.: Морозова Л.А. Еще раз о судебной практике как источнике права // Государство и право. 2004. № 1. С. 23; Бошно С.В. Влияние судебной практики на законотворчество // Государство и право. 2004. № 8. С. 22.

³¹ См.: Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. М., 2007. С. 83.

Институциональный подход к определению государственной правоохранительной службы

Р.В. НАГОРНЫХ – начальник юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

Современная административно-правовая доктрина, основанная на конституционных принципах равноправия граждан, приоритета прав и свобод гражданина во взаимоотношениях с государством и обществом, обусловила формирование нового для отечественной системы права и государственного управления института государственной службы. Важнейшим ее компонентом является правоохранительная служба.

Само понятие «правоохранительная служба» в официальных документах стало активно использоваться сравнительно недавно. В действующем законодательстве этот термин появился лишь в 2003 г. в связи с принятием Федерального закона от 27 мая 2003 г. (ред. от 01.12.2007 г.) № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации»¹. В ранее действовавших документах широко использовалось несколько иное понятие службы в правоохранительных органах². Принятие указанного федерального закона стало определенным рубежом на пути поэтапного формирования и становления нового для отечественного административного права института государственной правоохранительной службы.

Вместе с тем одной из важнейших на сегодняшний день проблем правового регулирования прохождения службы в государственных правоохранительных органах, а также построения организационной структуры правоохранительной службы является нерешенность вопроса о правовой сущности и содержании понятия государственной правоохранительной службы и, как следствие, определения органов и учреждений, в которых она может осуществляться.

Многие ученые видовую классификацию государственной службы вполне обоснованно рассматривают в зависимости от классификации государственных органов. В ряде случаев высказываются предложения о необходимости выделения помимо гражданской и военной государственной службы «специальной государственной службы», «военизированной государственной службы»³ и т.п. Однако проведение постоянных реорганизаций государственных органов, изменение системы и структуры федеральных органов исполнительной власти⁴ вызывают значительные трудности в решении вопроса об отнесении государственной службы в том или ином государственном органе к определенной разновидности государственной службы.

Государственная служба относится к разновидности публичной службы, то есть службе в органах публичной администрации. Классическим в научной литературе стало определение государственной службы, данное В.М. Манохиным, по мнению которого «государственная служба представляет собой одну из сторон деятельности государства по организации и правовому регулированию личного состава государственных органов и других государственных организаций, а также сама деятельность этого личного состава – государственных служащих – по практическому и непосредственному осуществлению задач и функций государства»⁵.

В соответствии с действующим законодательством федеральная государственная служба представляет собой профессиональную служебную деятельность граждан по обеспечению исполнения полномочий Российской Федерации, а также полномочий федеральных государственных органов и лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации⁶. В основу видовой классификации государственной службы положен функциональный признак. Согласно этому признаку виды службы отличаются по тому, какие функции государственной службы осуществляются на должностях государственной службы. Важно подчеркнуть, что в определениях конкретного вида государственной службы осуществление определенных функций государства напрямую связано с исполнением должности государственной службы определенного вида, а не видом государственного органа или государственной организации. Причем в п. 3 ст. 8 Закона «О системе государственной службы Российской Федерации» закреплено, что в федеральном государственном органе могут быть учреждены должности государственной службы различных видов.

Таким образом, в действующем законодательстве виды государственной службы отличаются по следующим признакам: 1) выполнение определенных функций государства (обеспечение обороны и безопасности государства, законности и правопорядка, борьба с преступностью, защита прав и свобод человека и гражданина и др.), закрепленных в полномочиях государственных органов или государственных организаций; 2) исполнение должностей государственной службы определенного вида (воинским должностям должны соответствовать воинские звания, должностям правоохранительной службы – специальные звания или классные чины).

Все существующие отраслевые разновидности государственной службы обладают названными общими чертами и признаками при наличии определенных видовых отличий. Рассматриваемая нами правоохранительная служба также не является исключением.

Разнообразие общественных отношений, являющихся объектами правоохранительной деятельности государства, обуславливает, с одной стороны, универсальный характер государственной правоохранительной службы, а с другой – ее многоуровневость. Так, например, А.М. Артемьев приходит к важному выводу о том, что понятие государственной правоохранительной службы может рассматриваться с различных точек зрения. Во-первых, в наиболее широком значении как «деятельность, осуществляемая в той или иной степени всеми подразделениями государства, его служащими и должностными лицами»⁷. Во-вторых, как «деятельность специальных органов, в компетенцию которых включены полномочия по обеспечению правопорядка в соответствующей социальной сфере»⁸. В-третьих, как «деятельность лица, состоящего на государственной службе в соответствующем правоохранительном органе, наделенного полномочиями по охране правопорядка в конкретной социальной сфере, в объеме и способами, установленными должностью, за соответствующее вознаграждение, выплачиваемое из соответствующего бюджета»⁹.

Соглашаясь в целом с позицией А.М. Артемьева, следует обратить внимание на то, что в современных исследованиях отчетливо прослеживается тенденция к рассмотрению правоохранительной службы как сложного институционального явления, включающего правовой, организационный, социальный, политический, социологический и иные аспекты. Так, например, В.М. Бакун рассматривает правоохранительную службу как «комплексный правовой институт или совокупность межотраслевых юридических норм, регулирующих общественные отношения, складывающиеся в процессе деятельности граждан Российской Федерации на должностях правоохранительной службы в государственных органах, службах и учреждениях, осуществляющих функции по обеспечению безопасности, законности и правопорядка, по борьбе с преступностью, по защите прав и свобод человека и гражданина»¹⁰.

Анализируя понятие правоохранительной службы применительно к деятельности органов внутренних дел, А.С. Шиенкова приходит к выводу о необходимости его исследования в трех смысловых значениях:

- как правового института, то есть совокупности правовых норм, регулирующих порядок возникновения, изменения и прекращения государственно-служебных отношений;

- как части аппарата государства, то есть структурного образования, наделенного определенным объемом компетенции и властных

полномочий, необходимых для реализации возложенных на него задач;

- как вида деятельности по формированию профессионального кадрового ядра органов внутренних дел в целях выполнения задач государства в правоохранительной сфере, а также как повседневной оперативно-служебной деятельности личного состава органов внутренних дел¹¹.

Приведенные подходы позволяют прийти к выводу о том, что в современном научном понимании процессов развития института государственной службы и ее отраслевых разновидностей особую значимость приобретает институциональный подход. Данный подход позволяет рассматривать государственную правоохранительную службу как комплексный социально-правовой институт, обладающий системообразующими признаками и оказывающий существенное влияние на эффективность реализации правоохранительной функции государства.

В научной литературе под институционализацией государственной службы понимается процесс формирования различных типов государственно-служебной деятельности в качестве самостоятельных институтов. При этом, по мнению Е.Г. Крыловой, институционализация государственной службы включает в себя следующие основные компоненты: 1) повышение ответственности (подотчетности) государственных служащих; 2) укрепление институциональных ограничительных рамок на государственной службе; 3) открытость государственной службы (расширение участия гражданского общества, надзор); 4) качественное предоставление государственных услуг; 5) реформа системы управления государственной службой¹².

Вместе с тем сложность построения институциональной модели государственной правоохранительной службы заключается в отсутствии четких критериев, на основании которых следует осуществлять институционализацию. По нашему мнению, решение задачи определения критериев может быть найдено посредством характеристики общественных отношений в сфере государственной службы.

В теории административного права приводятся различные классификации видов государственно-служебных правоотношений. Вместе с тем, на наш взгляд, наиболее точную классификацию предлагает Ю.Н. Стариков, который выделяет девять видовых групп общественных отношений, входящих в родовое понятие «государственно-служебное правоотношение», в том числе: в сфере кадровой политики; по формированию государственно-служебных правоотношений; практическому функционированию государственной службы; реализации принципов государственной службы; формированию и реализации правового статуса государственного служащего; прохождению государственной службы; прекращению государственной служ-

бы; управлению государственной службой; проведению реформы государственной службы¹³. Данная классификация, по нашему мнению, является наиболее приемлемой с точки зрения институционализации государственной правоохранительной службы, поскольку позволяет определить ее предмет и формально-юридическое содержание.

Таким образом, по нашему мнению, применительно к правоохранительной службе процесс институционализации может быть представлен, прежде всего, как совокупность организационного обособления и правового оформления однородных групп государственно-служебных общественных отношений. При этом именно реально сложившиеся и объективно существующие государственно-служебные правоотношения могут быть положены в основу построения институциональной модели государственной правоохранительной службы.

Институциональное содержание государственной правоохранительной службы как социально-правового инструмента в решении правоохранительных задач государства имеет внешнюю и внутреннюю сторону. Внутренняя сторона связана с реализацией внутрисистемных правоотношений, связанных с осуществлением деятельности по кадровому обеспечению правоохранительной деятельности. Данная сторона процесса институционализации охватывает организационно-правовое регулирование кадровой деятельности непосредственно в правоохранительных органах: процедуры отбора, расстановки, перемещения и высвобождения кадров, воспитательной работы, социального, психологического и ресурсного обеспечения государственной правоохранительной службы.

Внешняя сторона институционализации связана с правовым обособлением государственной правоохранительной службы как самостоятельного комплексного межотраслевого правового института.

При этом процесс внешней институционализации в настоящее время связан с формированием единой системы правоохранительной службы в России, значительным обновлением законодательной базы, установлением правового статуса служащего государственной правоохранительной службы, систематизацией и унификацией административно-правовых процедур в прохождении правоохранительной службы. Правоохранительная служба как особый вид служебной деятельности должна развиваться и обеспечиваться согласованной государственной политикой и внутренне непротиворечивой системой норм, последовательно регламентирующих различные элементы служебных отношений.

В целом как институциональное явление государственная правоохранительная служба представляет собой комплексный социально-правовой институт, урегулированный нормами административного и иных отраслей права, предназначенный для практического и непосредственного обеспечения выполнения задач и реализации функций государства в области противодействия преступности, поддержания правопорядка и соблюдения законности в системе общественных отношений. Саму правоохранительную службу следует определить как вид государственной службы, связанный с обеспечением функционирования правоохранительных органов и направленный на реализацию правоохранительной функции по обеспечению интересов личности, общества и государства от противоправных посягательств.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ СЗ РФ. 2003. № 22. Ст. 2063. Далее – Закон «О системе государственной службы Российской Федерации».

² Впервые в официальных документах термин «правоохранительная служба» был использован в Концепции реформирования государственной службы Российской Федерации, утв. руководящим документом Президента РФ от 15 августа 2001 г. № Пр-1496.

³ См., напр.: Козбаненко В.А. Структурно-видовые особенности государственной службы Российской Федерации // Государство и право. 1998. № 12. С. 37; Старилов Ю.Н. Курс общего административного права. М., 2003. С. 636; Шаров А.В. Правовые и организационные проблемы регулирования государственной службы: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997. С. 17.

⁴ См., напр.: Указ Президента РФ от 09.03.2004 г. № 314 (ред. от 25.12.2008 г.) «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» // СЗ РФ. 2004. № 11. Ст. 945.

⁵ См.: Манохин В.М. Служба и служащий в Российской Федерации: правовое регулирование. М., 1997. С. 116.

⁶ СЗ РФ. 2003. № 22. Ст. 2063.

⁷ См.: Артемьев А.М. Государственная правоохранительная служба: системные свойства, функции, правовое обеспечение: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. С. 21.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ См., напр.: Бакун В.М. Административно-правовой статус служащих правоохранительной службы: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 11.

¹¹ См.: Шиенкова А.С. Административно-правовое регулирование правоохранительной службы в органах внутренних дел Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 13–14.

¹² См.: Крылова Е.Г. Формирование системы государственной службы Российской Федерации в контексте реализации концепции правового государства: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 23.

¹³ См.: Старилов Ю.Н. Служебное право: Учебник. М., 1996. С. 34–35.

Охрана общественного порядка – важнейшая функция местного самоуправления на современном этапе

С.Н. УШАКОВ – начальник кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Владимирского юридического института ФСИН России, кандидат юридических наук

Формальное признание того, что муниципальные органы охраны общественного порядка есть правоохранительные органы местного самоуправления, еще не раскрывает сути этих органов, не позволяет в полной мере определить их социальную роль.

Социальная роль того или иного органа, учреждения определяется, прежде всего, совокупностью возложенных на них функций, а также степенью включенности в систему общественных связей и отношений, возникающих в процессе реализации этих функций.

Одним из основных предназначений муниципальных органов охраны общественного порядка выступает непосредственная защита жизни, здоровья, прав и свобод, чести и достоинства людей от противоправных посягательств, имеющих место в публичных местах.

В ряде субъектов ввиду отсутствия специальных органов и учреждений, обладающих достаточными полномочиями, на милицию пытаются возложить и другие функции, непосредственно законодательством не предусмотренные: предупреждение и пресечение правонарушений в областях экологии, природопользования, санитарии, нравственности; осуществление контроля за исполнением решений органов местного самоуправления по вопросам, отнесенным законодательством к их ведению; оказание помощи гражданам, пострадавшим в результате несчастных случаев; доставление в морги «бесхозных» трупов; снос незаконно сооруженных гаражей и т.п.

Тенденция возлагать все новые и новые функции (особенно некриминального свойства) на государственный правоохранительный орган – милицию – в конечном итоге может привести к отвлечению ее от решения основной задачи: защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан, собственности, интересов общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств. Кроме того, расширение милицейского присутствия в обществе при снижении потенциальных возможностей эффективно выполнять все возложенные на этот правоохранительный орган функции неминуемо приводит к его дискредитации.

Статус муниципальных органов охраны общественного порядка позволяет рассматривать их в качестве органов социального обслуживания населения, способных оперативно реагировать не только на факты правонарушений, но и на разнообразные обращения с просьбой об оказании квалифицированной помощи гражда-

нам, оказавшимся в чрезвычайных ситуациях. Оценивая возможности муниципальных органов охраны общественного порядка в данном направлении, можно предположить, что наряду с основной задачей охраны общественного порядка на них целесообразно возложить ряд функций некриминального характера.

Прежде всего это касается деятельности, направленной на недопущение правонарушений, предупреждение угрозы личной и общественной безопасности.

В данном случае речь может идти о широком арсенале средств профилактики и предупреждения антисоциального поведения людей, включая меры общей и индивидуальной профилактики, выявление и принятие в пределах установленных полномочий мер по устранению условий, способствующих совершению правонарушений или возникновению угрозы личной и общественной безопасности (например, неосвещенность улиц, отсутствие замков на дверях в подвальные помещения, открытые колодцы, оборванные провода и т.п.).

Для профилактики правонарушений в субъектах государства целесообразно создать муниципальные конфликтологические службы, задачей которых будет посредничество между сторонами социальных конфликтов (представительными, исполнительными органами муниципалитета и населением, работодателями и работниками, предпринимателями, общественными организациями и т.п.).

Одним из наиболее эффективных и востребованных институтов гражданского общества правоохранительной направленности можно считать создание пунктов постоянной правовой поддержки на базе общественных приемных, учебных заведений, учреждений социальной защиты населения, муниципальных учреждений путем привлечения штатных специалистов, юристов и выпускников юридических вузов, проходящих преддипломную практику.

Важнейшими социальными функциями муниципальных органов охраны общественного порядка должны стать защита жизни, здоровья людей, спасение имущества, оказание экстренной помощи лицам, находящимся в беспомощном состоянии. По сути, эти органы следует рассматривать в качестве местных сил быстрого реагирования, способных оперативно прибыть на место происшествия и оказать первую помощь пострадавшим. Выполнение данной функции можно было бы предоставить муниципальным службам спасения.

В целях обеспечения личной безопасности граждан целесообразно возложить на муниципальные органы охраны общественного порядка обязанность осуществлять привод в учреждения здравоохранения по их представлениям, санкционированным судом (судьей), лиц, страдающих хроническим алкоголизмом, наркоманией, венерическими заболеваниями, ВИЧ-инфицированных, которые уклоняются от явки по вызову в медицинские учреждения.

Перечень социальных услуг, оказываемых муниципальными органами охраны общественного порядка, может быть продолжен. Набор этих функций определяется потребностями конкретных муниципальных образований и устанавливается правовыми нормативными актами органов местного самоуправления в соответствии с федеральными законами и законами субъектов государства. Тем самым предлагаем принять на законодательном уровне субъекта государства закон, регламентирующий работу муниципальных органов правоохранительной направленности и определяющий их административно-правовой статус.

Содержание деятельности муниципальных органов охраны общественного порядка определяет формы и методы ее осуществления.

Формы охраны общественного порядка есть внешнее проявление осуществляемой деятельности, которое выражается в практически реализуемых правовых и организационных мерах. Это предопределяет их деление на правовые и организационные формы¹.

Правовые формы включают в себя меры, применение которых влечет определенные юридические последствия. Правовые формы делятся на нормотворческую и правоприменительную (регулятивную и правоохранительную) формы. К организационным относятся формы выражения применяемых в целях охраны общественного порядка организационных и материально-технических мер².

Поскольку на муниципальном уровне нормотворчество относится прежде всего к компетенции органов местного самоуправления, можно предположить, что деятельность муниципальных органов охраны общественного порядка в большей степени будет осуществляться в правоприменительных и организационных формах. Нормотворчество может иметь место лишь во внутренней деятельности этих органов (например, издание кадровых приказов).

Методы деятельности муниципальных органов охраны общественного порядка – это конкретные способы ее осуществления, которые должны выбираться в зависимости от решаемой задачи охраны общественного порядка. Традиционно методы охраны общественного порядка разделяются на методы убеждения и принуждения. Применительно к деятельности муниципальных органов охраны общественного порядка можно выделить:

– методы контроля за соблюдением установленных норм поведения в общественных местах

и выявления правонарушений (выставление постов, патрулирование, проведение рейдов, контроль с использованием технических средств и др.);

– методы непосредственной охраны жизни, здоровья, чести и достоинства людей в общественных местах (ограничение прохода или пребывания людей в определенном месте, оказание экстренной помощи пострадавшим);

– методы предупреждения правонарушений (профилактические беседы, правовое консультирование и правовая пропаганда, информирование соответствующих органов и учреждений о необходимости устранения условий, способствующих совершению правонарушений);

– методы пресечения административных правонарушений и преступлений (требование о прекращении противоправного поведения, задержание и доставление правонарушителя).

Организация муниципальных органов охраны общественного порядка (новых для страны правоохранительных формирований) вызывает необходимость принятия специальных законов, регулирующих их деятельность.

Учитывая, что эта деятельность предполагает использование властных полномочий, в том числе с применением мер принуждения, ограничения в случае необходимости некоторых прав и свобод граждан, прерогатива установления правовых основ муниципальных органов охраны общественного порядка должна принадлежать федеральному законодательству.

Представляется, что на федеральном уровне следует закрепить основные понятия, принципы, задачи, права, обязанности муниципальных органов охраны общественного порядка, порядок их финансирования и материально-технического обеспечения, механизм контроля и ответственности. В федеральном законе также должны найти отражение общие условия и порядок прохождения службы в этих органах.

Особый административно-правовой статус муниципальных органов охраны общественного порядка позволяет им быть ближе к населению, чем федеральные органы внутренних дел. Через муниципальные органы охраны общественного порядка могут быть открыты надежные каналы связи общества и правоохранительных органов. Появится возможность создания условий для реализации стратегии социального партнерства, предполагающей взаимопонимание, доверие, взаимную поддержку и сотрудничество. Все это будет способствовать росту правовой активности людей и в конечном итоге повышению эффективности всей правоохранительной деятельности государства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Административная деятельность органов внутренних дел: Учеб. / Под ред. проф. Л.Л. Попова. М., 1987. С. 111.

² См.: Административная деятельность органов внутренних дел. Часть общая: Учеб. М., 1998. С. 222–225.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ, ПЕДАГОГИКИ И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Система профессионального взаимодействия как условие организации социальной работы с осужденными

Т.С. УХАНОВА – старший преподаватель кафедры социальной психологии и социальной работы ВИПЭ ФСИН России

Поскольку уголовно-исполнительная система призвана решать сложные, важные задачи, она должна в своей деятельности использовать возможности общества. В качестве основного субъекта реализации задач, связанных с защитой прав и свобод человека, проводника и посредника в формировании системы социально полезного взаимодействия уголовно-исполнительной системы и различных общественных институтов выступает пенитенциарная социальная служба.

Пенитенциарная социальная работа – это одно из специфических направлений социальной работы с населением, представляющих собой организацию комплекса социально значимых мероприятий, направленных на «осуществление социальной защиты осужденных и создающих предпосылки для их исправления в период отбывания наказания и ресоциализации после освобождения»¹.

Как показывает анализ практической деятельности сотрудников пенитенциарных социальных служб (отдельных направлений профессиональной деятельности), одним из главных условий осуществления пенитенциарной социальной работы является открытость ее границ, установление профессионального сотрудничества с гражданским обществом. В то же время из сферы научного внимания выпадает проблема, связанная с особенностями построения профессиональных взаимоотношений субъектов пенитенциарной социальной работы, а также проблема влияния общества на развитие и совершенствование данного вида деятельности уголовно-исполнительной системы как специфического социокультурного института.

Следует отметить, что для предметно-объектного поля деятельности специалиста по пенитенциарной социальной работе характерны сложные комбинации социальных проблем осужденных, нестандартность переживаемых ими трудных жизненных ситуаций, обусловленных

спецификой условий отбывания наказаний в исправительном учреждении.

Важнейшей задачей социальной работы выступает минимизация трудных жизненных ситуаций осужденных, особенно тех, кто готовится к освобождению. Иначе данную задачу можно сформулировать следующим образом: создание условий, способствующих восстановлению (или компенсации) нарушенных функций жизнедеятельности человека, освобождающегося из мест лишения свободы, и включение его в реальные социальные процессы и общественные отношения в условиях жизни на свободе.

Решение социальных проблем осужденных требует конструктивно налаженного профессионального взаимодействия сотрудников пенитенциарной социальной службы со специалистами гражданских ведомств, организаций, учреждений и служб, задействованных в социальном сопровождении соответствующей категории населения.

В связи с этим социальная служба в пенитенциарном сообществе занимает особое место. Пенитенциарная социальная служба (далее – ПСС) является промежуточным звеном между микросистемой личной социальной поддержки осужденного и макросистемой общества в целом. Для осужденного, нуждающегося в социальной защите, именно эта промежуточная система образует естественную опору в сложной жизненной ситуации, а также является источником ресурсного обогащения его жизни за счет дополнительных социальных контактов (привлечения ресурсов гражданского общества).

Правомерно сделать вывод, что эффективность социальной работы с осужденными в целом находится в прямой зависимости от грамотно организованной системы профессионального взаимодействия всех ее субъектов.

Система профессиональных связей – это целостное образование, представляющее собой единство упорядоченных (последовательно организованных) взаимоотношений между

сотрудниками ПСС и представителями иных профессиональных институтов (институтов социальной поддержки нуждающихся категорий населения). Речь идет об образовании межведомственной профессиональной кооперации, консолидирующей усилия различных структур и ведомств на комплексное решение социальных проблем различных категорий осужденных. ПСС отводится роль инициатора, организатора и супервизора данного сетевого взаимодействия.

Система профессиональных связей в пенитенциарной социальной работе может быть представлена и как совокупность отдельных взаимосвязанных между собой подсистем профессионального взаимодействия, дифференцированных по специфике направлений решаемых социальных проблем (социальных задач) осужденных. Такими подсистемами выступают профессиональные коммуникации, например, между ПСС и службой занятости населения, ПСС и пенсионным фондом, где в основе содержания совместной деятельности решаются вопросы специфического характера, в частности вопросы профориентации (трудоустройства) освобождающихся из ИУ или пенсионного обеспечения осужденных.

Каждая подсистема имеет свою модель организации профессионального взаимодействия, отличающуюся своеобразием коммуникативной ситуации: направлениями и содержанием совместной деятельности, масштабами и механизмами реализации социальных задач, интенсивностью и формами построения профессиональных взаимоотношений.

Общими требованиями формирования системно-целостных отношений в профессиональном кооперировании выступают такие сущностно-атрибутивные характеристики, как планирование совместных мероприятий, согласование взаимных действий, управление процессом профессиональных коммуникаций. Значимым (принципиально важным) условием, обеспечивающим успешность профессионального взаимодействия субъектов пенитенциарной социальной работы, достижение единой цели, выступает сотрудничество.

В контексте рассматриваемой темы представляется актуальной проблема профессионально-коммуникативной компетентности как одного из основных компонентов общей структуры профессиональной компетентности специалиста по пенитенциарной социальной работе. Коммуникативный характер деятельности сотрудника ПСС обязывает его владеть таким уровнем профессионального мастерства, который бы в результате позволял привлекать широкий круг общественности, заинтересованной в решении социальных проблем осужденных и лиц, освобождающихся из ИУ. Специалист пенитенциарной социальной службы выступает как инициатор той или иной модели профессиональной

кооперации и как профессионал, способный определить место и роль каждого потенциального субъекта пенитенциарной социальной работы в рамках ее комплексного осуществления.

Анализ феномена профессионального сотрудничества ПСС исправительных учреждений с гражданскими ведомствами, организациями, учреждениями и службами (иными социальными институтами) на современном этапе институционализации пенитенциарной социальной работы предполагает конструктивное осмысление его социально ценного назначения. Сущностно значимая ценность системы выстроенных профессиональных взаимоотношений субъектов пенитенциарной социальной работы заключается:

- в профессиональном взаимообогащении всех ее участников – субъектов пенитенциарной социальной работы (мультипликация опыта и лучших образцов в различных отраслях социальной работы с дезадаптированными людьми);

- укреплении и развитии существующих связей уголовно-исполнительной системы с институтами и структурами гражданского общества; разработке и осуществлении новых способов социального воздействия на проблему осужденного;

- формировании в обществе объективного представления о деятельности пенитенциарных социальных служб, развитии позитивного имиджа социальной работы с осужденными.

Особой ценностью системы профессионального сотрудничества субъектов пенитенциарной социальной работы выступает активизация ресурсов общества – обеспечение условий, при которых человек, освободившийся из мест лишения свободы, научается справляться с жизненными проблемами самостоятельно, грамотно используя ресурсы, предоставляемые системой государственных и общественных организаций, учреждений и служб.

Выстроенная система профессиональных связей является фактором, обеспечивающим рационально-продуктивную организацию комплекса социальной помощи осужденным. Точнее говоря, обеспечивается мобильное и оперативное реагирование на социальные проблемы соответствующей категории населения, преемственность социальной поддержки от пенитенциарного к постпенитенциарному периоду. Само решение социальных проблем осужденных и лиц, освобождающихся или освободившихся из мест лишения свободы, в итоге переходит на качественно новый, более эффективный уровень.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 30 декабря 2005 г. № 262 «Об утверждении Положения о группе социальной защиты осужденных исправительного учреждения уголовно-исполнительной системы».

Ролевого конфликт как условие становления профессиональной идентичности психологов уголовно-исполнительной системы

М.С. КОДАНЕВА – старший преподаватель кафедры общей психологии ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук

Интерес к феномену профессиональной идентичности, столь возросший в отечественной науке за последнее десятилетие, не случаен. Проблематика профессионального самосознания и самоопределения становится особенно актуальной в условиях политических и социально-экономических изменений в нашей стране. Исследователи отмечают, что среди принципиальных изменений, произошедших в человеческом сообществе вообще и в российском обществе в частности, наиболее значимыми оказались критические изменения самого человека. Современный человек по-новому понимает, осмысливает мир и себя в этом мире, в связи с чем на передний план выходит проблема самосознания, самоопределения человека, рефлексии им своих возможностей. Профессиональная идентичность, наряду с этнической, гендерной, религиозной и другими видами идентичности, выступает в качестве важнейшего аспекта самосознания, изучение которого необходимо для оптимизации функционирования человека в соответствующей сфере деятельности. Постановка проблемы профессиональной идентичности, ее структуры и генезиса, определение психологических оснований ее понимания являются важными задачами по причине, в том числе, отмечаемого исследователями кризиса идентичности в современных условиях.

Результаты исследований Е.П. Ермолаевой, Л.Б. Шнейдер, Ю.П. Поваренкова, Н.Л. Ивановой, М.М. Абдуллаевой и других свидетельствуют о том, что человек действительно реализует и развивает свою идентичность в профессиональной сфере. Вместе с тем вопрос об этапах и движущих силах процесса становления профессиональной идентичности продолжает оставаться открытым. Малоизученными являются особенности становления профессиональной идентичности в различных условиях профессиональной деятельности.

Гуманизация системы исполнения наказаний в России предполагает участие психологов в решении задач, связанных с сопровождением осужденных, подозреваемых и обвиняемых, а также персонала пенитенциарных учреждений. На сегодняшний день значимость профессии психолога в уголовно-исполнительной системе не вызывает сомнений. Психологическая служба УИС действует в сложных условиях правовой регламентированности и экстремальности, предъявляющих высокие требования к уровню профессионализма пенитенциарных психологов. В то же время, по данным статистики, около

40% штатных должностей психологов занимают лица, не имеющие базового образования¹. Среди специалистов с профильным образованием значителен процент тех, кто пришел в уголовно-исполнительную систему из гражданских учреждений. Адаптация к специфическим условиям деятельности в пенитенциарном учреждении вызывает у этой категории профессионалов большие трудности. Особенно остро переживается ими необходимость сочетания ролей психолога и сотрудника, не всегда совпадающих по своему содержанию, что позволяет рассматривать проблему профессионализации психологов в УИС прежде всего как проблему становления их профессиональной идентичности.

Очевидное решение данной проблемы заключается в специализированной профессиональной подготовке психологов для УИС, приоритетом которой является развитие личности будущих профессионалов. В вузах Федеральной службы исполнения наказаний России осуществляется обучение курсантов и слушателей по специальности «Психология», однако формированию адекватной профессиональной идентичности будущих пенитенциарных психологов, на наш взгляд, не уделяется должного внимания. Отсутствие научно обоснованных данных в этой области обусловило актуальность проведенного нами исследования становления профессиональной идентичности психологов УИС в период обучения в ведомственном вузе и на этапе самостоятельной профессиональной деятельности².

Цель исследования состояла в выявлении характеристик и условий становления профессиональной идентичности психологов УИС на разных этапах профессионализации. В исследовании приняли участие курсанты I–V курсов психологического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России (213 чел.) и 39 психологов-сотрудников психологической службы ФСИН России. В комплекс методов исследования были включены неформализованное интервью, метод репертуарных решеток Дж. Келли (вариант, разработанный в рамках ко-терапевтической компьютерной системы «КЕЛЛИ-98»), самоактуализационный тест – САТ (в адаптации Л.Я. Гозмана, М.В. Кроза и М.В. Латинской) и тест «20 высказываний» М. Куна и Т. Макпартленда.

В контексте исследования профессиональная идентичность понималась как интегральное качество личности профессионала, особая форма организации опыта бытия личности в профессии, которая раскрывается через систе-

му функциональных, ценностно-смысловых, ролевых и временных образующих. Процесс становления профессиональной идентичности был представлен через изменения характеристик, демонстрирующих вклад каждой из образующих в формирование целостной идентичности: функциональных (вовлеченность в деятельность и удовлетворенность ею), ценностно-смысловых (профессиональные ценностно-смысловые ориентации), ролевых (структура профессионально-ролевых идентификаций) и временных (временная согласованность профессионального образа «Я»). Анализ данных, полученных в ходе исследования, позволил определить значимый для становления профессиональной идентичности психологов УИС фактор – специфичное сочетание внешних и внутренних условий, которое определяет центральное противоречие («драму») каждого периода, связанное с необходимостью согласования служебных и профессиональных ролей.

Интерпретируя данные исследования, мы опирались на представление о том, что достигнутая идентичность предполагает успешную интеграцию отдельных ролей в «Я». В случае противоречия ролевых предписаний возникает ролевой конфликт, который может послужить основанием для переживания кризиса идентичности. Повседневная практика и многочисленные исследования свидетельствуют о том, что ролевые конфликты являются весьма частым явлением. Большинство организационных стрессоров связано именно с ролевыми особенностями профессиональной деятельности³.

В современной литературе описаны три типа ролевых конфликтов: межролевые, внутриролевые и личностно-ролевые. Межролевой конфликт вызывается тем, что различные роли предъявляют индивиду несовместимые или даже противоположные требования. В результате подобных конфликтов формируется маргинальная личность. Группы, к которым она одновременно принадлежит, враждуют между собой, вследствие чего не представляется возможным осуществить выбор и прочно идентифицироваться с одной из них. Внутриролевой конфликт имеет место, если оказываются противоречивыми требования, предъявляемые к носителю одной роли разными социальными группами. По мнению Т. Ньюкома, личности удается избегать подобных конфликтов благодаря тому, что различные роли «не пересекаются», иными словами, выполняются в разное время и в разных условиях⁴. Личностно-ролевой конфликт возникает, «когда качества, внутренние ценности, стандарты, представления и потребности личности не соответствуют социальной роли или установленному ролевому поведению, то есть субъективное «Я» вступает в конфликт с социальной ролью»⁵. С точки зрения Э. Эриксона, чувство самоуважения, способствующее возникновению чувства идентичности, основано на знаниях и социальных приемах, обеспечивающих совпадение «эго-идеала» и социальной

роли. Однако социальная роль не должна стать при этом «маской», в противном случае «образуется ложная эго-идентичность, которая не синтезирует, а скорее подавляет тот опыт и те функции, которые опасны для «вывески»»⁶.

Результаты, полученные с помощью различных методов, позволили не только констатировать существование конфликта служебных и профессиональных ролей в структуре идентичности психологов УИС, но и определить значение этого конфликта на каждом этапе становления профессиональной идентичности.

Как показало исследование, в период обучения будущих психологов в ведомственном вузе имеют место два кризиса идентичности: первый – на втором году обучения, основным показателем которого выступает отсутствие перспективной идентичности в профессиональной сфере; второй – на пятом курсе, который проявляется в снижении ролевой самоидентификации. «Пик» ролевой идентификации наблюдается на третьем курсе, что дает основания рассматривать его как относительно самостоятельный этап в становлении идентичности.

Таким образом, в процессе становления профессиональной идентичности будущих психологов УИС в период обучения в ведомственном вузе были выделены три этапа: первый – «приобщение к профессии» (I–II курсы), второй – «первичная идентификация с профессией» (III курс), третий – «начало формирования профессиональной идентичности» (IV–V курсы). Четвертый этап в нашем исследовании был соотнесен с периодом самостоятельной профессиональной деятельности психологов УИС.

Результаты контент-анализа самоописаний респондентов (методика М. Куна и Т. Макпарленда) свидетельствуют о том, что максимальная выраженность профессионального компонента в структуре идентичности характерна для курсантов-старшекурсников и психологов. Служебно-ролевой компонент у них менее представлен по сравнению с курсантами I–IV лет обучения. Вместе с тем служебный компонент в структуре идентичности преобладает над профессионально-ролевым у всех курсантов, что, по-видимому, отражает особенности ситуации обучения в ведомственном вузе. Для практикующих психологов служебная сторона их деятельности обладает, вероятно, меньшей значимостью по сравнению с собственно профессиональной.

Это подтверждается результатами исследования по методу Келли. Действительно, на разных этапах профессионального становления ролевые идентификации психологов УИС характеризуются рядом особенностей.

Прежде всего, имеют место различия в составе референтных групп, предоставляющих модели для ролевой идентификации. Для первокурсников такую группу составляют однокурсники и преподаватели, для курсантов третьего года обучения – практические психологи УИС, для выпускников – практические психологи и одно-

курсники (как начинающие специалисты). Все курсанты ориентированы на профессиональное окружение в пределах ведомственных учреждений, однако его широта увеличивается от первого к пятому курсу за счет приобретения опыта взаимодействия с разными специалистами. Сходная ситуация наблюдается у практикующих психологов: их профессиональные отношения складываются преимущественно в пределах региональной службы УИС. Служебно-ролевые идентификации у всех групп испытуемых устанавливаются в рамках ближайшего окружения (однокурсники, сотрудники вуза – для курсантов, сотрудники учреждения – для психологов).

Значимость ролевых позиций меняется на разных этапах становления психологов. Служебные роли имеют особое значение для курсантов первого года обучения в связи с активным освоением служебной деятельности. Профессиональные роли выходят на первый план у курсантов третьего года обучения. Для пятикурсников и практикующих психологов как профессиональные, так и служебные ролевые позиции значимы в одинаковой степени. Очевидно, поэтому первокурсники наиболее пристрастны в оценке своего актуального «Я», а курсанты старших курсов и психологи – в оценке будущего, возможного «Я», отражающего перспективы развития в профессиональной сфере.

Содержание профессионально-ролевых позиций нетождественно у курсантов разных лет обучения и психологов. Так, первокурсники включают в образ психолога-профессионала личностные характеристики, выражающие отношение к другим людям; для третькурсников определяющими являются опыт и наличие внутренней мотивации к выполнению профессиональной деятельности; выпускники вуза оценивают профессионала с точки зрения его компетентности и эффективности в деятельности; практикующие психологи помимо компетентности рассматривают в числе критериев профессионализма отношение к своему делу. По-разному конструируется и роль начинающего специалиста, выступающая в качестве основной идентификационной модели на этапе профессионального обучения. Для первокурсников она ассоциируется в первую очередь с познавательной активностью, для курсантов третьего курса – с отсутствием профессионального опыта, для пятикурсников – с самоопределением, психологи отмечают у начинающих специалистов заинтересованность в сочетании с неуверенностью.

Особенности структуры ролевых идентификаций курсантов и психологов проявились в отношении следующих позиций. В прошлом первокурсники, пятикурсники и психологи идентифицируются в большей степени с ролью начинающего специалиста. Психологам близка также роль психолога-сотрудника: для них в прошлом – начало профессионального становления в системе. Для третькурсников ведущей является идентификация с самоактуализирующейся личностью (возможно, самоопреде-

ляющимся человеком), что подтверждается на статистическом уровне: для персонажа «Самоактуализирующийся человек» были выявлены значимые различия между группами испытуемых, рассчитанные по критерию U Манна-Уитни (I–II курс, $p \leq 0,05$; III–V курс, $p \leq 0,01$; III курс – психологи, $p \leq 0,01$).

В настоящем у первокурсников наблюдается тенденция к идентификации с ролями начинающего специалиста и психолога-сотрудника, третькурсники видят себя начинающими специалистами, стремящимися к самоактуализации, пятикурсникам близки роли начинающего специалиста и психолога-сотрудника, практикующим психологам – роль профессионала. Статистически значимые различия были обнаружены для персонажей «Неуспешный сотрудник» (I–V курс, $p \leq 0,05$; III–V курс, $p \leq 0,05$), «Начинающий специалист» (III курс – психологи, $p \leq 0,05$), «Психолог-профессионал» и «Психолог-непрофессионал» (V курс – психологи, $p \leq 0,05$). Таким образом, пятикурсники в большей степени, чем курсанты младших курсов, склонны к принятию роли неуспешного сотрудника и роли непрофессионала – по сравнению с практикующими психологами; у третькурсников наблюдается первичная профессиональная идентификация; психологи демонстрируют адекватную их профессиональному статусу ролевую идентификацию.

В будущем во всех группах очевидна ориентация на профессионально-психологическую позицию, которая связывается у третькурсников с ролью психолога-сотрудника, а у первокурсников и психологов – с возможностями самоактуализации. Статистически значимые различия выявлены для персонажей «Психолог-сотрудник» (III–V курс, $p \leq 0,05$; III курс – психологи, $p \leq 0,05$) и «Самоактуализирующийся человек» (III курс – психологи, $p \leq 0,05$), что подтверждает сказанное.

В числе отвергаемых во всех группах фигурируют роли психолога-непрофессионала и неуспешного сотрудника, однако последняя роль ближе пятикурсникам в прошлом и настоящем, чем другим группам курсантов. Возможно, такой результат обусловлен особенностями профессионально-учебной ситуации конкретного курса.

Следует отметить также, что от первого курса к группе психологов меняется в целом характер ролевых предпочтений: они становятся менее определенными, а структура идентификаций – более «размытой». Одним из объяснений этого факта являются различия в профессиональном опыте, максимально сходном у курсантов на начальном этапе профессионального обучения и значительно индивидуализированном у состоявшихся специалистов.

Наиболее выраженными оказались особенности ролевых идентификаций в группах курсантов и психологов, выделенных по критерию согласованности временных самооценок. Из четырех теоретически возможных вариантов соотношения между временными образами «Я»

в группе курсантов первого года обучения были выявлены два (несогласованность «Я в прошлом» и «Я в настоящем» – согласованность «Я в настоящем» и «Я в будущем»; полная согласованность); в группах курсантов третьего, пятого курсов и психологов к ним добавился третий вариант (полная несогласованность). Единичный случай в группе пятикурсников представляет четвертый вариант (согласованность «Я в прошлом» и «Я в настоящем» – несогласованность «Я в настоящем» и «Я в будущем»). Варианты соотношения временных самооценок могут быть интерпретированы следующим образом.

Полная несогласованность образов «Я» свидетельствует о состоянии кризиса идентичности, что отражается в содержании конструктов, характеризующих «Я в настоящем» испытуемых. Подобный кризис порожден, вероятно, противоречием между стремлением к профессиональной самореализации и отсутствием условий для нее. Несогласованность самооценок в прошлом и настоящем связана с рефлексией курсантами и психологами собственных изменений, произошедших в связи с обучением или началом профессиональной деятельности в УИС. Согласованность настоящего и будущего образов «Я» в этом случае указывает на состоявшееся самоопределение и нацеленность на достижения в выбранной профессии. Полная согласованность временных самооценок характерна для курсантов и психологов, демонстрирующих наряду с профессиональной ориентацией выраженные карьерные устремления.

Причины актуализации конфликта служебных и профессиональных ролей на разных этапах становления профессиональной идентичности психологов УИС выявлялись посредством анализа материалов неформализованного интервью.

Так, на первом этапе (первые два года обучения в ведомственном вузе) специфика ситуации определяется тем, что курсанты одновременно включаются как в учебную, так и в служебную деятельность, причем вовлеченность в служебную деятельность преобладает. Выполнение служебных задач занимает у первокурсников большую часть времени, требует физических затрат и сопровождается значительным психическим напряжением. Вероятно, поэтому ведущими ценностями для них выступают свобода и возможность самопроявления (по данным САТ).

Объективную сложность для курсантов младших курсов представляют психологические дисциплины (интересно, что старшекурсники в своих ретроспективных отчетах упоминают о двух факторах, «осложнявших жизнь» в первые годы обучения в институте: несении службы и освоении психологии). Однако, несмотря на перечисленные трудности, первокурсники в целом демонстрируют удовлетворенность профессией, что подкрепляется позитивной оценкой специальности и сферы будущей профессиональной деятельности со стороны их ближайшего

окружения. В то же время для первого этапа становления профессиональной идентичности психологов УИС характерны недифференцированность образа профессии, обобщенный интерес к ней, признание необходимости профессии психолога в УИС. В отношении к другим людям (в том числе осужденным – объекту будущей профессиональной деятельности) у курсантов преобладает познавательная установка, они ориентированы на приобретение и актуализацию, прежде всего, социального опыта.

Таким образом, приобщение к профессии определяется познавательным интересом к другим людям и возможностями его удовлетворения в напряженных условиях учебной и служебной деятельности. Фрустрация социальных потребностей вследствие специфики условий на начальном этапе обучения в ведомственном вузе может стать причиной кризиса идентичности.

Второй этап (третий курс, соответственно) характеризуется преимущественной вовлеченностью курсантов в учебно-профессиональную деятельность. Служебная деятельность оценивается третьекурсниками как непривлекательная. На первый план выходят ценности автономии и самоактуализации (по данным САТ).

Третьекурсники нацелены на решение чрезвычайно важных для них проблем: совместимы ли профессия психолога и условия профессиональной деятельности в УИС? востребована ли профессия психолога в УИС? насколько собственные качества отвечают требованиям профессии пенитенциарного психолога? Большинство опрошенных курсантов дали отрицательный ответ на вопрос о совместимости ролей психолога и сотрудника, аргументируя это следующим образом: *«Мало совместимы, потому что сотрудник должен быть сотрудником. Психолога не касаются такие вещи, как дисциплина, подчинение власти, чтоб он меньше был загружен этим и мог заниматься своим делом»; «Сотрудник – это сотрудник. Трудно это совместить. Сотрудник – он подчиняется, должен выполнять свои обязанности. А психолог... Сотрудник должен пойти и сказать о побеге. Психолог имеет право промолчать»; «Военная муштра и такая творческая профессия, как психолог, несовместимы»; «Может быть, когда несколько лет отработаю, для меня будут сочетаемы. Но вряд ли». Разрешение ролевого противоречия для курсантов возможно путем предпочтения одной из сторон профессиональной деятельности: *«Выбрать, что важнее: сама работа или подчинение по службе».**

Представляется важным тот факт, что наибольшая выраженность рефлексии эмоциональных и поведенческих изменений свойственна именно курсантам третьего года обучения. Третьекурсники чаще отмечают реалистичность своих представлений о профессии психолога, демонстрируют значимое отношение к ней, а также сообщают об изменениях, произошедших в них самих за время обучения. В связи с этим они склонны подчеркивать зна-

чимось оценки их профессиональных качеств со стороны ближайшего окружения. Сказанное позволяет характеризовать данный период как сензитивный для становления профессиональной идентичности.

Итак, на втором этапе у курсантов возникает эмоционально-личностное отношение к профессии психолога УИС, составляющее основу для профессионального самоопределения в этой сфере. В то же время разрешение проблемы согласования служебной и профессиональной ролей выступает важнейшим условием адекватной профессиональной идентификации.

Особенностями *третьего этапа* (четвертый–пятый курсы) являются вовлеченность в профессиональную деятельность одновременно с отсутствием выраженного интереса к служебной деятельности; доминирование ценностной интернальности, гибкости и позитивного отношения к человеку (по данным САТ); ориентация на личный опыт профессиональной деятельности. Большинство опрошенных старшекурсников не связывают свое профессиональное будущее с уголовно-исполнительной системой. При этом значимыми проблемами для них выступают востребованность профессии психолога УИС (с точки зрения реальных возможностей трудоустройства) и реализация собственных возможностей в профессиональной деятельности.

На вопрос о возможности сочетания ролей психолога и сотрудника пятикурсники отвечают утвердительно, связывая их различие исключительно с внешними атрибутами. Определяющей, по их мнению, является внутренняя позиция профессионала: *«Психолог – это психолог, в погонах он или гражданский»; «Все зависит от человека, как он к этому относится».*

Заметим, что ни одно из высказываний курсантов первого года обучения не отражает эмоционально-личностного отношения к профессии, в то время как эта тема актуальна для третьекурсников и особенно пятикурсников. Можно предположить, что подобное отношение начинает складываться у курсантов к середине обучения в ведомственном вузе и создает предпосылки для становления профессиональной идентичности. Интересно, что содержание эмоционально-личностного отношения к получаемой специальности различно у курсантов третьего и пятого курсов. Третьекурсники связывают его с решением проблемы значимости психологической профессии, в том числе в уголовно-исполнительной системе, и профессионального самоопределения («быть или не быть»). Отношение курсантов-выпускников, имеющих опыт профессиональной деятельности благодаря практикам, определяется осознанием возможностей профессиональной самореализации в реальных условиях («как быть»).

Таким образом, на третьем этапе у курсантов формируется внутренняя, «субъектная» позиция по отношению к профессии, в связи с чем доминирует их ориентация на самореализацию в будущей профессиональной деятельности.

На этапе самостоятельной профессиональной деятельности к значимым внешним условиям относятся: нормативная регламентация профессиональной деятельности психологов УИС; недостаточное материальное оснащение психологической лаборатории; низкая мотивированность потенциальных клиентов (сотрудников и осужденных); непонимание специфики психологической работы руководством и сотрудниками учреждения; узкий круг профессиональных контактов; позитивное отношение ближайшего окружения к профессиональной деятельности на фоне негативного отношения к сфере деятельности в целом. Все это обуславливает противоречивость отношения психологов к своей профессии: они умеренно вовлечены в собственно профессиональную деятельность и в то же время не принимают особенности регламентации деятельности в УИС. Актуальными для пенитенциарных психологов проблемами являются значимость психологической работы в исправительном учреждении, а также согласование ролей сотрудника и психолога.

На вопрос «Сложно ли сочетать в себе роли психолога и сотрудника?» положительный ответ дали 58% опрошенных психологов. Respondенты характеризуют соотношение ролей следующим образом: *«неконгруэнтность», «возникает конфликт внутри», «сложно как для человека, подсознательно сталкиваются два блока», «либо-либо, борются».* При этом в качестве причин противоречия ролевых позиций психолога и сотрудника указываются следующие:

– несовпадение целей деятельности (*«Задачи психолога одни, а у сотрудника предполагается иное»; «Прежде всего мы – сотрудники. Цели другие у психолога и сотрудника. Сочетаются только в том, что и тот и другой создают обстановку»;*

– несоответствие между этическими принципами психолога (конфиденциальность, безоценочное отношение к клиенту и т.п.) и требованиями к деятельности сотрудника (*«При работе с осужденным роли сменяют друг друга, из-за этого нет самораскрытия у человека. Работаешь с человеком, а сам думаешь, что информацию нужно будет сообщить. Испытываешь дискомфорт, когда приходится роли делить»; «Сохранять этическую позицию сложно: не даешь информацию – не работаешь»; «С осужденными – психолог не должен оценивать; сотрудник – обязан на какие-то недостатки указать. Приходится выбирать, как действовать. Противоречат этика психолога и обязанности сотрудника (например, обыски, необходимость приказать»;*

– несовпадение профессиональных и служебных ценностей (свобода самовыражения и необходимость субординации) (*«Табу на самовыражение, необходимость держать при себе собственное мнение. Сотрудник – болванчик, должен быть никакой: подчиняемый, беспрекословный, не имеющий своего мнения. Большинство так и работают. Психолог должен высказывать свою точку зрения, неординарную,*

отличающуюся от большинства. Все видят событие с одной стороны, психолог – с другой»);

– ограничения по полу («Если психолог – женщина, то трудности связаны с режимом»).

Особый риск для поддержания профессиональной идентичности связан с выполнением психологом несвойственных ему обязанностей, поскольку при этом происходит «выпадение» в другую роль. Зачастую психолог (особенно, если он мужчина) воспринимается окружением в качестве сотрудника, для которого первоочередным является выполнение служебных обязанностей. Непонимание руководством учреждения специфики психологической работы выражается в привлечении их к другим видам работ (дежурство, несение службы в составе караула, сопровождение осужденных на сельхозработы, проведение обысков и т.п.). Подобная ситуация воспринимается психологами как угроза профессиональной идентичности, поскольку неизбежно провоцирует ролевой конфликт. Психологи отмечают, что смешение ролей психолога и сотрудника может обуславливать негативное отношение к ним со стороны осужденных, в то время как мотивированность осужденных к взаимодействию с психологом признается одним из важных факторов эффективной работы.

Ролевая неопределенность свойственна также сотрудникам, сменившим профессию в процессе службы в УИС. В глазах окружающих они продолжают оставаться в прежней роли, что, несомненно, сказывается на профессиональном самоопределении.

Для психологов-женщин, работающих в мужских колониях, существенным препятствием в реализации профессиональных функций выступает необходимость соблюдения определенных режимных требований.

Об отсутствии трудности сочетания ролей сообщают психологи, окружение которых склонно воспринимать их преимущественно в профессиональной роли. Подобное отношение окружения формируется либо благодаря большому стажу работы в одном учреждении, либо за счет специфики подразделения. Так, например, одна из респондентов, психолог отряда специального назначения, несмотря на небольшой стаж работы (около года), отмечает: «Я работаю в мужском коллективе, и во мне гармонично сочетаются и качества сотрудника, и качества психолога, которые в любых ситуациях видят во мне мои коллеги». Очевидно, что в данном случае сыграли роль приоритет служебной деятельности в отряде, собственная активность психолога по завоеванию доверия к себе как к сотруднику и профессионалу (респондент призналась, что навыки служебной деятельности, приобретенные ею за время обучения в ведомственном вузе, пригодились в период адаптации к работе, поскольку «самое главное – самой быть на уровне, быть с ними, поднимать свой уровень») и половая принадлежность (некоторое снисхождение к женщине сотрудники отряда все же проявляют, например ей разрешается не надевать

тяжелое снаряжение – бронежилет, автомат – во время учений).

Сложности сочетания ролей не возникают, если психолога редко привлекают к служебным мероприятиям («В роли сотрудника бываю редко, один-два раза в год во время тревоги»; «Я себя как сотрудника не воспринимаю. Только на мероприятиях и когда через вахту идешь с доверием»). Опыт «соприкосновения» с уголовно-исполнительной системой также может иметь значение: «Для меня – нет <не сложно сочетать роли>. Может, в силу того, что я была сначала сотрудником. Все мои родственники – военнослужащие»; «Мне – нет. У некоторых бытует мнение, что психологу нельзя заниматься режимными вопросами. Может, неохота быть в роли сотрудника? Испытывают смущение? Недостаток знания того, что можно потребовать от осужденного? Если все знаешь про их жизнь, сложностей не возникает». Однако в любом случае подчеркивается необходимость выработки определенной внутренней позиции: «Многое зависит от своей собственной позиции»; «Сочетание ролей зависит от человека. Противоречивое чувство подавляется, гасится. Терпимость должна присутствовать»; «Я себя успокаиваю тем, что это нужно. Речь идет не о личностных, а о поведенческих характеристиках».

Итак, ролевой конфликт – это закономерное явление в процессе профессионализации психологов УИС. В то же время не следует рассматривать его исключительно в качестве негативного фактора. Конструктивное разрешение конфликта служебных и профессиональных ролей создает основу для становления адекватной профессиональной идентичности пенитенциарных психологов.

Необходимо учитывать, что преодоление ролевых конфликтов зависит от целого ряда условий:

1) субъективного отношения к роли ее исполнителя – в зависимости от того, насколько значимы ролевые требования для носителя роли, насколько справедливыми он их считает;

2) санкций (положительных и отрицательных), которые могут быть применены за исполнение или неисполнение роли;

3) типа ориентации исполнителя роли (ориентация на моральные ценности или прагматическая)⁷.

Наиболее конструктивным вариантом разрешения ролевого конфликта следует признать тот, на который указывал еще Э. Эрикссон. Это формирование широкой идентичности, объединяющей все возможные идентификации. Подобной точки зрения придерживаются и современные авторы. Результаты проведенных ими исследований свидетельствуют о том, что изменчивость ролевого самосознания связана с разнообразными проблемами и жизненной нестабильностью. Более адаптивными являются индивиды с унифицированной Я-концепцией по отношению к различным ролям. Другие авторы, например К. Джерджен, утверждают, что вариативность

Я-концепции благоприятна, так как она обеспечивает для каждой роли свое специфическое самосознание, а это позволяет индивиду гибко реагировать и легко приспосабливаться к различным ролевым требованиям⁸.

Очевидно, что способы разрешения проблем, связанных с профессионализацией психологов в уголовно-исполнительной системе, индивидуальны. Однако все они направлены на поиск смысла собственной профессиональной деятельности. В связи с этим можно утверждать, что на сегодняшний день обеспечение психологического сопровождения пенитенциарных психологов на всех этапах их профессионального становления является актуальной и неотложной задачей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Дебольский М.Г. 15 лет психологической службе УИС: состояние и приоритетные направления развития // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2008. № 4. С. 22.

² См. подр.: Коданева М.С. Становление профессиональной идентичности психологов уголовно-исполнительной системы: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2008.

³ См.: Мучински П. Психология, профессия, карьера. СПб., 2004. С. 382.

⁴ См.: Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А. Зарубежная социальная психология XX столетия: Теоретические подходы. М., 2002. С. 202.

⁵ См.: Ерина С.И. Ролевые конфликты в профессиональной деятельности и социальном поведении человека // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. 2006. № 1. С. 96.

⁶ См.: Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 2006. С. 68.

⁷ См.: Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А. Зарубежная социальная психология XX столетия: Теоретические подходы. М., 2002. С. 202.

⁸ См.: Первин Л., Джон О. Психология личности: Теория и исследования. М., 2001. С. 211.

Оценка эффективности профилактической и реабилитационной работы с безнадзорными несовершеннолетними в Вологодской области

В.И. ПОПОВА – преподаватель кафедры экономики и управления ВИПЭ ФСИН России

Социально-экономические проблемы в России последних десятилетий отразились, в первую очередь, на современной семье. Они не только ухудшили положение детей в обществе, но и снизили воспитательную функцию семьи, что способствовало увеличению количества безнадзорных и беспризорных детей. Проблема безнадзорности несовершеннолетних стала одной из наиболее обсуждаемых в последнее время.

Вологодская область – один из тех российских регионов, в которых проблема безнадзорности несовершеннолетних не теряет своей актуальности уже многие десятилетия. В то же время в современных условиях безнадзорность несовершеннолетних оказывает негативное влияние на качество трудовых ресурсов, демографической структуры, социально-психологического состояния. При этом региональная экономика теряет значительную часть интеллектуального и трудового потенциала, а бюджеты несут дополнительные расходы на реабилитацию этой части населения.

По данным департамента труда и социального развития Вологодской области, за период с 2001 по 2006 гг. число несовершеннолетних, официально признанных безнадзорными, в

регионе увеличилось в 7,8 раза – с 240 до 1868 несовершеннолетних, в пересчете на тыс. населения в возрасте от 3 до 17 лет – с 0,9 до 8,4 чел. соответственно.

О неблагоприятной ситуации в регионе свидетельствует также рост числа лиц, лишенных родительских прав в результате принятия судебных решений, а также вносимых в суд ходатайств о лишении родительских прав. Так, в период с 2004 по 2006 гг. количество ходатайств, переданных в суд, возросло с 535 до 594 (на 11%), а число родителей, лишенных прав по воспитанию и уходу за своими детьми, – с 459 до 577 человек (на 26%). За 1 квартал 2007 г. в суд было направлено 172 дела о лишении родительских прав¹.

Проблема детско-подростковой безнадзорности на сегодняшний день бесспорна, но весь ее негативный потенциал для общества заключается, в первую очередь, в том, что безнадзорность влечет за собой актуализацию различных форм девиаций. В сложившейся ситуации все негативные последствия носят угрожающий характер и представлены следующими классификационными группами: экономические, социальные, демографические, медицинские, нравственные (табл. 1).

Таблица 1

Основные последствия безнадзорности несовершеннолетних

Вид последствий	Содержание последствий
Социальный аспект	Увеличение числа семей и детей, находящихся в социально опасном положении. Рост алкоголизации, наркомании, токсикомании несовершеннолетних. Возрастание детской и подростковой преступности. Снижение трудового потенциала региона. Рост социального напряжения в регионе
Демографический аспект	Нежелание в перспективе создать собственную семью. Возможное снижение рождаемости. Риск рождаемости детей с отклонениями в умственном и физическом развитии. Потенциальный риск бесплодия
Медицинский аспект	Нарушение психического и физического здоровья подрастающего поколения. Рост венерических заболеваний, инфекций, передающихся половым путем, (ИППП) в детско-подростковой среде
Нравственный аспект	Рост числа аборт среди девушек несовершеннолетнего возраста и снижение возраста рожениц. Потери образовательного потенциала. Потери культурного потенциала. Неразвитость у детей и подростков трудовых навыков в семье и школе. Отсутствие семейных ценностей, норм и традиций
Экономический аспект	Ухудшение в будущем трудовой структуры населения. Увеличение расходов областного бюджета на социальное обслуживание семей и детей, находящихся в социально опасном положении. Затраты на лечение несовершеннолетних от наркомании, токсикомании и алкоголизма. Затраты на проведение лечебных, лечебно-профилактических, оздоровительных и реабилитационных мероприятий с целью улучшения физического и психического здоровья несовершеннолетних. Затраты на содержание несовершеннолетних, совершивших правонарушения и преступления. Затраты на судебные издержки (рассмотрение уголовных дел в суде, лишение родительских прав и др.). Затраты на содержание детей и подростков, совершивших правонарушения и преступления (оплата труда, материально-техническое обеспечение и т.д.). Потери валового регионального продукта (ВРП) в результате смертности несовершеннолетних от внешних воздействий

В последние годы в Вологодской области к положению несовершеннолетних приковано пристальное внимание. С целью решения уже существующих и возникающих проблем в детско-подростковой среде на региональном уровне

не разработана нормативно-правовая база, которая представлена документами, ориентированными на улучшение семейной политики, защиту прав детей, профилактику детской безнадзорности и беспризорности (табл. 2).

Таблица 2

Законодательные акты Вологодской области, направленные на профилактические и реабилитационные мероприятия по снижению уровня безнадзорности несовершеннолетних

Законодательные акты	Основные положения
1	2
Закон Вологодской области от 29 декабря 2003 г. № 982-ОЗ «Об охране семьи, материнства, отцовства и детства» (с изменениями и дополнениями от 27 июня 2008 г.)	Направления государственной политики по охране семьи, материнства, отцовства и детства; органы, осуществляющие деятельность по охране; гарантии прав детей на охрану здоровья и социальную защиту, в сфере труда и занятости, на отдых и оздоровление; меры социальной поддержки молодых, многодетных и приемных семей
Постановление от 3 сентября 2002 г. № 569 «О концепции семейной политики Вологодской области»	Принципы и цели осуществления семейной политики; основные направления осуществления семейной политики (улучшение материальных условий жизни семьи и поддержка семей, нуждающихся в особой заботе государства, усиление помощи семье в воспитании детей и др.); ожидаемые результаты проведения семейной политики
Закон Вологодской области от 19 декабря 2004 г. № 1155-ОЗ «О комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав» (с изменениями и дополнениями от 10 октября 2007 г.)	Принципы деятельности комиссий по делам несовершеннолетних; порядок образования областной, районных и городских комиссий; компетенция и права комиссий; порядок рассмотрения материалов (дел) в комиссиях (порядок подготовки материалов к рассмотрению на заседании, протокол заседания, постановления комиссий)

1	2
Постановление «О мероприятиях по реализации федерального закона “Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних”» от 16 ноября 2001 г. № 1049	Направления деятельности и мероприятия по развитию социального обслуживания семьи и детей (формирование нормативно-правовой базы, обеспечение управления социальным обслуживанием семьи и детей, научно-исследовательская работа, научно-методическое обеспечение деятельности учреждений социального обслуживания семьи и детей), ответственные исполнители и сроки реализации
Постановление от 14 июля 2003 г. № 660 «Об областном комплексном межведомственном плане мероприятий по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на 2004–2006 гг.» (с изменениями и дополнениями от 25 октября 2004 г.)	Основные цели и задачи; система мероприятий, сроки реализации и объемы их финансирования; ресурсное обеспечение; организация управления и контроль за осуществлением мероприятий; критерии и оценка эффективности реализации мероприятий

Работа по решению проблемы безнадзорности осуществляется через деятельность различных учреждений в рамках основных региональных органов (табл. 3).

Таблица 3

Перечень государственных учреждений Вологодской области, осуществляющих профилактику и реабилитацию безнадзорных детей и подростков

Региональные органы	Учреждения
Комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав	Областная межведомственная комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав, 2 городские комиссии (Вологда и Череповец), 26 районных комиссий
Органы образования	Детские дома, школы-интернаты для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, образовательные учреждения (начального общего, основного общего, среднего (полного) общего образования), образовательные учреждения начального и среднего профессионального образования, специальные учебно-воспитательные учреждения открытого и закрытого типов
Органы здравоохранения	Детские поликлиники, областная психиатрическая больница, областная семейная консультация, наркологический и кожно-венерологический диспансеры
Органы управления социальной защитой населения и учреждения социального обслуживания	Территориальные центры помощи семье и детям, центры психолого-педагогической помощи населению, социально-реабилитационные центры для несовершеннолетних, социальные приюты, центры помощи детям, оставшимся без попечения родителей
Правоохранительные органы	Подразделения по делам несовершеннолетних органов внутренних дел, центр временной изоляции несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел, подразделения криминальной милиции органов внутренних дел
Отдел по делам молодежи	Социально-реабилитационные центры для подростков и молодежи, центры социально-психологической помощи молодежи, центры профессиональной ориентации и трудоустройства молодежи, молодежные клубы
Органы труда и занятости	Молодежная биржа труда, центры профессиональной ориентации и трудоустройства молодежи
Органы и учреждения культуры, физической культуры и спорта	Спортивные секции, кружки по интересам, художественные, технические и спортивные клубы, досуговые центры
Органы опеки и попечительства	Центры помощи детям, оставшимся без попечения родителей, детские дома, школы-интернаты для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей
Орган прокуратуры	Прокуратура Вологодской области

Значительную роль в организации деятельности по проведению профилактических и реабилитационных мероприятий в регионе играет финансирование. В рамках исследования определены общие затраты на сокращение безнадзорности несовершеннолетних, которые включают расходы, как прямо, так и косвенно касающиеся проводимой деятельности. Финансирование, направленное на решение проблемы безнадзорности, в 2004–2007 гг. осуществлялось в трех основных сферах: образование, здравоохранение, социальная политика. В целом суммарные затраты, хотя и выросли в 2,5 раза (с 130,8 млн руб. в 2004 г. до 285,3 млн руб.

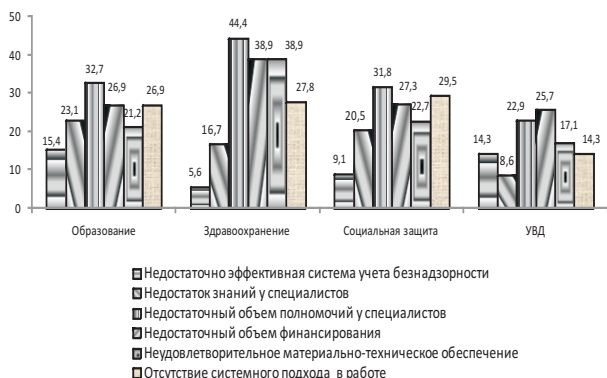
в 2007 г.), но были пока значительно ниже требуемых объемов.

Доля расходов на деятельность по сокращению детской и подростковой безнадзорности от общего объема финансовых расходов Вологодской области (в общих расходах консолидированного бюджета) составила в 2004 г. – 0,62%, в 2007 г. – 0,67%. Затраты на 1 ребенка в возрасте 3–17 лет в период 2004–2007 гг. характеризуются положительной динамикой и составили в 2004 г. – 595 руб., в 2007 г. – 1141 руб.

Отсутствие достаточного финансирования рассматриваемой деятельности в каждой из отраслей отмечают почти треть опрошенных (28%),

16% отмечают невысокую результативность работы комиссий по делам несовершеннолетних по той же причине². Оценка степени эффективности работы ведомств в сфере профилактики безнадзорности показала, что здесь в Вологодской области существует ряд проблем. Среди наиболее значимых эксперты выделяют малый объем финансирования, отсутствие системного подхода в работе и недостаточный объем полномочий (диаграмма 1).

Диаграмма 1
Причины недостаточной эффективности деятельности региональных органов по регулированию уровня безнадзорности (% от числа опрошенных)

В целях организации более эффективной работы ведомств с безнадзорными детьми и подростками специалистами были предложены следующие меры: обмен опытом (57%), обучение специалистов (53%), улучшение материальной базы (44%). Треть опрошенных указывает на необходимость информационной помощи, четверть – на необходимость оказания юридической помощи. На последнее место эксперты поставили «помощь в поиске средств для финансирования». Таким образом, для более эффективной деятельности специалистов по работе с детской и подростковой безнадзорностью научно-методическое обеспечение является более важным условием, чем экономическая поддержка.

Вместе с тем мнения специалистов разных отраслей отличаются друг от друга. Так, специалистам сферы образования необходимы помощь в обучении специалистов (54%), обмен опытом (52%) и улучшение материальной базы (52%); специалистам здравоохранения – улучшение материальной базы (68%), обучение специалистов (56%), помощь в поиске средств для финансирования (50%); работники социальной защиты нуждаются в обучении специалистов (66%), обмене опытом (66%) и информационной помощи (46%); для специалистов органов внутренних дел представляются важным и улучшение материальной базы (49%), и обмен опытом (46%), и помощь в организации профессиональных служб (37%) (табл. 4).

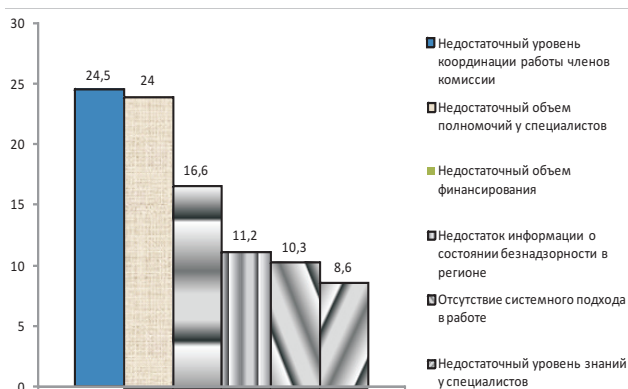
Таблица 4
Виды помощи, необходимой специалистам различных отраслей для эффективной работы с безнадзорными (% от числа опрошенных)

Виды помощи	Образование	Здравоохранение	Социальная защита	УВД
Обучение специалистов	53,8	55,6	65,9	37,1
Обмен опытом	51,9	33,3	65,9	45,7
Улучшение материальной базы	51,9	66,7	43,2	48,6
Помощь в организации профессиональных служб	34,6	44,4	22,7	37,1
Помощь в поиске средств для финансирования	28,8	50	11,4	14,3
Информационная помощь	38,5	33,3	45,5	20
Юридическая помощь	34,6	16,7	22,7	17,1

Центральным субъектом, занимающимся решением указанных проблем, является комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав. Комиссия по делам несовершеннолетних – орган, на который возложены охрана прав несовершеннолетних, организация работы по борьбе с детской безнадзорностью, координация деятельности всех государственных органов и общественных организаций по этим вопросам, а также рассмотрение дел о правонарушениях несовершеннолетних. Необходимо принять во внимание, что успешность деятельности по осуществлению профилактических мероприятий в регионе в большей мере зависит от эффективности работы комиссий по делам несовершеннолетних. При этом 42% из числа опрошенных отмечают высокую и выше средней степень эффективности работы комиссий, 54% характеризуют ее как среднюю.

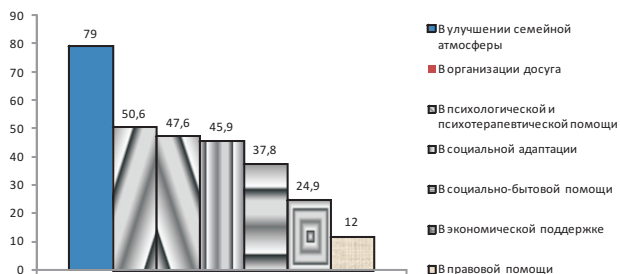
Обобщенный анализ данных позволил выделить ряд факторов, влияющих на эффективность работы комиссий по делам несовершеннолетних. Так, четверть опрошенных считают, что повышению степени эффективности мешает недостаточный уровень координации работы членов комиссии и объем полномочий. Невысокая степень эффективности работы комиссий, по мнению экспертов, обусловлена также нехваткой финансирования (16,6%), информации о состоянии безнадзорности в регионе (11,2%), отсутствием системного подхода в работе (10,3%), недостатком знаний у специалистов (8,6%); (диаграмма 3).

Диаграмма 3
Причины недостаточно эффективной работы комиссий по делам несовершеннолетних (% от числа опрошенных)

В связи с тем что семейное неблагополучие выступает одной из первоочередных причин безнадзорности, несомненно, важным направлением профилактики является работа с семьей. Об этом свидетельствуют результаты опроса экспертов: 79% из числа опрошенных выделяют одним из первоочередных видов помощи именно улучшение семейной атмосферы (диаграмма 4).

Диаграмма 4
Распределение ответов на вопрос «В каких из нижеперечисленных видов помощи, на Ваш взгляд, в первую очередь нуждаются безнадзорные?» (% от числа опрошенных)

С учетом того, что в Вологодской области отмечается рост числа безнадзорных детей и подростков, был проведен опрос, в ходе которого предлагалось определить основные пути снижения уровня безнадзорности в регионе. Так, большая часть опрошенных (82%) выразила мнение о необходимости уменьшения употребления алкоголя в семье. Вместе с тем более половины респондентов выделили такие направления, как улучшение микроклимата в семье (55%), повышение доходов семей (52%), организация сети досуговых учреждений (51%). В ответах членов комиссий по делам несовершеннолетних акцент делается, прежде всего, на семье и семейном воспитании. Кроме этого, 46% указали на необходимость усиления воспитательной роли школы, 45% – проведения совместных мероприятий с родителями (для сплочения семьи), 34% – расширения сети центров помощи семье и детям, кризисных центров, приютов и т.д.

Полученные в ходе опроса данные также свидетельствуют о важности занятости трудом родителей и детей (постоянная оплачиваемая работа родителей, обязательное трудоустройство несовершеннолетних 15–18 лет), принудительного лечения родителей от алкоголизма, комплексной работы психолога с семьей, где дети находятся без контроля со стороны родителей.

На основании анализа ситуации безнадзорности несовершеннолетних в Вологодской области выделены приоритетные направления, способствующие эффективности управленческих решений на всех уровнях и стадиях профилактического и реабилитационного процессов:

- совершенствование блока федеральных и региональных законов и нормативно-правовых актов (указов, постановлений), обеспечивающих деятельность органов и учреждений, решающих проблемы безнадзорности;
- создание системы сбора информации о безнадзорности несовершеннолетних в регионе и определение показателей их учета;
- минимизация социальных последствий и снижение экономических потерь вследствие безнадзорности несовершеннолетних;
- проведение грамотной семейной политики, направленной на формирование традиционного типа семей и обеспечивающей социальную поддержку и защиту неполным и многодетным семьям;
- решение вопроса материального положения семей, воспитывающих несовершеннолетних детей (увеличение среднемесячной заработной платы, детского пособия);
- более рациональная и целенаправленная социальная политика, учитывающая различия в уровне жизни муниципальных образований области и потребностях населения;
- привлечение негосударственных организаций, общественных объединений, представителей бизнеса к сотрудничеству в области безнадзорности несовершеннолетних;
- обеспечение более полного и рационального использования финансовых ресурсов и повышение экономической эффективности программ и технологий как на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, так и на уровне учреждения (организации).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Официальный сайт информационного агентства «СеверИнформ». Новости Северо-Запада [Электронный ресурс] <http://www.severinform.ru>

² Опрос проводился Вологодским научно-координационным центром ЦЭМИ РАН в сентябре 2006 г. с целью изучения масштабов и причин безнадзорности в Вологодской области, степени эффективности работы комиссий по делам несовершеннолетних, а также взаимодействия ведомств и учреждений региона по решению проблемы детской и подростковой безнадзорности. Объем выборки составил 233 члена (эксперта) комиссий по делам несовершеннолетних. Опрос проводился в Вологде, Череповце и 26 муниципальных образованиях области. Метод опроса – анкетирование. В роли экспертов выступили представители сферы образования, здравоохранения, органов социальной защиты, внутренних дел, специалисты по молодежной политике, физкультуре и спорту и т.д.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ, УПРАВЛЕНИЯ И ТЕХНОЛОГИИ

Нечеткие подалгебры

В.В. МУХИН – профессор кафедры прикладной математики Череповецкого государственного университета, доктор физико-математических наук, профессор;

В.А. ДУДЕК – профессор, доктор физико-математических наук института математики технологического университета (г. Вроцлав, Польша);

Т.В. РАТНИКОВА – следователь следственного управления при УВД (г. Череповец)

Введение

Нечеткие логики являются естественным аппаратом принятия решений в таких трудно формализуемых областях человеческой деятельности, как юриспруденция, психология, правоохранительная деятельность. Нечеткая логика основывается на понятии нечеткого множества, которое определяют как пару, состоящую из четкого множества и функции принадлежности, принимающей значения из отрезка $[0; 1]$. В перечисленных же выше областях более естественно рассматривать функцию принадлежности, принимающей значения из некоторого частично упорядоченного множества, связанного с рассматриваемой задачей.

В данной работе такой подход реализован при рассмотрении подалгебр некоторых алгебр. В ней развиваются понятия нечеткого множества и нечеткой подалгебры, рассматриваются нечеткие подалгебры n -арных группоидов.

1. Нечеткие подалгебры алгебр

Определение 1. Пусть (Ω, \leq) – упорядоченное множество, обладающее наибольшим элементом ω^1 и наименьшим элементом ω^0 . Нечетким подмножеством множества X назовем тройку (X, Ω, L) , где $L: \Omega \rightarrow 2^X$ такое, что:

- 1) $L(\omega^0) = X$;
- 2) $\omega_1 \geq \omega_2$ влечет $L(\omega_1) \subseteq L(\omega_2)$.

Допуская вольность, говорим, что L – нечеткое подмножество X , или нечеткое множество на X , или нечеткое множество с носителем X . Множество $L(\omega)$ назовем уровнем L .

Не всякое нечеткое множество в смысле нашего определения представимо в стандартном виде даже для случая $\Omega = \{0; 1\}$.

Пусть $X = \mathbf{R}$ и пусть

$$L(t) = \begin{cases} X, & \text{нпу } t = 0, \\ (1; 2) & \text{нпу } 0 < t < 1, \\ \emptyset, & \text{нпу } t = 1. \end{cases}$$

Тогда $(\mathbf{R}, [0; 1], L)$ является нечетким подмножеством \mathbf{R} . Для него не существует функции

$\mu: \mathbf{R} \rightarrow [0; 1]$ такой, что $t) = \{x \in X \mid \mu(x) \geq t\}$. Действительно, в предположении противного для каждого $x \in [0; 1]$ имеем $\alpha \leq \mu(x) < 1$ для любого $0 \leq \alpha < 1$, что невозможно.

Следовательно, наше определение нечеткого множества шире стандартного определения.

Теорема 1. Пусть (X, Ω, L) – нечеткое множество, где Ω – линейно упорядоченное множество. Для того чтобы существовала функция μ на X со значениями в Ω такая, что $L(\omega) = \{x \in X \mid \mu(x) \geq \omega\}$ для любого $\omega \in \Omega$, необходимо и достаточно, чтобы семейство множеств $L(\omega) \setminus \bigcup_{s > \omega} L(s)$ для любого $(\omega \in \Omega)$ было

разбиением множества X .

Доказательство. Необходимость. Пусть требуемая функция μ существует и пусть $\omega_1, \omega_2 \in \Omega, \omega_1 \neq \omega_2$. Пусть для определенности $\omega_1 > \omega_2$. Тогда $L(\omega_1) \subset L(\omega_2)$. Множество $L(\omega_2) \setminus \bigcup_{s > \omega_2} L(s)$ не содержит $L(\omega_1)$.

Следовательно, множества $L(\omega_2) \setminus \bigcup_{s > \omega_2} L(s)$ и $L(\omega_1) \setminus \bigcup_{s > \omega_1} L(s)$ не пересекаются.

Пусть $\omega_1 = \mu(x_1)$ для $x_1 \in X$. Тогда множество $L(\omega_1) \setminus \bigcup_{s > \omega_1} L(s)$ содержит x_1 и, следовательно,

семейство $L(\omega) \setminus \bigcup_{s > \omega} L(s)$ ($\omega \in \Omega$) является

разбиением множества X .

Достаточность. Пусть семейство $L(\omega) \setminus \bigcup_{s > \omega} L(s)$ ($\omega \in \Omega$) является разбиением множества X . Тогда для каждого $x \in X$ существует единственный элемент ω из Ω такой, что $x \in L(\omega) \setminus \bigcup_{s > \omega} L(s)$. Положим $\mu(x)$

равным этому элементу ω . Функция $\mu(x)$ будет удовлетворять требованиям теоремы.

В самом деле, пусть $\mu(x) \geq \omega_1$. Тогда по построению $x \in L(\mu(x)) \in L(\omega_1)$. Если же $x \in L(\omega_1)$, то для некоторого ω из Ω имеем $x \in L(\omega) \setminus \bigcup_{s > \omega} L(s)$.

В силу линейной упорядоченности Ω заключаем, что $\omega \geq \omega_1$, и поэтому $\mu(x) = \omega$.

Теорема доказана.

Определение 2. Нечеткое множество L такое, что $L(\omega) = L(\omega^1)$ для всех $\omega \in \Omega$ такого, что $\omega^0 < \omega$, назовем четким множеством; его будем отождествлять с множеством $L(\omega^1)$.

Нами были определены операции над нечеткими множествами¹. В частности, если (X, Ω, L) – нечеткое множество и $\varphi: X \rightarrow Z$, то нечеткое подмножество $(Z, \Omega, \varphi L)$ множества Z , где $(\varphi L)(\omega) = \varphi(L(\omega))$ для $\omega > \omega^0$ и $(\varphi L)(\omega^0) = Z$, называется образом L при отображении φ .

Определение 3. Пусть (X, Σ) – алгебра. Нечеткое множество L на X назовем нечеткой подалгеброй алгебры (X, Σ) , если для любой операции $f \in \Sigma$ имеем $f(\underbrace{L \times \dots \times L}_n) \subset L$, где $n > 0$ – местность операции f .

В случае нульместной операции f требуем $f \in L(\omega)$ для любого $\omega \in \Omega$.

Теорема 2. Нечеткое множество L алгебры $(X, \{f\})$ является нечеткой подалгеброй алгебры $(X, \{f\})$ тогда и только тогда, когда каждый уровень $L(\omega)$ является подалгеброй алгебры $(X, \{f\})$ или пуст.

Доказательство этой теоремы приведено в статье, на которую мы ранее ссылались².

Пусть (X, \cdot) – алгебра с одной ассоциативной операцией, являющейся группой. Операцию $x \rightarrow x^{-1}$ взятия обратного элемента обозначим -1 , а нульместную операцию выбора нейтрального элемента e – через e .

Теорема 3. Пусть алгебра $(X, \cdot, -1, e)$ является группой и пусть L – нечеткое множество на X . Тогда следующие условия равносильны:

- L – нечеткая подалгебра алгебры $(X, \cdot, -1, e)$;
- L – нечеткая подалгебра алгебры $(X, \cdot, -1, e)$, и уровень $L(\omega)$ не пуст для каждого $\omega \in \Omega$;
- $L(\omega)$ является подгруппой группы X для каждого $\omega \in \Omega$.

Доказательство. а) \Rightarrow б) – это очевидно.

Докажем б) \Rightarrow в). Из б) следует, что для любого $\omega \in \Omega$. $L(\omega)$ – непустое подмножество X , $L(\omega)$. $L(\omega) \subset L(\omega)$ и $(L(\omega))^{-1} \subset L(\omega)$, то есть $L(\omega)$ является подгруппой группы X . Следовательно, верно в).

Докажем в) \Rightarrow а). Если выполнено в), то $e \in L(\omega)$ для любого ω , $L(\omega) \cdot L(\omega) \subset L(\omega)$ и $(L(\omega))^{-1} \subset L(\omega)$. Отсюда следует, что L – нечеткая подалгебра алгебры $(X, \cdot, -1, e)$. Следовательно, в) \Rightarrow а). Значит, условия а), б), в) равносильны.

Теорема 4. Пусть (X, Σ) – алгебра, $\Omega = [0; 1]$, $\mu: X \rightarrow [0; 1]$ и $L(\omega) = \{x \in X \mid \mu(x) \geq \omega\}$. L является нечеткой подалгеброй алгебры (X, Σ) тогда и только тогда, когда $\mu(f(x_1, \dots, x_n)) \geq \min\{\mu(x_1), \dots, \mu(x_n)\}$

для любой последовательности $(x_1, \dots, x_n) \in X^n$ и

любой операции $f \in \Sigma$, где n – местность операции f .

Доказательство. Необходимость. Пусть L – нечеткая подалгебра алгебры (X, Σ) . Тогда, как было отмечено выше, $L(\omega)$ является подалгеброй алгебры (X, Σ) или пустым множеством для любого $\omega \in [0; 1]$. Пусть $(x_1, \dots, x_n) \in X^n$ и

$$\omega = \min\{\mu(x_1), \dots, \mu(x_n)\}. \text{ Тогда } x_1, \dots, x_n \in L(\omega),$$

поэтому $f(x_1, \dots, x_n) \in L(\omega)$ для любой операции $f \in \Sigma$ и, следовательно, $\mu(f(x_1, \dots, x_n)) \geq \omega$.

Достаточность. Пусть $\omega \in [0; 1]$ и $x_1, \dots, x_n \in L(\omega)$. Имеем $\mu(x_i) \geq \omega$ для $i = 1, 2, \dots, n$. Отсюда для любой операции $f \in \Sigma$

$$\mu(f(x_1, \dots, x_n)) \geq \min\{\mu(x_1), \dots, \mu(x_n)\} \geq \omega.$$

Следовательно, $f(x_1, \dots, x_n) \in L(\omega)$, то есть L – нечеткая подалгебра алгебры $(X, \{f\})$.

2. Нечеткие подгруппоиды n -арных группоидов

Во многих разделах математики и ее приложениях рассматриваются множества с одной операцией $f: G^n \rightarrow G$, где n – фиксированное целое число ≥ 2 . Такие множества называют n -арными группоидами. Мы будем обозначать их символом (G, f) .

В соответствии с общей договоренностью в теории n -арных систем последовательность элементов $a_1, \dots, a_n, b_1, \dots, b_n$ обозначаем через $a_1^n b_k^m$ или $a b_k^m$, если $a_1 = \dots = a_n = a$, а результат $f(a_1, \dots, a_n)$ n -арной операции f на такой последовательности – через $f(a_1^n)$. Операцию f называют ассоциативной, если для любых $i, j \in \{1, 2, \dots, n\}$ и $x_1^{2n-1} \in G^{2n-1}$ выполняется равенство

$$f(x_1^{i-1}, f(x_i^{n+i-1}), x_{n+i}^{2n-1}) = f(x_1^{j-1}, f(x_j^{n+j-1}), x_{n+j}^{2n-1}).$$

n -арный группоид с ассоциативной операцией называют n -арной полугруппой.

n -арной квазигруппой называют такой n -арный группоид (G, f) , что для любого $1 \leq i \leq n$ и любой последовательности $x_1^n \in G^n$ существует единственный элемент $z \in G$ такой, что $f(x_1^{i-1}, z, x_{i+1}^n) = x_i$. Тем самым для n -арной квазигруппы определено семейство n -арных операций $g_i(x_1^n) = z_i$ ($1 \leq i \leq n$) на множестве G .

n -арную квазигруппу (G, f) с ассоциативной операцией f называют n -арной группой.

Непустое подмножество S n -арного группоида (G, f) , замкнутое относительно операции f , называется подгруппоидом (G, f) . Подгруппоид S называется k -идеалом (G, f) , если $f(x_1^{k-1}, a, x_{k+1}^n) \in S$ для всякой последовательности $x_i^n \in G^n$ и для любого $a \in S$. Если S является k -идеалом для каждого $k = 1, 2, \dots, n$, то S называют идеалом (G, f) .

Определение 4. Пусть (G, f) – n -арный группоид. Нечеткое множество L на G называем нечетким подгруппоидом n -арного группоида (G, f) , если L является нечеткой подалгеброй алгебры $(G, \{f\})$, что равносильно тому, что

каждый уровень $L(\omega)$ является погруппоидом (G, f) или пустым множеством.

Теорема 5. Пусть Ω – упорядоченное множество, удовлетворяющее требованиям определения 1, Λ – непустое подмножество Ω , и S_λ – семейство подгруппоидов (G, f) такое, что

- (i) $G = \bigcup_{\lambda \in \Lambda} S_\lambda$;
- (ii) если $\alpha > \beta$ $S_\alpha \subset S_\beta$ для любых $\alpha, \beta \in \Lambda$.

Тогда семейство $L(\omega) = \bigcap_{\lambda \in \Lambda, \lambda \geq \omega} S_\lambda$ ($\omega \in \Omega$) является нечетким подгруппоидом (G, f) .

Доказательство теоремы следует из определения 1 и того факта, что пересечение любого семейства n -арных подгруппоидов (G, f) является n -арным подгруппоидом (G, f) или пустым множеством.

Определение 5. Пусть L – нечеткое множество на n -арном группоиде (G, f) , k – целое число, удовлетворяющее условию $1 \leq k \leq n$ и $x_1^{n-1} \in G^{n-1}$. Полагаем,

$f(x_1^{k-1}, L, x_k^{n-1} \mathbf{I} \xi) = f\{x_1^i \times \dots \times x_{k-1}^i \times L(\omega) \times \{x_k^i \times \dots \times x_{n-1}^i\}$ для каждого $\omega \in \Omega$. Так, определенное семейство подмножеств множества G будет нечетким подмножеством множества G ; его будем называть k -сдвигом нечеткого множества L на последовательность x_1^{n-1} .

Определение 6. Нечеткое множество L на n -арном группоиде (G, f) называется нечетким k -идеалом, если $f(x_1^{i-1}, L, x_i^{n-1} \mathbf{I} \omega) \subset L(\omega)$ для любого $\omega \in \Omega$ и для любой последовательности $x_i^n \in G^n$. Если L – нечеткий k -идеал для каждого $k = 1, 2, \dots, n$, тогда L называется нечетким идеалом (G, f) .

Теорема 6. Пусть (X, Σ) – алгебра, $\Omega = [0; 1]$, $\mu: X \rightarrow [0; 1]$ и $L(\omega) = \{x \in X \mid \mu(x) \geq \omega\}$ ($\omega \in \Omega$). Семейство L является нечетким k -идеалом (G, f) тогда и только тогда, когда $\mu(f(x_1, \dots, x_k, \dots, x_n)) \geq \mu(x_k)$ для любой последовательности $x_i^n \in G^n$, удовлетворяющей условию $x_k \in L(\omega)$.

Доказательство. Необходимость. Пусть L – нечеткий k -идеал (G, f) и пусть последовательность $x_i^n \in G^n$ такая, что $x_k \in L(\omega)$. Для $\omega = \mu(x_k)$ имеем $x_k \in L(\omega)$. Отсюда $f(x_1, \dots, x_k, \dots, x_n) \in L(\omega)$ и, следовательно, $\mu(f(x_1, \dots, x_k, \dots, x_n)) \geq \omega = \mu(x_k)$.

Достаточность. Пусть $\omega \in [0; 1]$ и $x_1^n \in G^n$ при условии, что $x_k \in L(\omega)$. По условию $\mu(f(x_1, \dots, x_k, \dots, x_n)) \geq \mu(x_k) \geq \omega$. Следовательно, $f(x_1, \dots, x_k, \dots, x_n) \in L(\omega)$. Значит, L – нечеткий k -идеал (G, f) .

Определение 7. Нечеткое множество L на n -арной квазигруппе (G, f) называется нечеткой подквазигруппой (G, f) , если L является нечеткой подалгеброй алгебры $(G; f, g_1, \dots, g_n)$. Если же (G, f) – n -арная группа, то нечеткая подквазигруппа (G, f) называется нечеткой подгруппой (G, f) .

Теорема 7. Пусть L – нечеткое множество на n -арной группе (G, f) . Тогда следующие утверждения равносильны:

- (i) L – нечеткая подгруппа (G, f) ;
- (ii) – каждый уровень нечеткого множества L является подгруппой n -арной группы (G, f) или пустым множеством.

Доказательство. Пусть L – нечеткая подгруппа (G, f) . Тогда для каждого $(\omega \in \Omega)$ уровень $L(\omega)$ является подалгеброй алгебры $(G; f, g_1, \dots, g_n)$, если он не пуст, и, следовательно, является подгруппой n -арной группы (G, f) .

Пусть выполнено условие (ii). Тогда для каждого $(\omega \in \Omega)$, каждой последовательности $x_i^n \in L(\omega)^n$ и каждого $k = 1, 2, \dots, n$ имеем $g_k(x_1, \dots, x_n) \in L(\omega)$. Следовательно, L является нечеткой подалгеброй алгебры $(G; f, g_1, \dots, g_n)$, то есть нечеткой подгруппой (G, f) .

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Мухин В.В., Утцаль И.Э. Об одном обобщении нечетких множеств // Вестник ЧГУ. Естественные и технические науки. 2006. № 2 (11). С. 16–19.
² См.: Там же.

Инновационная деятельность в Вологодской области: текущее состояние¹

С.В. ТЕРЕБОВА – научный сотрудник ВНКЦ ЦЭМИ РАН, кандидат экономических наук

Главная движущая сила развития производства и общества в эпоху интенсивной научно-технической революции – инновации. Они составляют основу конкурентоспособности фирм, отраслей, регионов и стран, являются необходимым элементом любого воспроизводственного процесса.

Уже сегодня в развитых странах внутренний валовой продукт на 75–90% достигается за счет «прогресса в знаниях» – интеллектуализации основных факторов производства. В России этот показатель не превышает 10%. Становится очевидным, что дальнейшее обеспечение эко-

номического роста благодаря использованию сырьевых ресурсов бесперспективно. Поэтому перевод экономики российских регионов на инновационный путь развития возведен в число важнейших общенациональных задач.

Вологодская область – один из индустриально развитых регионов России. По объему отгруженной продукции промышленности на душу населения область занимает четвертое место среди регионов России, по объему инвестиций на одного жителя – девятое. Основу промышленности составляют свыше 260 крупных и средних предприятий. В 2007 г. индекс промышленного производства к уровню 2006 г. составил 103%. Однако доля инновационной продукции в 2006 г. составила лишь 5,5% в общем объеме отгруженной продукции (по стране – 4,5%). Необходимо также отметить, что бизнес области в целом ориентирован не на процессы создания новой, а усовершенствование (незначительные технологические изменения) уже имеющейся продукции (71,4% объема инновационных товаров и услуг).

За период с 2000 по 2006 гг. в области наблюдалось снижение доли предприятий, осуществляющих технологические инновации, в общем числе обследованных организаций – с 11% до 7,6%, по России в целом – с 8,8% до 8,6%. Аналогичный показатель в развитых странах в 1998–2001 гг. составлял, например, во Франции 40,8%, в Финляндии – 44,8%, в Германии – 60,9%, Швеции – 46,8%². Представленная статистика говорит о том, что подавляющая часть хозяйствующих субъектов региона практически не занимается инновационной (изобретательской и внедренческой) деятельностью.

Об этом свидетельствует и товарная структура экспорта Вологодской области, в которой преобладают черные и цветные металлы – 64%, химическая продукция – 23,9%, древесина и изделия из нее – 8,7%, то есть продукция с невысокой добавленной стоимостью, не относящаяся к высокотехнологичной (табл. 1).

Таблица 1

Товарная структура экспорта Вологодской области (% от экспортных поставок области)³

Структура экспорта	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.
Всего	100	100	100	100	100	100
В том числе:						
– черные и цветные металлы	69,9	67,1	75,1	75,3	67,5	64,0
– химическая продукция	17,9	17,8	14,7	15,0	19,8	23,9
– древесина и изделия из нее	9,2	10,1	7,1	7,0	8,9	8,7
– топливно-энергетическая продукция	0,8	1,3	0,9	1,0	1,2	1,2
– машиностроительная продукция	0,7	0,6	0,5	0,4	0,6	0,7
– продовольственные товары и сырье для их производства	0,2	0,3	0,2	0,1	0,4	0,2
– прочие товары	1,3	2,8	1,5	1,2	1,6	1,3

Сырьевая направленность экспорта обусловлена недостаточной конкурентоспособностью на мировом рынке товаров, выпускаемых в регионе. Она приводит к упущению возможных доходов, как если бы из данного сырья (например, черных и цветных металлов) была изготовлена высокотехнологичная продукция (например, инструменты, измерительные приборы и т.д.) и продана за рубеж.

Обратная ситуация наблюдается в развитых странах, где доля высокотехнологичной продук-

ции, включающей продукцию авиакосмической промышленности, компьютеры, средства автоматизации учрежденческого труда, электронику, инструменты, измерительные приборы, фармацевтические продукты, электрооборудование и продукцию военного назначения, в суммарном экспорте США составляет 26,1%, Японии – 20%, Финляндии – 18%, Люксембурга – 40,7%, Мальты – 54,6% (табл. 2).

Таблица 2

Доля высокотехнологичной продукции в суммарном экспорте (%)⁴

Страна	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	Абсолютное отклонение 2006 г. к 1999 г.
Мальта	55,7	64,4	58,13	56,53	55,49	54,95	48,25	54,61	-1,09
Люксембург	15,07	20,56	27,91	24,71	29,63	29,46	37,99	40,66	25,59
Великобритания	27,35	28,9	29,8	28,64	24,43	22,8	22,14	26,48	-0,87
США	30,08	29,95	28,71	27,99	27,00	26,82	26,15	26,13	-3,95
Япония	25,13	26,99	24,73	23,09	22,75	22,37	21,15	20,04	-5,09
Финляндия	20,69	23,48	21,14	20,9	20,58	17,77	21,34	18,12	-2,57
Франция	23,96	25,47	25,6	21,88	20,74	20,07	19,07	17,88	-6,08
Германия	14,19	16,08	15,8	15,15	14,76	15,36	14,79	14,06	-0,13
Швеция	17,83	18,71	14,23	13,71	13,12	14,14	14,23	13,39	-4,44
Канада	10,03	11,94	10,36	9,08	8,59	8,16	8,34	8,51	-1,51
Италия	7,51	8,53	8,58	8,21	7,1	7,08	6,94	6,35	-1,16

Как показывает проведенный нами анализ, препятствуют развитию инновационной деятельности в регионе следующие проблемы.

Кадровая проблема. Именно люди, уровень их образования и квалификации становятся определяющим фактором развития сферы науки и инноваций в настоящее время. При этом важным является наличие как ученых, выполняющих научные исследования и разработки, так и менеджеров – предпринимателей наукоемкого бизнеса.

Общая численность персонала, занятого исследованиями и разработками, в 2007 г. снизилась в 8 раз по сравнению с 1990 г. (табл. 3). На 10 тыс. экономически активного населения численность работников, выполнявших научные исследования и разработки, в Вологодской области составила 8 чел. (2006 г.), в целом по России этот показатель составил 143 чел. (2004 г.), а во Франции – 139 (2003 г.), Германии – 122 (2003 г.), Японии – 137 (2004 г.), Канаде – 113 (2002 г.)⁵.

Таблица 3

Численность работников, выполнявших научные исследования и разработки, по типам организаций (на конец года, чел.)⁶

Тип организации	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2007 г. к 1990 г. (%)
Всего	3716	494	424	451	563	464	561	469	12,6
в том числе:									
– научно-исследовательские	216	173	206	285	391	240	260	256	118,5
– конструкторские	2397	210	-	-	-	91	92	-	3,8 ⁷
– высшие учебные заведения	265	18	47	7	19	27	41	35	13,2
– промышленные предприятия	838	171	159	153	106	168	178	171	20,4

Сокращение в регионе численности персонала, занятого НИОКР, произошло как на промышленных предприятиях (в 5 раз), так и в вузах (в 7,5 раза). Эти факты свидетельствуют о значительной потере накопленного в советское время кадрового потенциала.

Кроме того, в регионе наблюдается тенденция постепенного старения персонала, занятого НИОКР. Так, за 2000–2006 гг. доля молодых (до 29 лет включительно) исследователей с ученой степенью уменьшилась почти в два раза, а удельный вес ученых в возрасте старше 50 лет достиг 46,9% (по России в целом – 68,3%)⁸, увеличившись за семь лет на 17%. Данные факты свидетельствуют о том, что в настоящее время область научных исследований и разработок не является привлекательным и престижным местом работы для подавляющей части молодых специалистов региона; отсутствуют эффективные механизмы по привлечению и закреплению специалистов (в особенности молодежи) в сфере науки и техники; наблюдается высокая загру-

женность профессорско-преподавательского состава выполнением педагогической нагрузки вследствие постоянного роста численности студентов образовательных учреждений (в этом случае времени на занятие наукой практически не остается)⁹.

Все это приводит к недостатку научных кадров (в том числе высшей квалификации), способных генерировать и реализовывать новые научно-технические идеи.

Финансовая проблема. Внутренние затраты на исследования и разработки по Северо-Западному федеральному округу составляют 1,75% ВРП, по Вологодской области – 0,06% ВРП.

Анализируя структуру внутренних затрат на исследования и разработки по источникам финансирования, можно отметить, что в 2006 г. подавляющая часть НИОКР в регионе финансировалась за счет средств бюджета (47%) и собственных средств научных организаций (41,9%) (табл. 4).

Таблица 4

Структура внутренних затрат на исследования и разработки по источникам финансирования (%)¹⁰

Источники финансирования	Вологодская область		Россия	
	2000 г.	2006 г.	2000 г.	2006 г.
Собственные средства научных организаций	46,7	41,9	9,0	8,9
Бюджет	25,2	47,0	53,7	60,1
Внебюджетных фонды	2,5	-	6,5	1,6
Организации государственного сектора	12,9	2,8	-	-
Организации предпринимательского сектора	4,9	7,1	18,7	19,7
Организации сектора высшего образования	н/д	0,5	-	-
Частные некоммерческие организации	3,0	0,3	-	-
Иностранные источники	4,7	0,4	12,0	9,4
Всего	100	100	100	100

В промышленно развитых странах предпринимательский сектор вкладывает денежные средства в исследования и разработки в боль-

шем объеме, чем государство, например, в США и Германии вклады предпринимателей превышают государственные в 2 раза (табл. 5).

Структура внутренних затрат на исследования и разработки по источникам финансирования в 2004 г. (% к итогу)¹¹

Страна	Государственный сектор	Предпринимательский сектор	Иностранные источники	Другие национальные источники
Великобритания (2003 г.)	31,3	43,9	19,4	5,4
Германия (2004 г.)	30,4	67,1	2,3	0,3
Италия (1996 г.)	50,8	43,0	6,2	н/д
Канада (2004 г.)	35,4	46,2	7,9	10,5
США (2004 г.)	31,0	63,7	н/д	5,4
Франция (2003 г.)	39,0	50,8	8,4	1,9
Япония (2003 г.)	17,7	74,5	0,3	7,5

В отличие от стран с развитой рыночной экономикой, где 60–75% расходов на науку финансирует бизнес, в Вологодской области предпринимательский сектор расходовал 7,1% общих

затрат на НИОКР (по стране в целом – 19,7%; табл. 6). Это говорит о том, что бизнес в регионе не заинтересован в проведении НИОКР.

Таблица 6

Венчурные капитальные инвестиции по инвестиционным стадиям (% от ВВП)¹²

Страна	Ранняя стадия инвестирования («посевные» инвестиции + start-up) (1)				Абс. отклонение 2007 г. к 1998 г.	Инвестиции, направляемые на расширение и возмещение (2)				Абс. отклонение 2007 г. к 1998 г.	Отношение (2) к (1) за 2007 г.
	1998 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.		1998 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.		
Германия	0,024	0,014	0,011	0,018	-0,006	0,047	0,043	0,033	0,035	-0,012	1,94
Франция	0,02	0,027	0,03	0,017	-0,003	0,054	0,071	0,082	0,069	0,015	4,06
Финляндия	0,053	0,044	0,027	0,039	-0,014	0,045	0,051	0,085	0,175	0,13	4,49
Швеция	0,011	0,05	0,057	0,086	0,075	0,044	0,242	0,243	0,187	0,143	2,17
Великобритания	0,014	0,046	0,222	0,031	0,017	0,148	0,313	0,402	0,31	0,162	10,00
США	0,075	0,03	0,032	0,033	-0,042	0,141	0,119	0,129	0,122	-0,019	3,70

Одним из определяющих факторов коммерциализации научных разработок является их финансирование на различных стадиях. В развитых странах вложения инвестиций в приобретение нового оборудования превышают капитальные вложения на ранней стадии создания инноваций («посевные» инвестиции + start-up): в Германии – в 1,94 раза, Швеции – в 2,17 раза, США – в 3,7 раза, Франции – в 4,06 раза, Финляндии – в 4,49 раза (табл. 6). Это связано с более высоким риском вложения средств на ранней стадии создания инноваций, обусловленным вероятностью неполучения ожидаемых результатов НИОКР.

В российской статистике инвестиции в технологические инновации делятся по видам деятельности, которая осуществляется на различных стадиях развития инноваций.

В структуре затрат на технологические инновации по видам деятельности в 2006 г. в регионе преобладали расходы на производственное проектирование – 51,3% (по России в целом – 9,3%), приобретение новых машин, оборудования, технологий и программных средств – 41,9% (58,5%). И лишь 6,1% было затрачено непосредственно на исследования и разработки новых продуктов (18,6%; табл. 7).

Таблица 7

Структура затрат на технологические инновации по видам деятельности (%)¹³

Вид деятельности	Вологодская область		Россия ¹⁴	
	2000 г.	2006 г.	2000 г.	2006 г.
Всего	100,0	100,0	н/д	100,0
В том числе:				
– исследования и разработки новых продуктов	9,6	6,1	н/д	18,6
– приобретение новых машин, оборудования, технологий и программных средств	65,7	41,9	н/д	58,5
– производственное проектирование	10,9	51,3	н/д	9,3
– обучение и подготовка персонала	0,8	–	н/д	0,5
– маркетинговые исследования	0,3	0,1	н/д	0,3
– прочие затраты	12,8	0,5	н/д	8,0

Таким образом, вложения бизнеса в приобретение нового оборудования и готовых технологий, производственное проектирование (на расширение и возмещение), как и в развитых странах, превышают инвестиции в НИОКР, но в большей степени. Например, в 2000 г. данное превышение составляло 7,9 раза, а в 2006 г. – 15,2 раза, то есть разрыв увеличился в два раза. В долгосрочной перспективе такая ситуация может привести к снижению качества и уровня нововведений, потере преимуществ в производстве принципиально новой продукции и в конечном счете к дальнейшему ухудшению показателей инновационной активности.

Нехватка финансовых средств в конечном счете приводит к снижению качества и уровня нововведений, потере преимуществ в производстве принципиально новой продукции и др. Таким образом, необходимо увеличение объемов финансирования и привлечение инвестиций в сферу НИОКР региона.

Проблема обеспеченности информационно-коммуникационными ресурсами. Важное значение для функционирования сферы науки и техники региона имеют информационная инфраструктура и коммуникации. За период с 2001 по 2006 гг. улучшилась ситуация с обеспечением организаций Вологодской области и страны в целом компьютерной техникой. В регионе в 2006 г. на 100 работников организаций приходилось 24 персональных компьютера (в 2001 г. – 11 ПК), что практически соответствует среднему по России значению данного показателя (26 персональных компьютеров на 100 работников организаций). В Западной Европе обеспеченность персональными компьютерами на 100 служащих в 2005 г. составляла в среднем 92 ПК, в Испании – 88, Англии – 94, Италии – 77, Франции – 82, Германии – 96¹⁵.

Растет удельный вес организаций, имеющих доступ в Интернет (в регионе данный показатель на начало 2007 г. достигал 45,7%; табл. 10), однако он ниже аналогичных показателей по России (61,3%) и западноевропейских стран: Великобритания – 93% (2006 г.), Германия – 95% (2006 г.), Франция – 94% (2006 г.), Япония – 98% (2002 г.)¹⁶. Доля организаций Вологодской области, имеющих web-сайты, как и в целом по

стране, увеличилась за рассматриваемый период почти в два раза и в 2006 г. составила 20,5%. Однако для достижения уровня европейских стран необходимо увеличение этой цифры еще как минимум в 3 раза.

Таким образом, большинство организаций региона используют в своей деятельности информационные и коммуникационные ресурсы, но уровень затрат на них и обеспеченность ими по сравнению с общероссийскими значениями остается довольно низким.

Проблема в сфере накопления интеллектуальной собственности. По количеству выданных охранных документов на изобретения и полезные модели Вологодская область (113 патентов и свидетельств за 2006 г.) на протяжении семи последних лет занимала третье место среди регионов СЗФО, уступая лишь г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Несмотря на рост в регионе в течение рассматриваемого периода числа выданных патентов с 4 до 9 на 100 тыс. населения, данный показатель в 2006 г. был ниже среднероссийского в 2,3 раза. Количество выданных в 2002 г. охранных документов на изобретения и полезные модели на 100 тыс. населения в Великобритании равнялось 9, во Франции – 18, в Германии – 27, в США – 30, а в Японии – 85¹⁷.

Проблема инфраструктурного обеспечения. Обеспечение взаимодействия всех участников инновационного процесса – задача инфраструктуры наукоемкого бизнеса. На территории Вологодской области уже создан и функционирует ряд структур поддержки научно-инновационной деятельности (например, ГУ ВО «Бизнес-инкубатор», Вологодский центр научно-технической информации, Вологодская торгово-промышленная палата, представительство некоммерческого партнерства «Российская сеть трансфера технологий» на базе ВНКЦ ЦЭМИ РАН, НП «Агентство городского развития» и др.).

В настоящее время научно-технический потенциал региона распылен по множеству организаций и компаний, слабо взаимодействующих между собой. Предприятия и вузы неактивно обращаются за поддержкой в организации инновационной инфраструктуры (табл. 8).

Таблица 8

Количество сотрудничающих с действующими на территории Вологодской области структурами, оказывающими поддержку научно-инновационной деятельности? (%)¹⁸

№ п/п	Организации инновационной инфраструктуры	2006 г.	2007 г.	2008 г.
Руководители предприятий				
1.	Вологодская торгово-промышленная палата (г. Вологда)	31,5	40,0	46,3
2.	Вологодский научно-координационный центр ЦЭМИ РАН (г. Вологда)	9,0	14,1	22,0
3.	Вологодский центр научно-технической информации (г. Вологда)	9,0	11,8	19,5
4.	НП «Агентство городского развития» (г. Череповец)	2,7	5,9	7,3
5.	ГУ ВО «Бизнес-инкубатор» (г. Вологда)	1,8	4,7	8,5
6.	RTTN (Российская сеть трансфера технологий)	1,8	3,5	4,9
Заведующие кафедрами вузов				
7.	Вологодский центр научно-технической информации (г. Вологда)	10,8	10,8	18,9
8.	Вологодский научно-координационный центр ЦЭМИ РАН (г. Вологда)	12,2	10,8	17,6
9.	ГУ ВО «Бизнес-инкубатор» (г. Вологда)	2,7	4,1	8,1
10.	Вологодская торгово-промышленная палата (г. Вологда)	0	1,4	4,1
11.	НП «Агентство городского развития» (г. Череповец)	0	1,4	6,8
12.	RTTN (Российская сеть трансфера технологий)	0	0	2,7
13.	Другие	4,1	5,4	4,1

Для преодоления указанных проблем необходимо объединение всех организаций инфраструктуры в единую региональную сеть поддержки инноваций, расширение спектра оказываемых услуг, создание технологической, информационной, финансовой инфраструктуры.

Эта задача может быть решена с помощью формирования региональной сети трансфера технологий (РСТТ) – объединения на добровольной основе организаций, работающих в области трансфера технологий или смежных областях, для осуществления совместной деятельности по достижению поставленных целей.

Предпосылкой создания РСТТ является функционирование в регионе представительства российской сети трансфера технологий и ее международных сегментов в лице Вологодского НКЦ ЦЭМИ РАН, который с апреля 2005 г. является ее сертифицированным членом, с декабря 2005 г. – членом британо-российской инновационной сети, а с июня 2006 г. – франко-российской технологической сети, с 2008 г. – участником нового широкомасштабного проекта сотрудничества России и Европы «Gate2RuBIN».

Цель создания РСТТ состоит в том, чтобы содействовать развитию инновационной деятельности и коммерциализации научно-технического потенциала Вологодской области, помогая предприятиям и вузам в поиске и продвижении современных технологий как в России, так и за рубежом.

Создание РСТТ обеспечивает:

- доступ к базе данных о технологических разработках и запросах, сформированных как российскими, так и зарубежными учеными-исследователями, представителями бизнеса, индивидуальными разработчиками;
- эффективное взаимодействие всех участников инновационного процесса;
- установление тесного сотрудничества и координация деятельности организаций инновационной инфраструктуры;
- возможность подключения к участию в различных региональных, национальных и международных проектах (выставках, конкурсах, грантах и т. д.) заинтересованных лиц;
- предоставление консалтинговых услуг в сфере инновационной деятельности;
- обучение заинтересованных лиц и организаций по вопросам, связанным с инновационной деятельностью, интеллектуальной собственностью, коммерциализацией технологий и т. д.

Потенциальными клиентами сети трансфера технологий могут быть компании малого, среднего и крупного бизнеса, НИИ, вузы, частные лица, осуществляющие продвижение технологической информации, поиск партнеров, а также имеющие потребность в инновационных разработках.

Программная платформа РСТТ является самым важным инструментом работы участни-

ков данной сети. Она обеспечивает следующие функции:

- 1) информационные (базы данных профилей технологических предложений и запросов, интерфейс для дистанционного управления информацией, Web-сайт);
- 2) коммуникационные (инструменты для организации отслеживания выражений интереса и переписки с клиентами, форум участников сети);
- 3) справочно-обучающие (библиотека методических материалов, программных и нормативных документов, образцов договоров и т.д.);
- 4) мониторинг работы системы (отчеты о показателях работы).

В результате создания РСТТ появится эффективный механизм, который позволит объединить, оценить, скоординировать, сконцентрировать, нарастить и обеспечить эффективное использование инновационного и научно-технического потенциала Вологодской области.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект «Формирование среды генерации знаний в региональной экономике» № 08-02-00139а).

² См.: Россия и страны-члены Европейского Союза. 2007: Стат. сб. // Росстат. М., 2007. С. 210–211.

³ См.: Развитие внешнеэкономической деятельности: Стат. сб. // Вологдастат. Вологда, 2008. С. 24.

⁴ См.: http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page?_pageid=0,1136250,0_45572558&_dad=portal&_schema=PORTAL

⁵ См.: Регионы Северо-Западного федерального округа: социально-экономические показатели: Стат. сб. Вологда, 2006. С. 131; Регионы Северо-Западного федерального округа: социально-экономические показатели: Стат. сб. Вологда, 2007. С. 42; Наука России в цифрах: 2006: Стат. сб. М., 2006. С. 183.

⁶ См.: Статистический ежегодник Вологодской области. 2007: Стат. сб. / Вологдастат. М., 2008. С. 297–299; Наука Вологодской области: Стат. сб. / Вологдаоблкомстат. М., 1999. С. 7–10; Наука и инновации области: Стат. сб. / Вологдастат. М., 2007. С. 7.

⁷ 2006 г. к 1990 г.

⁸ См.: Наука и инновации области: Стат. сб. / Вологдастат. М., 2004. С. 19; Наука и инновации области: Стат. сб. / Вологдастат. М., 2005. С. 22; Наука и инновации области: Стат. сб. / Вологдастат. М., 2007. С. 19. Российский статистический ежегодник. 2007: Стат. сб. / Росстат. М., 2007. С. 609–610.

⁹ За последние семь лет численность студентов в области увеличилась в 1,6 раза (с 31,6 до 50,6 тыс. чел.), а профессорско-преподавательского состава – в 1,1 раза (с 1,5 до 1,7 тыс. чел.) (см.: Образование в Вологодской области в 1997–2007 гг.: Стат. сб. / Вологдастат. Вологда, 2007. С. 59, 79).

¹⁰ См.: Российский статистический ежегодник. 2007: Стат. сб. / Росстат. М., 2007. С. 618; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2007: Стат. сб. / Росстат. М., 2007. С. 792–800; Наука и инновации области: Стат. сб. / Вологдастат. Вологда, 2001. С. 31; Наука и инновации области: Стат. сб. / Вологдастат. Вологда, 2007. С. 36.

¹¹ См.: «Группа восьми» в цифрах. 2006: Стат. сб. / Росстат. М., 2006. С. 88.

¹² См.: http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page?_pageid=0,1136250,0_45572558&_dad=portal&_schema=PORTAL

¹³ См.: Российский статистический ежегодник. 2007: Стат. сб. / Росстат. М., 2007. С. 625; Наука и инновации области: Стат. сб. / Вологдастат. Вологда, 2007. С. 52.

¹⁴ Статистические данные об объеме затрат на технологические инновации по видам деятельности по России появились только в 2004 г.

¹⁵ См.: Лобачев С.Л., Солдаткин В.И. Дистанционные образовательные технологии: информационный аспект. М., 2005. С. 11.

¹⁶ См.: «Группа восьми» в цифрах. С. 93.

¹⁷ См.: Там же. С. 91.

¹⁸ По данным специализированного опроса предприятий и вузов, проведенного сотрудниками ВНКЦ ЦЭМИ РАН в 2008 г.

Качественная оценка древесины ели в плантационных культурах Вологодской области

С.А. КОРЧАГОВ – доцент кафедры технологии и оборудования лесозаготовительных и деревообрабатывающих производств ВИПЭ ФСИН, кандидат сельскохозяйственных наук, доцент

Отличительной особенностью плантационного лесовыращивания является форсированный рост деревьев, что не может не отразиться на качестве формирующейся древесины. В связи с этим количественные показатели урожая древесины на плантациях не могут рассматриваться без учета его качества. «Требования к качеству получаемой на плантациях древесины не могут быть оставлены в пренебрежении»¹.

Плантационная (промышленная) форма ведения лесного хозяйства в недавнем прошлом получила развитие на территории Вологодской области в связи с дефицитом древесного сырья для целлюлозно-бумажной промышленности. Рекомендации по закладке промышленных плантаций ориентированы на получение максимального объема балансовой древесины с единицы площади, что отвечает требованиям искусственного лесовыращивания с экономической точки зрения. Однако целлюлозно-бумажная промышленность предъявляет особые требования к качеству древесного сырья, и главным образом к плотности древесины, в связи с чем такого рода оценка имеет особый практический интерес.

Суть рассматриваемого ниже вопроса о качестве древесины на плантациях заключалась в определении ее свойств с целью выявления возможности (целесообразности) использования этой древесины для получения целлюлозы. В качестве рабочей гипотезы выдвинуто предположение о формировании в условиях плантаций древесины с широкими годичными слоями, что может отразиться на ее показателях качества.

Исследованиями охвачены плантационные культуры ели обыкновенной на территории Кадниковского лесхоза Вологодской области (южная подзона тайги), целью закладки которых являлось создание постоянной лесосырьевой базы для Сокольского целлюлозно-бумажного комбината. Следует отметить транспортную доступность плантаций и их близость к потребителю сырья, что является одним из основополагающих принципов плантационного лесовыращивания.

Культуры созданы в 1988–1989 гг. на вырубке из-под ельника черничного. На первом из обследованных участков (п. 48В–52В) посадка производилась трехлетними сеянцами в пласты, подготовленные плугом-канавокопателем ПКЛН–500А. Ширина раскорчеванных полос со-

ставляла 10 м, первоначальная густота в среднем – 3 тыс. шт./га. В валах, образовавшихся в результате сгребания пней и порубочных остатков, возобновились лиственные породы (осина, береза, ива, ольха).

На втором участке (п. 53В–55В) посадка произведена четырехлетними сеянцами по микроповышениям, подготовленным плугом ПЛД–1,2 по раскорчеванным полосам шириной 40–50 м. Первоначальная густота посадок составила 3500 шт./га. В междурядьях осуществлен высеv люпина многолетнего. Технология создания культур на третьем участке (п. 35В и 36В) аналогична, однако в 2000–2001 гг. культуры обработаны арборицидом «Раундап».

Натурное обследование участков проводилось на пробных площадях, заложенных с учетом основных положений ГОСТа 56-69-83². Из числа 15 средних модельных деревьев осуществлен отбор кернов на высоте 1,3 м в направлении север-юг. Определение ширины годичных слоев и содержания поздней зоны проведено на кервах с учетом положений ГОСТа 16483.18-85³, базисной плотности древесины – в соответствии с ГОСТом 16483.1-84⁴. Экспериментальные данные обработаны методами вариационной статистики с использованием рекомендаций И.И. Гусева⁵.

По нашим данным, к двадцатилетнему возрасту в рядах плантационных культур сформировались чистые древостои ели (табл. 1).

Средний диаметр стволов культивируемой ели достиг 6,0–6,2 см, существенно не различаясь по вариантам. Наметившееся преимущество на третьем участке может быть вызвано формированием насаждения меньшей густоты.

Таблица 1
Таксационная характеристика двадцатилетних плантационных культур ели⁶

№ участка	Со-став	Густота в настоящее время, шт./га	Средние		Класс бонитета	Р _{отн.}	М, м ³ /га
			D, см	H, м			
Посадка сеянцев по пластам плуга-канавокопателя ПКЛН–500А							
1	10Е	2900	6,1	7	II	0,8	51
Посадка сеянцев по микроповышениям плуга ПЛД–1,2 с высевом люпина							
2	10Е	3100	6	5,5	III	0,7	35
Посадка сеянцев по микроповышениям плуга ПЛД – 1,2 с высевом люпина и применением раундапа							
3	10Е	2300	6,2	5,7	III	0,6	32

Посадки ели в почву, обработанную плугом ПКЛН–500А, обеспечили формирование культур большей высоты. Аналогичные выводы по данным участкам культур в десяти- и одиннадцатилетнем возрасте были сделаны Н.А. Бабичем, Н.П. Гаевским, О.А. Коношатовым⁷. Культуры ели по пластам плуга ПКЛН–500А по их высоте оценивались выше II класса качества, по микроповышениям плуга ПЛД–1,2 – не соответствовали требованиям ни I, ни II класса. Одной из причин снижения высоты культур может быть побивание ели заморозками на ранних этапах ее формирования. Следует отметить, что по этой же причине у ели развивается многовершинность, что снижает технические качества древесины. По всей видимости, создавать в данных условиях плантационные культуры ели без применения средств защиты от заморозков нецелесообразно.

Следует обратить особое внимание на текущий бонитет насаждения, изменяющийся в нашем случае от II до III класса. Именно этот показатель при соблюдении технологических регламентов по закладке и выращиванию плантаций значительно больше всех влияет не только на величину урожая древесины, но и на количество получаемой целлюлозы. При 100% выходе целлюлозы в пятидесятилетних плантациях ели I_б класса бонитета в древостоях I, II, III классов бонитета ее выход составит лишь 76%, 57% и 31% соответственно⁸. В связи с этим создание плантаций на балансы следует приурочивать к территориям, где по условиям климата и почвы в принципе возможно выращивание насаждений высших классов бонитета, что позволит повысить эффективность ускоренного лесовыращивания.

Анализируя результаты исследований макростроения древесины ели, можно заключить, что средняя ширина годичного слоя как один из показателей степени благоприятности условий местопроизрастания для данной древесной породы изменяется в рассмотренных вариантах от 1,5 до 2,1 мм (табл. 2).

Таблица 2
Макроструктура и плотность древесины ели в промышленных культурах

Показатель ⁹	Посадка сеянцев		
	по пластам, подготовленным плугом ПКЛН–500А (участок 1)	по микроповышениям, подготовленным плугом ПЛД–1,2	
		с высевом люпина (участок 2)	с высевом люпина и применением «Раундапа» (участок 3)
1	2	3	4
Средняя ширина годичного слоя, мм	1,5±0,05	1,7±0,03	2,1±0,04

1	2	3	4
Процент поздней древесины	17,0±0,8	13,1±0,6	18,2±0,6
Базисная плотность, г/см ³	0,374±0,016	0,307±0,013	0,307±0,006

Наблюдается абсолютное преимущество по этому показателю в посадках по микроповышениям с высевом люпина и применением «Раундапа» (участок 3). Существенность различий доказана между всеми вариантами ($t_{\text{факт.}} \geq 3,1$ при $t_{\text{ст.}} = 2$). Можно предположить, что положительное влияние в данном случае оказал высеv многолетнего люпина на этом участке и отсутствие конкуренции со стороны лиственных пород вследствие их уничтожения арборицидами. Присутствие в междурядьях значительного количества ольхи и других лиственных пород в межполосном пространстве на первом и втором участках, по всей видимости, отрицательно отразилось на среднем годичном приросте культивируемой породы в этих вариантах.

Следует отметить, что ранее приведенные нами данные свидетельствуют о возможности формирования в близких лесорастительных условиях ельника кисличного древесины ели со средней шириной годичного слоя до 2,5 мм, что в 1,2–1,7 раза превосходит показатели для древесины в исследованных нами плантационных культурах. Полученными результатами опровергается гипотеза о формировании в рассматриваемых плантационных культурах древесины с широкими годичными слоями.

При таком ходе роста ели по диаметру следует констатировать факт увеличения возраста достижения целевого диаметра культивируемой породы на 4–22 года в сравнении с проектом (60 лет)¹⁰, о чем свидетельствуют данные таблицы 3.

Таблица 3
Возраст выращивания древесного сырья на балансы целевого диаметра в промышленных культурах южной подзоны тайги¹¹

№ участка	Целевой диаметр на высоте 1,3 м, см	Среднее число слоев в 1 см радиуса, шт.	Возраст выращивания до высоты 1,3 м, лет	Возраст выращивания, лет
1	22	6,7	8,5	82
2		5,8	10,9	74
3		4,8	10,9	64

Тем самым для рассматриваемых участков культур характерно нарушение одного из важных принципов плантационного лесовыращивания, предусматривающего максимизацию получаемого урожая древесины при параллельном сокращении оборотов рубки.

Содержание поздней древесины в годичных слоях ели изменяется в пределах 13,1–18,2% (в

среднем 15,7%), что вполне согласуется с данными, опубликованными И.В. Шутовым и другими по плантационным культурам ели в возрасте до 30 лет¹². Отмечается достоверное различие в содержании поздних зон в древесине ели, выращиваемой по микроповышениям плуга ПЛД-1,2 (участок 2) в сравнении с древесиной с участков 1 и 3 ($t_{\text{факт.}} \geq 3,9$ при $t_{\text{ст.}} = 2,0$).

Профессор О.И. Полубояринов основное внимание при оценке качества балансов предлагал уделять их плотности. В период проведения его исследований целлюлозно-бумажная промышленность страны использовала древесное сырье с показателями базисной плотности ели 0,346–0,395 г/см³.

Полученные в результате наших исследований данные указывают, что средние показатели плотности древесины ели в плантационных культурах двадцатилетнего возраста не всегда укладываются в указанные выше пределы. Формирование древесины такой плотности (0,374 г/см³) характерно лишь для одного из рассмотренных участков (участок 1). Превышение по плотности древесины в сравнении с другими участками является статистически обоснованным ($t_{\text{факт.}} \geq 3,2$ при $t_{\text{ст.}} = 2,0$). Следствием низкой плотности древесины ели на втором и третьем участках будет являться снижение выхода целлюлозы при использовании такого древесного сырья, что также не может отвечать основополагающим принципам плантационного лесовыращивания.

В заключение следовало бы отметить, что в действующих национальных стандартах на древесное сырье для целлюлозно-бумажной промышленности не предусмотрены ограничения по исследованным характеристикам древеси-

ны. Не акцентируется внимание на эти показатели и в проектной документации по созданию и выращиванию плантационных культур. Однако проведенный эксперимент свидетельствует о низком приросте древесины ели и незначительной ее плотности, что, по сути своей, является нарушением основополагающих принципов плантационного лесовыращивания. Хочется надеяться, что в будущих нормативных документах показателям качества древесного сырья для целлюлозно-бумажного производства, и главным образом его плотности, будет уделяться должное внимание.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Шутов И.В. и др. Плантационное лесоводство. СПб., 2007.
- ² ОСТ 56-69-83. Площади пробные лесоустроительные. Метод закладки. М., 1983.
- ³ ГОСТ 16483.18-85. Древесина. Метод определения числа годичных слоев в 1 см и содержания поздней древесины в годичном слое. М., 1985.
- ⁴ ГОСТ 16483.1-84. Древесина. Метод определения плотности. М., 1984.
- ⁵ Гусев И.И. Вариационная статистика: Учеб. пособие. Архангельск, 1970.
- ⁶ Приведены средние данные по пробным площадям для каждого варианта культур.
- ⁷ Бабич Н.А. и др. Культуры ели Вологодской области. Архангельск, 2000.
- ⁸ Шутов И.В. и др. Плантационное лесоводство.
- ⁹ Показатели рассчитаны как средние для всех пробных площадей по каждому участку. В общей сложности обследовано 165 кернов древесины ели.
- ¹⁰ Рабочий проект создания насаждений ускоренным выращиванием ели на балансовую древесину лесоводственными методами в Вологодском леспромхозе Вологодской области. Пояснительная записка. М., 1988.
- ¹¹ Расчеты произведены на основе методики определения технической спелости по целевому диаметру (см.: Неволин О.А. Лесоустройство. Архангельск, 2003). Возраст выращивания сосны до высоты 1,3 м в посадках принят по данным Бабича Н.А. и др. (см.: Бабич Н.А. и др. Культуры ели Вологодской области).
- ¹² Шутов И.В. и др. Плантационное лесоводство.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Изъяны современного законодательства (на примере Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь)

И.В. ДАНЬКО – начальник кафедры уголовного процесса Академии МВД Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент

В современном обществе существенное значение принадлежит праву, которое тесно связано с экономическими и социальными процессами и призвано обеспечивать интересы граждан, общества и государства. В Республике Беларусь активный нормотворческий процесс начался в 90-е гг. прошлого столетия. Именно в это время были приняты крупные кодифицированные законы, одним из которых является Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – УПК). Концепция этого закона была predeterminedена Конституцией Республики Беларусь, а также общепризнанными принципами международного права. По словам Л.Л. Зайцевой, «УПК 1999 года закрепляет, по существу, новый тип уголовного процесса, построенный на началах состязательности, неизблемости конституционных прав и свобод граждан, уважении чести и достоинства личности и основной роли суда в защите таких прав и свобод»².

Вряд ли можно сомневаться в прогрессивности и гуманистической направленности рассматриваемого продукта, однако, уделив большое внимание искоренению сложившихся шаблонов так называемого «социалистического» уголовного процесса, законодатель не смог в полной мере обеспечить соответствующее качество закона. Об этом свидетельствует количество поправок, внесенных в него за прошедшие восемь с половиной лет. Так, из кодекса исключены свыше 30 статей, более 50 принято вновь, около 240 действуют с изменениями и дополнениями. В целом нормотворцы более 500 раз вторгались в уголовно-процессуальный закон, и это при том, что он содержит всего 520 статей. Причем указанные преобразования далеко не всегда были обусловлены объективными причинами (принятием новых законов, изменяющих содержащиеся в УПК термины и наименования, переводом отдельных уголовно наказуемых деяний в разряд административных правонарушений и т.д.). Значительное количество поправок вызвано несовершенством норм, отсутствием

в них внутренней и внешней согласованности. По этой причине некоторые положения корректировались неоднократно. Такая участь постигла в 2003 и 2007 гг., например, ч. 3 ст. 28 и ч. 1 ст. 51 УПК. Иногда приходилось просто исправлять технические ошибки: менять цифры, убирать запятые, союзы и т.п.

Вместе с тем, несмотря на проделанную в этом направлении работу, до сих пор УПК содержит немало технико-юридических дефектов, что, безусловно, не повышает авторитет закона. Так, согласно Указу Президента Республики Беларусь от 11 августа 2003 г. № 359 (ред. от 13 декабря 2007 г.) «О мерах по совершенствованию нормотворческой деятельности» одним из основных требований, предъявляемых к проекту правового акта, является его логическое построение, которое обеспечивается последовательностью, взаимной связью и согласованностью положений проекта акта, отсутствием в нем внутренних противоречий³.

Обратимся к УПК, состоящему из трех частей. Последняя называется «Судебное производство». Казалось бы, исходя из наименования в нее должны входить нормы, касающиеся деятельности суда. Однако из 8 разделов, расположенных в данной части, судебному производству посвящено только 5, и то с определенной долей условности. Остальные содержат элементы как досудебного, так и судебного процесса, причем в процентном соотношении в пользу первого. Например, гл. 48 «Ускоренное производство» имеет 8 статей, и лишь в двух, носящих отсылочный характер, речь идет о судебных стадиях. Таким образом, наименование части УПК не соответствует ее содержанию.

В п. 4 ст. 6 УПК дается понятие досудебного производства как «ускоренного производства и производства со дня поступления заявления, сообщения о преступлении до передачи уголовного дела прокурору для направления в суд...»⁴. Следовательно, деятельность прокурора по окончательному расследованию уголовному делу

в силу приведенной нормы не является досудебным производством. Тогда непонятно, почему гл. 31 УПК «Действия и решения прокурора по уголовному делу, поступившему для направления в суд» размещена в ч. II УПК, которая называется «Досудебное производство».

Часть 5 ст. 38 УПК предусматривает право начальника органа дознания утверждать постановление об отстранении от должности *обвиняемого*. Между тем приведенная мера процессуального принуждения, в соответствии с ч. 1 ст. 128 и ст. 131 УПК, применяется также и к подозреваемому. Остается только гадать, кто будет утверждать подобное решение дознавателя, если ч. 5 ст. 38 таким полномочием начальника органа дознания не наделила.

Не совсем ясно, как можно примириться с *потерпевшим* по делам частного обвинения (п. 24 ч. 2 ст. 43 УПК), если такого участника процесса в данном производстве просто нет. В соответствии с ч. 1 ст. 426 УПК уголовное дело частного обвинения возбуждается лицом, пострадавшим от преступления, либо его представителем, а также представителем юридического лица. С момента принятия судом заявления лицо, подавшее его, становится частным обвинителем, а не потерпевшим. По той же причине не сможет орган уголовного преследования реализовать предусмотренное п. 14 ч. 1 ст. 50 УПК право потерпевшего на получение уведомления об отказе в возбуждении уголовного дела и копии данного постановления.

Часть 4 ст. 44 УПК допускает участие защитника в *уголовном деле* с момента фактического задержания. Но ведь задержание, в соответствии с ч. 2 ст. 108 УПК может быть произведено еще до возбуждения уголовного дела. Полагая, речь здесь должна идти об участии защитника в уголовном процессе.

Среди субъектов, к которым применяются меры по обеспечению безопасности, ч. 3 ст. 65 УПК называет близких родственников участников уголовного процесса, в то время как в ч. 1 этой же статьи последние отсутствуют. Кроме того, ч. 1 и 2 ст. 65 УПК при наличии оснований *обязывают* орган, ведущий уголовный процесс, принять меры по обеспечению безопасности, однако ч. 1 ст. 73 УПК допускает возможность отказа в их применении с уведомлением в необходимых случаях о принятом решении *защищаемого* лица. Представляется, что, во-первых, при наличии оснований, как сказано в ч. 1 ст. 73 УПК, отказ в применении мер по обеспечению безопасности неправомерен и влечет, согласно ст. 75 УПК, установленную законодательством ответственность; во-вторых, защищаемым лицом может стать только в случае применения мер по обеспечению его безопасности, в противном случае это будет субъект, которому отказано в защите.

В силу ст. 402² УПК вопросы, связанные с исполнением приговора (определения, поста-

новления), разрешаются судьей единолично в судебном заседании с вынесением соответствующего постановления. Это полностью отвечает процессуальной форме, принятой в УПК. Вместе с тем ст. 402 УПК неоднократно указывает на возможность составления определения, более того, расценивая его в качестве основного документа, заключив постановление в скобки. Кроме того, из ст. 402² УПК не ясно, что рассматривается в судебном заседании в стадии исполнения приговора – материал (ч. 7) или дело (ч. 13).

В соответствии с п. 48 упоминавшегося выше Указа Президента Республики Беларусь терминология проекта акта должна быть единообразной. Для обозначения одних и тех же понятий должны использоваться одинаковые термины. В связи с этим возникают вопросы:

- почему гл. 33 и все остальные статьи УПК одно из направлений деятельности суда называют «назначение и подготовка судебного разбирательства», а п. 1 ч. 1 ст. 33 УПК – «подготовка и назначение судебного разбирательства»;

- для обозначения негативных последствий преступления либо общественно опасного деяния невменяемого ст. 6 и последующие статьи УПК используют термин «вред», в то время как в п. 5 ч. 2 ст. 443 УПК фигурирует «ущерб»;

- в названии ст. 65 и 66 употребляется словосочетание «меры по обеспечению безопасности», а в ст. 73, 74, 75 УПК – «меры безопасности»;

- начальник органа дознания утверждает постановление о наложении ареста на почтово-телеграфные и иные отправления (ч. 5 ст. 38 УПК), а следственное действие называется «наложение ареста на почтово-телеграфные и иные отправления, их осмотр и выемка» (ст. 213 УПК)?

Еще одним из требований, предъявляемых к дефинициям, используемым в нормативных правовых актах, является запрет на тавтологию, когда определяемый термин встречается непосредственно в составе определяемого⁵. К сожалению, этим в той или иной степени грешат п. 2, 5, 7, 11–13, 33, 36, 42–46, 51, 52 ст. 6 УПК. К тому же отдельные из них не содержат признаков, при помощи которых становится четко выраженной сущность того или иного понятия. Например, п. 43 ст. 6 УПК трактует *суд первой инстанции* как суд, правомочный вынести по уголовному делу приговор, определение или постановление. Однако определение и постановление принимаются также в судах кассационной, надзорной инстанций и при рассмотрении уголовного дела по вновь открывшимся обстоятельствам. Подобное разъяснение можно считать неполным, так как оно не очерчивает четких границ для объектов, подпадающих под понятие. Об этом еще в XIX в. писал Г. Фреге: «Определение является полным, если, и только если, имея определение, мы можем о любом произвольно взятом предмете сказать, подпадает ли он или нет под определяе-

мое понятие»⁶. Иными словами, объем каждого понятия должен быть строго обозначен.

Нередко сформулированные в ст. 6 УПК наименования не стыкуются между собой. Так, п. 24 разъясняет, что постановление – это любое, помимо приговора и определения, *решение*, вынесенное судьей либо судом или органом уголовного преследования при производстве по материалам или уголовному делу. Следовательно, все решения органа уголовного преследования, в том числе прокурора, должны именоваться постановлением, если бы не п. 38 этой же статьи, который санкцию тоже называет письменным решением прокурора или его заместителя.

В соответствии с п. 47 ст. 6 УПК уголовное дело – это обособленное *производство*, ведущееся органом уголовного преследования и судом по поводу совершения общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом. Абзац 2 п. 31 этой же статьи в свою очередь разъясняет понятие «производство по уголовному делу», которое встречается в названиях и тексте многих статей УПК. С учетом приведенной выше трактовки термина «уголовное дело» данные нормы следует читать как «производство по обособленному производству».

Думается, указанные дефекты закона требуют скорейшего их устранения. Причем для этого не нужно затрачивать огромных усилий по изучению практики, положительного опыта других стран и т.п. Достаточно скрупулезного и вдумчивого анализа действующих норм, сопоставления их с другими предписаниями как УПК, так и иных правовых актов.

Вместе с тем в последние годы преобладает тенденция принятия скороспелых, слабо проработанных с научной точки зрения законов о внесении изменений и дополнений в УПК. Еще пять лет назад в ч. 3 ст. 44 УПК была внесена поправка о том, что близкие родственники и законные представители не вправе участвовать в качестве защитника подозреваемого на досудебном производстве. Однако до сих пор не приведены в соответствие с данной нормой п. 2 и 3 ч. 6 ст. 46 УПК, в которых указанные субъекты фигурируют как потенциальные защитники. Тем же законом в 2003 г. была введена в ст. 108 УПК ч. 4, допустившая задержание лица, подозреваемого в совершении некоторых тяжких и особо тяжких преступлений, на срок до 10 суток. Однако ч. 2 ст. 40 УПК по-прежнему действует в редакции 1999 г. и содержит запрет удержания задержанного в положении подозреваемого свыше 72 ч независимо от тяжести совершенного им преступления.

Дополнив в 2007 г. ст. 427 УПК ч. 1¹, наделившей суд правом по делам частного обвинения направлять своим постановлением уголовное дело прокурору для организации производства предварительного следствия в случае, если обвиняемый является несовершеннолетним,

законодатель почему-то не сделал то же самое в ситуации, когда уголовно наказуемое деяние совершено невменяемым либо лицом, заболевшим после совершения преступления психической болезнью.

В 2005 г. в ч. 1 ст. 131 УПК была добавлена норма, предусматривающая особый порядок временного отстранения лиц от должностей, включенных в кадровый реестр Главы государства Республики Беларусь. Между тем помимо отмеченных должностей Указ Президента Республики Беларусь от 8 ноября 2001 г. № 644 (в ред. от 12 января 2007 г.) «Об утверждении кадрового реестра Главы государства Республики Беларусь» выделяет отдельно перечень высших государственных должностей Республики Беларусь, в который входят, например, Председатель Правления Национального банка, Управляющий делами Президента и др.⁷ Процедура реализации в их отношении ст. 131 УПК остается неурегулированной.

Данная категория руководящих работников отсутствует и в приведенном ст. 468¹ перечне лиц, на которых распространяется действие гл. 49 УПК, принятой 30 декабря 2006 г. В то же время ст. 468¹ называет их в числе первых среди субъектов, для которых предусмотрен особый порядок задержания и применения мер процессуального принуждения, связанных с лишением личной свободы. Некорректным представляется название ст. 468¹ «Задержание и иные меры процессуального принуждения». Буквальное его понимание требует принимать в расчет применительно к урегулированным в данной норме правоотношениям только задержание (гл. 12 УПК) и *иные меры процессуального принуждения* (гл. 14 УПК). В самом же тексте ст. 468¹ уточняется, что речь идет о задержании и мерах, связанных с лишением личной свободы. Однако среди так называемых иных мер процессуального принуждения, обозначенных в наименовании статьи, нет ни одной, сопряженной с лишением личной свободы. Такая формулировка в полной мере применима лишь к заключению под стражу, процедуре избрания которой посвящена ст. 468-4.

В январе 2008 г. в УПК появился раздел, регламентирующий оказание международной правовой помощи по уголовным делам на основе принципа взаимности, который повлек сопутствующие изменения в различных нормах уголовно-процессуального закона. Всесторонняя и объективная оценка указанных нововведений еще впереди. Но уже сейчас можно утверждать, что с точки зрения нормотворческой техники не все они безупречны. Прежде всего, недоумение вызывает необходимость дополнения ст. 1 ч. 5 следующего содержания: «Если международным договором Республики Беларусь не определен порядок оказания международной правовой помощи по уголовным делам, то при оказании такой помощи применяется порядок,

установленный настоящим Кодексом». Учитывая, что новый раздел регулирует деятельность органов уголовного преследования и суда в Беларуси, на нее в полной мере распространяется действие ч. 1 ст. 3 УПК: «Уголовный процесс на всей территории Республики Беларусь ведется в соответствии с настоящим Кодексом независимо от места совершения преступления, если международными договорами Республики Беларусь не установлено иное». В то же время ст. 507 и 509 по логике должны сопутствовать изменения ч. 1 ст. 44 УПК, которые внесены не были. В итоге первые предусматривают право лица, задержанного или к которому применена мера пресечения на основании решения об исполнении просьбы органа иностранного государства либо в связи с нахождением в международном розыске с целью выдачи, иметь защитника, вторая говорит о том, что защитник в уголовном процессе может быть только у подозреваемого, обвиняемого. И это несмотря на то, что ч. 1 ст. 44 УПК уже давно вызывает нарекания и требует корректировки, поскольку защитник оказывает юридическую помощь не только подозреваемому, обвиняемому, но и лицу, совершившему общественно опасное деяние в состоянии невменяемости, заболевшему психической болезнью после совершения преступления (гл. 46 УПК), а также осужденному (гл. 42 УПК). Прекрасная возможность для исправления данной несогласованности в очередной раз была упущена.

Нередко внесение отдельных изменений в УПК вызвано структурной реорганизацией какого-либо ведомства, что, на наш взгляд, не совсем правильно. В подтверждение хотелось бы привести такой пример. В связи с упразднением в 2003 г. Следственного комитета МВД Республики Беларусь и передачей его функций главному управлению предварительного расследования в п. 15 ст. 6 УПК вместо начальника Следственного комитета как соответствующего участника уголовного процесса появился начальник главного управления предварительного расследования. Вместо того чтобы сформулировать норму универсального характера, законодатель ограничился простой заменой названий должностей. При этом такой должности больше не было ни в одном из четырех ведомств, в которых работают следователи, нет ее сейчас уже и в МВД. Зато, скажем, в Комитете государственного контроля предусмотрен пост директора департамента финансовых расследований. По логике законодателя его тоже следовало бы включить в УПК в качестве участника уголовного процесса.

Плох тот закон, который зависит от оргштатных изменений внутри отдельно взятой корпорации, поскольку является, во-первых, нестабильным, во-вторых, не учитывает интересы других

формирований, выполняющих схожие задачи. Предписания кодифицированного закона должны формулироваться таким образом, чтобы минимизировать влияние внутриведомственных преобразований на редакцию самих норм.

В данном контексте интерес представляет ст. 11 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2007 г. № 2/1360 «Об органах внутренних дел»⁸, функционально отделившая подразделения предварительного расследования от милиции, систему которой образует криминальная милиция и милиция общественной безопасности. В свою очередь в соответствии со ст. 17 данного закона только подразделения предварительного расследования вправе осуществлять в пределах своей компетенции предварительное следствие и дознание по уголовным делам. Эта же мысль содержится в п. 21 ст. 6 УПК. Вместе с тем п. 20 ст. 6 УПК правом на производство дознания наделяет исключительно орган дознания, первым из которых выступает орган милиции (п. 1 ч. 1 ст. 37 УПК). Не ясно, каким образом подразделения предварительного расследования, не являясь милицией, могут осуществлять дознание. Кроме того, если ранее, согласно Закону Республики Беларусь от 26.02.1991 г. № 637–XII «О милиции»⁹, руководители органа внутренних дел одновременно были и начальниками милиции, то теперь прямых предписаний на этот счет новый закон не содержит, порождая споры о наличии у данных руководителей процессуальных полномочий.

Завершая краткий обзор УПК Республики Беларусь на предмет его соответствия отдельным требованиям, предъявляемым к нормотворческой технике, следует подчеркнуть, что качество юридического акта во многом предопределяет эффективность его применения. Поэтому решение затронутых в настоящей статье проблем, несомненно, будет способствовать оптимизации деятельности органов, ведущих уголовный процесс, и в целом положительно отразится на функционировании всей правовой системы Республики Беларусь.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Зайцева Л.Л. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь. Минск, 2000. С. 6.

² См.: Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь от 14.08.2003 г. № 1/4856.

³ Здесь и далее курсив наш.

⁴ См.: Чиннова М.В. Правила формулирования легального определения // Право и политика. 2005. № 1. С. 42.

⁵ Frege G. Grendgesetze der Arifmetik, begriffsschriftlich abgeleitet. Bd I Jena, 1893. S. 51.

⁶ См.: Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь от 09.11.2001 г. № 1/3192.

⁷ См.: Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь от 18.07.2007 г. № 2/1360.

⁸ См.: Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь от 15.03.2001 г. № 2/284.

«Преступления ненависти» в законодательстве США: характеристика и тенденции

А.М. СЫСОЕВ – заместитель начальника юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук

Рассматривая зарубежное уголовное законодательство в области охраны существующих общественных отношений от посягательств по мотивам различных предубеждений, необходимо отметить, что в законодательстве целого ряда стран исторически сложилась система уголовной превенции преступлений, совершенных по мотивам этнической, национальной и религиозной вражды. Осознание высокой общественной опасности указанных деяний постепенно привело национальных законодателей к введению уголовной ответственности, по признакам качественно отличающейся в различных странах. Как отмечает О.С. Капинус, идея уголовно-правовой борьбы с разжиганием розни между различными группами населения уходит своими корнями в XIX в., хотя первоначально законодатель имел в виду предотвращение скорее социальных, чем национальных и религиозных конфликтов. Так, в Индии еще в 1898 г. Уголовный кодекс был дополнен ст. 153А, установившей ответственность за разжигание вражды или ненависти между «различными классами индийских граждан»¹.

Преступления экстремистской направленности, выделяемые отечественным законодателем, где в качестве квалифицирующего признака выступает мотивация преступника (политическая, идеологическая, расовая, национальная или религиозная ненависть или вражда, а также ненависть или вражда в отношении какой-либо социальной группы), не являются исключением из мировых тенденций уголовно-правовой защиты личности от преступных посягательств, направленных на ущемление ее прав и достоинства. Несмотря на недавнее закрепление категории «преступления экстремистской направленности» в отечественном уголовном праве, а также отмечая постоянные изменения перечня деяний, относимых к ней, стоит отметить, что и ранее в законодательстве присутствовали уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за деяния, относимые в их современном понимании к экстремистским. Следует назвать, в частности, наличие в УК РСФСР 1960 г. ст. 74 «Нарушение равноправия граждан по признаку расы, национальности или отношения к религии». Рассматривая данную статью, Л.Л. Кругликов и Э.С. Тенчов отмечали: «Объективная сторона преступления включает в себя пять видов нарушения равноправия граждан: 1) возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды или розни; 2) унижение национальной чести и достоинства; 3) пропаганда исключительности или неполноценности граждан по расовым, национальным или конфессио-

нальным признакам; 4) ограничение прав граждан в зависимости от их расовой, национальной принадлежности или отношения к религии; 5) установление для них преимуществ в зависимости от той же принадлежности или приверженности к определенному вероисповеданию»².

В зарубежном законодательстве преступления, основанные на мотивах предубеждения к лицу на основании социальных признаков, получили широкое распространение и известны под собирательным названием «преступления ненависти». В англоязычной литературе понятия «hate crime» и «bias motivated crimes» используются для обозначения уголовных правонарушений экстремистского характера, предусмотренных законодательством зарубежных стран.

Употребляя термин «преступление ненависти», стоит указать его особый смысл и содержание. Как отмечает профессор Я.И. Гилинский, эти деяния есть «социальный конструкт (как и преступность, наркотизм, проституция и иные социальные феномены, не имеющие онтологических оснований и “естественных» границ)»... Преступления ненависти как социальный и правовой конструкт не существуют как таковые в природе, *sui generis*, *per se*. Это “обычное” насилие, но совершаемое в силу определенных, перечисленных в законе мотивов»³. Именно ненависть к членам определенной группы как элемент субъективной стороны подобных преступлений объединяет их в одну группу.

Распространение в международном праве данный термин получил после его закрепления в 2003 г. решением № 4 Маастрихтской встречи Совета Министров стран ОБСЕ, где его трактовали как собирательное название уголовно наказуемых деяний, мотивированных нетерпимостью и дискриминацией. Вместе с тем использование этого понятия в законодательном контексте, а не в контексте уголовного права и криминологии может повлечь за собой сложности, связанные с толкованием сущности этого явления и его определения в правовых системах различных государств. Это связано в первую очередь с тем, что само понятие «преступления ненависти» ввиду его собирательного характера может использоваться при сравнительном анализе весьма условно.

Исследователь В.Д. Антипов, рассматривая «преступления экстремистской направленности», отмечает: «данное легальное определение вполне может быть усвоено отечественной уголовно-правовой наукой для более широкого контекстного использования, например, в тех

же целях, в каких американская юриспруденция употребляет термин “hate crime”, тем более что выбранная нашими законодателями модель криминализации общественно опасных форм экстремизма сейчас оказалась близка американской»⁴. В связи с этим утверждением, а также с тем, что сам термин «преступления ненависти» появился в Соединенных Штатах Америки после опубликования Д. Джекобсом и К. Поттером исследования «Преступления ненависти: уголовное законодательство и личностная политика» (1985 г.), успех которого способствовал употреблению указанного термина сначала различными правозащитными организациями, а затем и появлению его в официальных документах Министерства юстиции США, обратим особое внимание на законодательство этой страны.

Так, А.В. Наумов отмечает: «Для США в числе сдерживающих совершение преступлений факторов является, к примеру, решение вековой проблемы сосуществования представителей белой и черной человеческих рас... Мы далеки от идеализации “американского образа жизни”, но что касается оценки борьбы с преступностью, то здесь надо просто сохранить объективность. Например, следует признать, что в предупреждении преступления на почве ненависти по этническо-национальному, религиозному и другим признакам полицией США накоплен колоссальный опыт, который в силу определенного всплеска этих преступлений у нас следует изучать»⁵. Присоединяясь к этой точке зрения, добавим, что опыт уголовно-правовой превенции также заслуживает всестороннего анализа на предмет определения общих тенденций в системе обеспечения безопасности личности от преступных посягательств, основанных на мотивах предубеждений и ненависти.

Рассматривая законодательство, обеспечивающее национальное, расовое и религиозное равноправие в США, необходимо подчеркнуть, что данная страна представляет особый интерес ввиду этнического и религиозного разнообразия состава населения, среди которого примерно 69% составляют лица европейского происхождения, 13% – афроамериканцы, 12% – представители испаноязычных народов, 4% – азиаты и 2% – индейцы. В религиозном аспекте протестанты составляют 56%, католики – 28%, иудаисты – 2%, другие религиозные общины – 4%. В этой стране зарегистрировано около 260 различных религиозных организаций, 86 из которых насчитывают более 50 тыс. последователей⁶. При этом проблема мирного сосуществования этих социально-демографических групп остается весьма актуальной вследствие постоянного роста миграционных процессов, неравномерности экономического развития, а также производственной занятости различных социальных групп населения, что особо ярко проявляется в крупных городах. Все это способствует процессам увеличения виктимного риска в отношении представителей отдельных расовых и национальных групп. Так, только в Нью-Йорке в 1998 г. 30% всех инцидентов, связанных с наси-

лием против национальных меньшинств, было совершено в отношении негров, не являющихся мигрантами в первом поколении. Другие 30% были совершены против евреев. В Лос-Анджелесе в том же году большинство расовых инцидентов было направлено против негров, более чем 90% преступлений на почве религиозной ненависти – против евреев⁷.

Современная концепция «равенства всех граждан независимо от цвета кожи, расы и вероисповедания» была закреплена в Законе о гражданских правах 1964 г., который запретил расовую дискриминацию при регистрации избирателей, найме на работу и т.д. Данным законом предусматривалась уголовная ответственность за нанесение увечий или создание препятствий лицам, осуществляющим свои гражданские права.

Именно с конца 60-х гг. прошлого века в США начинается разработка антидискриминационного законодательства, которое получило свое закрепление в концепциях прямой, косвенной и позитивной дискриминации⁸.

В основе концепции прямой дискриминации лежит нарушение принципа формального равенства граждан, который вызвал на практике определенные трудности применения ввиду сложности выявления причин мнимого или реального нарушения прав (например, при трудоустройстве, когда отказ в приеме на работу лица нетитульной национальности может быть мотивирован работодателем недостаточной квалификацией потенциального работника). Стремление устранить такой недостаток привело к возникновению концепции косвенной дискриминации, которая не обязывает правоприменителя доказывать наличие у лица прямого умысла на совершение антидискриминационных действий. Поэтому при разрешении конфликта оценивается вся практика лица, обвиняемого в совершении дискриминационных действий, в отношении к представителям различных этнических групп. Эволюция взглядов на природу явления и оценку его последствий привела к появлению концепции позитивного действия, в основе которой идея о гарантиях со стороны государства общепринятого уровня жизни при устранении препятствий на пути в утверждении принципа равенства в отношении членов группы.

Именно ставшее следствием этих процессов усиление уголовной ответственности за деяния, посягающие на существующие общественные отношения в области расового, национального и религиозного равенства граждан, и попытки систематизации этих правонарушений привели к появлению особой группы деяний – «преступлений ненависти».

Впервые законодательно термин «преступления ненависти» был закреплён в апреле 1990 г., когда Президент США Дж. Буш утвердил «Закон о статистическом учете преступлений, связанных с ненавистью», который обязывал собирать данные о случаях нападения, запугиваний, поджогов или порчи имущества, направленных на человека или группу людей из-за их расовой, религиоз-

ной, этнической принадлежности. На основании этого закона Федеральное бюро расследований стало собирать данные о преступлениях, связанных с проявлениями расовой, национальной, религиозной ненависти. Вышеназванный закон неоднократно претерпевал изменения. Так, в сентябре 1994 г. была принята поправка – «Закон об учете тяжких преступлений и правоприменительной деятельности», которая добавила к категории преступлений на почве ненависти деяния против лиц с ограниченными возможностями (как физическими, так и умственными). В том же году Конгресс США принимает «Закон об усилении борьбы с преступлениями, связанными с разжиганием межрасовой, межнациональной и других видов ненависти», который предусматривает более длительные сроки наказания в случаях, когда преступление определено как уголовно наказуемое деяние, связанное с проявлением ненависти по указанным признакам.

В 1996 г. «Закон о статистическом учете преступлений, связанных с ненавистью» был дополнен «Законом о предотвращении поджогов церквей», что существенно расширило количество видов собираемой информации. Этот закон был принят вследствие регистрации роста поджогов церквей. Так, за период с октября 1991 г. по 1996 г. произошло 110 случаев поджогов церквей, о которых было сообщено федеральным властям, причем 33 из них – в начале 1996 г.⁹

В 1999 г. Конгресс США принял «Закон о профилактике преступлений на почве ненависти». Этот закон дает федеральному правительству большие полномочия в расследовании и преследовании по суду лиц, совершивших преступления из-за предполагаемой сексуальной ориентации жертвы, ее пола или ограниченных возможностей.

Необходимо отметить, что законодательные инициативы в области дополнения признаков ненависти продолжают иметь место. Сейчас на федеральном уровне закреплены такие признаки ненависти, как раса, религия и национальное происхождение, которые постоянно пытаются дополнить. Так, с 1999 г. по настоящее время в Администрацию Президента США неоднократно представлялся «Закон Шепарда»¹⁰, который предусматривает закрепление на федеральном уровне сексуальной ориентации жертвы в качестве отягчающего вину обстоятельства. Напомним, что сексуальная ориентация потерпевшего уже учитывается в качестве признака «преступлений ненависти» в нескольких штатах США.

Информацию о преступлениях на почве ненависти централизованно собирает ФБР по одиннадцати традиционным категориям преступлений, которые подразделяются на два основных вида: преступления против людей и преступления против собственности.

Статистика ФБР свидетельствует об устойчивом росте деяний рассматриваемой категории. Так, в 2002 г. было зарегистрировано 7462 «преступления ненависти», причем 65% этих посягательств были направлены против личности, 33% – против имущества и 2% – против общества. Из

числа этих преступлений 45% были мотивированы расовой нетерпимостью, 22% – национальной, 19% – религиозной, 14% – сексуальной, 0,3% – неприязню к умственной и физической неполноценности жертвы. В 9% случаях отмечена комбинация этих мотивов¹¹. Уже в 2005 г. было зафиксировано 7947 криминальных инцидентов, которые были мотивированы ненавистью к расе, религии, физическим недостаткам, национальности или сексуальной ориентации (7649 – в 2004 г.). В результате пострадало 10,4 тыс. чел. (9,5 тыс. чел. – годом ранее). Виновниками этих преступлений были 8,4 тыс. чел. (7,1 тыс. чел. – в 2004 г.). В 4,8 тыс. случаев ненависть основывалась на расовой почве (в 3 тыс. случаев жертвами становились чернокожие, в 1,2 тыс. – белые), примерно в 1,3 тыс. – на религиозной (наиболее часто страдали иудеи), в 1 тыс. случаев – на сексуальной (жертвами становились гомосексуалисты)¹².

Рассматривая уголовное законодательство этой страны, уместно вспомнить, что в США фактически нет централизованной системы уголовного законодательства. Здесь действуют 53 самостоятельные системы: 51 штат, федеральный округ Колумбия, где расположена столица страны, и «свободно присоединившееся государство» Пуэрто-Рико. При этом в 46 штатах США и в федеральном округе Колумбия действуют законодательные положения по признанию в качестве отягчающего вину преступника обстоятельства при назначении уголовного наказания, если деяние мотивировано ненавистью и предубеждениями, и почти все штаты, используя различные подходы, приняли законодательство, непосредственно касающееся «преступлений ненависти». Вместе с тем в системе уголовного правосудия США не существует унифицированных признаков этого явления. В результате этого в различных штатах по-разному трактуют его, исходя из признаков, заложенных в законодательстве. Так, в 21 штате «преступлениями ненависти» считаются и преступления, совершенные в отношении инвалидов и психически больных лиц; в 22 штатах – преступления против лиц, обладающих нетрадиционной сексуальной ориентацией; в 3 штатах и округе Колумбия (включая столицу страны – г. Вашингтон) к «преступлениям ненависти» относятся также и деяния, совершенные по мотиву политической вражды.

Американская законодательная традиция знает несколько способов правового определения криминализации указанных деяний. В одном случае на уровне законодательства штатов (Алабама, Делавар, Вермонт, Флорида и др.) вводится отдельное обстоятельство, отягчающее наказание, при наличии которого любое предусмотренное в кодексе преступление начинает рассматриваться как преступление на почве ненависти.

В других (Кентукки, Луизиана, Миссури, Огайо, Иллинойс, Нью-Йорк) при наличии квалифицирующего мотива «преступлением ненависти» может быть признано не всякое преступ-

ление, предусмотренное уголовным законом, а лишь то, в отношении которого имеется специальная оговорка.

Третьим случаем является включение деяния как отдельного состава преступлений со своими объективными и субъективными признаками (Калифорния, Теннесси, Оклахома, Массачусетс).

Рассматривая уголовное законодательство США, следует отметить: несмотря на то, что в большинстве штатов предусматривается наличие отягчающих обстоятельств при назначении наказания, если преступления были мотивированы ненавистью, в отличие от других стран, пропаганда ненависти не подвергается уголовной репрессии, что связано с основными положениями Конституции (Первая поправка), в которой закреплено право свободного выражения своих мыслей. Позиция американского законодателя заключается в приверженности доктрине минимального ограничения свободы слова, так как в американской системе юриспруденции считается, что словесное выражение идей, взглядов и мнений, в которых нет прямого указания на насилие или оскорбление конкретных физических лиц, должно минимально ограничиваться государством.

Ярким примером этого положения является решение Верховного суда США по делу Скоки (1978 г.), когда суд решил, что распоряжение местной администрации, запрещающее проведение митинга неонацистов в еврейском квартале, противоречит Конституции, так как запланированный митинг не представлял непосредственной угрозы применения физического насилия¹³. Поэтому неудивительно, что в некоторых штатах Америки существуют ежегодные шествия неонацистов или членов Ку-клукс-клана. В этой связи многочисленными правозащитными организациями предлагаются свои рекомендации относительно того, как общественность может противостоять ксенофобии. В частности, американский центр «Southern Poverty» предлагает наряду с прочим изучать законодательство, касающееся «преступлений ненависти». Во многих штатах США имеется обширное законодательство по этому вопросу, которое относится к различным аспектам «преступлений ненависти». Вместе с тем в пяти штатах США вообще отсутствуют специальные нормы, предусматривающие ответственность за данные преступления, а многие антирасистские действия квалифицируются в этих штатах как акты вандализма или хулиганства¹⁴. Можно предположить, что в ряде случаев американская система уголовной юстиции не в состоянии успешно противодействовать проявлениям ненависти по различным признакам.

Кроме того, практика применения законодательства о преступлениях на почве ненависти в США строится на идее, что подобное законодательство призвано защищать права лишь социальных групп, исторически наиболее подверженных дискриминации и притеснению, что приводит к некоей однобокости применения

уголовного закона: довольно часто нападения чернокожих на белых квалифицируются как общеуголовные преступления, в то время как нападения белых на чернокожих – как преступления, совершенные на почве ненависти. Неудивительно, что противники криминализации подобных деяний отмечают, что законодательство нарушает равноправие граждан, что ведет к господству принципа объективного вменения.

Таким образом, подводя итоги рассмотрению уголовного законодательства США, отмечая его собирательность, мы считаем, что категория «преступления ненависти» включает в себя любое уголовно наказуемое деяние, совершенное против физического лица или частной собственности и мотивированное ненавистью по отношению к тем, против кого оно направлено по причине их расы, цвета кожи, этнического происхождения или национальности, религии, пола, возраста, сексуальной ориентации или инвалидности. При этом любой инцидент на почве ненависти, составляющий уголовное деяние, воспринимается жертвой или любым другим лицом как преступление, мотивированное предубеждением или ненавистью. «Преступления ненависти» объединяют в себе как насильственные преступления, связанные с посягательством на личность, так и преступления против собственности, что существенно расширяет категорию указанных деяний.

Таким образом, современное состояние категории «преступления ненависти» в законодательстве США свидетельствует как о стремительном расширении признаков, трактуемых как мотивы ненависти, предпринимаемых на уровне законодательства отдельных штатов, так и явных попытках унификации признаков этой группы деяний со стороны федеральной власти.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Капинус О.С. Современное уголовное право в России и за рубежом: некоторые проблемы ответственности. М., 2008. С. 119.

² Уголовный кодекс Российской Федерации: Научно-практический комментарий / Под ред. Л.Л. Кругликова и Э.С. Тенцова. Ярославль, 1994. С. 210.

³ Гилинский Я.И. Социальное насилие: теория и российская реальность // Российский криминологический взгляд. 2008. № 2. С. 231.

⁴ Антипов Д.Н. Законы США о преступлениях на почве ненависти (Hate crime laws) как модель криминализации общественно опасных форм экстремизма // Международное уголовное право и международная юстиция. 2008. № 1. С. 38.

⁵ Наумов А. Уголовная статистика: преступность и ее стабильность // Уголовное право. 2008. № 4. С. 135.

⁶ См.: Магомедов А.А., Алиев Р.Н. К вопросу об ответственности за нарушение национального и религиозного равноправия граждан по законодательству США // Пробелы в законодательстве и пути их преодоления. Н. Новгород, 2008. С. 362.

⁷ См.: Варчук Т.В., Вишневецкий К.В. Виктимология. М., 2008. С. 103–104.

⁸ См. подр.: Магомедов А.А., Алиев Р.Н. К вопросу об ответственности за нарушение национального и религиозного равноправия граждан по законодательству США. С. 366–368.

⁹ См.: Бартол К. Психология криминального поведения. СПб.; М., 2004. С. 23.

¹⁰ Законопроект назван именем студента Мэттью Шепарда, убитого в Вайоминге в 1998 г. из-за своей сексуальной ориентации.

¹¹ См.: http://www.roi.ru/news/crime/04/08/02_004.htm

¹² См.: http://www.imcl.ru/usa/070530_fobia.php

¹³ См.: Капинус О.С. Современное уголовное право в России и за рубежом: некоторые проблемы ответственности. С. 120.

¹⁴ Recommendation of Southern Poverty. NY, 2001.

Средства пенитенциарного воздействия в правовом и психопедагогическом представлении

ПОКЛЕК Р. – Главный центр подготовки тюремной службы Польши (г. Калиш)

Наука уголовно-исполнительного права тесно взаимосвязана с другими отраслями права, в частности уголовным, уголовно-процессуальным, административным, конституционным, гражданским и международным правом. Кроме этого, она использует достижения наук в области судебной медицины, психиатрии, патологии, сексологии, находится в тесной связи и с общественными науками (криминологией, философией, социологией и психологией). Важное место в уголовно-исполнительном праве занимает также педагогика, особенно в сфере ресоциализации осужденных¹.

Ресоциализация в условиях изоляции носит название пенитенциарной ресоциализации. Главной ее целью является не только приобретение знаний и способностей, необходимых для жизни в обществе, лицами, находящимся в изоляции, но и изменение характерологических навыков, и прежде всего элиминация (исключение) отрицательного общественно опасного поведения, которое оказывается главной причиной несоответствия поведения осужденного нравственным и правовым нормам².

Пенитенциарная педагогика принадлежит к ресоциализационной педагогике и занимается вопросами обучения и воспитания неприспособленных к общественной жизни лиц, которые находятся во временной изоляции³.

Фундаментальной чертой этой педагогической дисциплины кроме области исследований (пенитенциарное учреждение), а также лиц, являющихся предметом воздействия (осужденные), является необходимость постоянного учета при осуществлении воспитательного воздействия правовых норм, регулирующих исполнение наказания в виде лишения свободы⁴. Это порождает потребность тщательного приспособления достижений наук о воспитании (дидактики, теории и методики воспитания, андрагогики), дефектологии (патологии, ортодидактики), а также научных дисциплин, оказывающих влияние на педагогику (философии, психологии, социологии, криминологии), к действующим положениям.

Наряду с целями и принципами формы и ресоциализационные средства должны отражаться в законе – Уголовно-исполнительном кодексе и других документах, регулирующих исполнение наказания в виде лишения свободы.

Основные правовые акты, регулирующие исполнение наказания в виде лишения свободы

Исполнение лишения свободы строго регламентировано законом, в частности Уголовно-исполнительным кодексом. Отдельный раздел УИК содержит свыше 100 статей (67–168). Кроме того, целый ряд норм основной и заключительной частей относятся именно к этому вопросу⁵. В § 1 и 2 ст. 249 устанавливаются полномочия министра юстиции по определению организации исполнения наказаний в виде лишения свободы, предварительного ареста и ареста в отношении военнослужащих. В организацию исполнения данных видов

наказаний входят правила и принципы приема в тюрьму, размещения в камерах, а также правила освобождения осужденных, организации приема писем и проведения свиданий, материально-бытовое и медико-санитарное обеспечение.

Наряду с этим исполнение лишения свободы регулирует Закон о тюремной службе. К отдельным аспектам исполнения рассматриваемого вида наказания применяются нормы и других законов, касающихся, например, системы обучения, охраны здоровья, трудоустройства и т.п. Несмотря на тот факт, что Уголовно-исполнительный кодекс подробно регламентирует исполнение данного наказания, некоторые аспекты регулируются подзаконными нормативно-правовыми актами⁶. Примером этому могут служить распоряжения министра юстиции по вопросам способов пенитенциарного воздействия, надзора за осужденными, психологического и психиатрического осмотра и др.

Важным документом, регулирующим пенитенциарное воздействие, является распоряжение Генерального директора тюремной службы Польши от 24 февраля 2004 г. № 2 об установлении правил организации пенитенциарной деятельности, а также действий сотрудников и работников пенитенциарного и терапевтического отделений. Оно определяет принципы организации и реализации культурно-просветительных и спортивных занятий, терапевтических консультаций, системы поощрений и льгот, противодействия проявлениям преступной субкультуры и актам суицида, организации терапевтических воздействий, проведения исследования личности осужденных и оформления необходимой документации и т.п.

Цели исполнения наказания в виде лишения свободы

Цели исполнения наказания в виде лишения свободы подробно определены в гл. X разд. 1 Уголовно-исполнительного кодекса.

Параграф 1 ст. 67 гласит: «Исполнение наказания в виде лишения свободы имеет целью содействовать формированию у осужденного общественно полезного поведения, в частности, чувства ответственности и потребности соблюдения правопорядка, и, таким образом, недопущению совершения преступления». О реализации этой цели в правовом аспекте может свидетельствовать объективный факт совершения преступления или отсутствие рецидива, в педагогическом аспекте – внешнее формирование общественно полезных отношений, в психологическом аспекте – внешнее чувство ответственности и потребность соблюдения правопорядка. Параграф 2 ст. 67 определяет способ реализации цели: «Для достижения цели, указанной в § 1, проводится индивидуализированное воздействие на осужденных в рамках определенных в законе систем исполнения наказания в разных видах и типах тюремных учреждений». Этот параграф устанавливает самый важный принцип воспитания – принцип свободной прогрессии, который означает переход от ограничений в рамках

пенитенциарного учреждения закрытого типа и пенитенциарные учреждения открытого типа, учитывая возраст осужденных и их поведение во время пребывания в тюрьме⁷.

В представленной цели можно выделить два аспекта, отличающиеся друг от друга степенью эффективности. Определяются они как цель-минимум и цель-максимум. Минимальная цель – это достижение такого состояния личности, которое после освобождения позволит не нарушать правовые нормы. Максимальная цель определяется состоянием личности, которое дает возможность после освобождения из пенитенциарного учреждения соблюдать нравственные нормы, не указанные в Уголовном кодексе, но представляющие особую ценность для общественной жизни. Достижение первой цели влияет на общественную реинтеграцию и функционирование на грани права, достижение второй цели вызывает быструю адаптацию и сильную реинтеграцию в общество⁸.

Средства пенитенциарного воздействия

Под пенитенциарным средством понимается инструмент, который применяется с целью изменения поведения воспитанника⁹. Уголовно-исполнительный кодекс в § 3 ст. 67 перечисляет средства, применяемые в пенитенциарном воздействии: «В воздействии на осужденных, при соблюдении их прав и требовании исполнения ими обязанностей, используются прежде всего труд, особенно способствующий приобретению профессиональной квалификации, наука, культурно-просветительные и спортивные занятия, поддержание контактов с семьей и внешним миром, а также терапевтические средства».

Кроме этих средств перечисляются и иные, в частности поощрения (ст. 138), дисциплинарные взыскания (ст. 143), отпуск (п. 7 ст. 91, п. 9 ст. 92), условно-досрочное освобождение (разд. 11 УИК). Порядок применения данных средств подробно определяют пенитенциарные правила¹⁰.

Каждое из пенитенциарных средств должно быть подобрано к конкретному осужденному индивидуально. Правильный подбор средств влияет на реализацию ресоциализационной функции. К главным ресоциализационным функциям принадлежат: опекунская, воспитательная, терапевтическая¹¹. Опекунская функция заключается в удовлетворении первоначальных потребностей и иницировании потребностей высшего уровня, ведущих к самореализации. Воспитательная функция реализуется в деятельности, развивающей положительные черты личности воспитанника и предоставляющей ему новые знания и практические навыки. Терапевтическая функция включает все медицинские, психологические и педагогические интервенции, которые направлены на устранение противоправного поведения.

Принцип индивидуального подбора средств пенитенциарного воздействия на примере труда осужденного

Предлагая осужденному выбранное для него средство пенитенциарного воздействия, необходимо определить формальные предпосылки его применения, а затем проанализировать его психопедагогическую эффективность.

Формальные предпосылки устанавливает классификация осужденных, которая определяет вид пенитенциарного учреждения (для несовершеннолетних, рецидивистов, отбывающих лишение

свободы впервые, военнослужащих) и тип пенитенциарного учреждения (закрытый, открытый и полукоткрытый), а также система исполнения наказания (обыкновенная, групповая или индивидуальная, терапевтическая). Эта классификация показывает, может ли осужденный работать на территории пенитенциарного учреждения или вне его, в системе полного конвоирования или без него. Законодательство регулирует также систему труда, определяя правила добровольного и принудительного труда, а также оплачиваемого или без оплаты.

Индивидуальный подход к осужденному требует тщательного изучения его личности, интересов и потребностей. Благодаря этому появляется возможность предложить осужденному такой вид труда (например, групповой или индивидуальный), который способствовал бы достижению ресоциализационных функций. Поэтому трудоустройство осужденного должно кроме удовлетворения основных материальных и бытовых потребностей вызывать потребности высшего уровня и активизировать желание совершенствоваться путем самореализации в рамках данной профессии – в соответствии с опекунской функцией.

При осуществлении воспитательной функции, предлагаемый осужденному вид трудовой деятельности должен не только способствовать приобретению им конкретных профессиональных способностей, но прежде всего призван повысить его ответственность, способность организовывать свою деятельность и сотрудничать с коллективом.

О реализации терапевтической функции можно говорить тогда, когда устраняется негативное поведение осужденного и он становится добросовестным, честным работником, который разумно распоряжается денежными средствами.

Применение одного из средств пенитенциарного воздействия, закрепленного в Уголовно-исполнительном кодексе, прежде чем оно будет предложено осужденному, должно пройти тщательный психопедагогический анализ. Это требует от персонала хороших знаний законодательства и наличия практических способностей, умелого использования достижений психологии, педагогики и других наук.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Холда Й., Холда З. Уголовно-исполнительное право. Закамыч, 2004.

² См.: Махэль Х. Тюрьма – уголовное и пенитенциарное учреждение. Гданьск, 2003.

³ См.: Бэнэдычак С. Пенитенциарная педагогика и методика ресоциализационного воспитания // Методика пенитенциарной работы. Калиш, 1995; Хольсь К., Новак Б. Пенитенциарная педагогика. Варшава, 1980.

⁴ См.: Щепаняк П. По вопросу тождественности пенитенциарной педагогики // Педагогические науки в современной гуманистике / Под ред. М. Прокош. Торунь, 2002; Он же. Методические аспекты влияния на осужденных // Пенитенциарная и постпенитенциарная система в Польше / Под ред. Т. Буленда, Р. Мусидловский. Варшава, 2004.

⁵ См.: Холда Й., Холда З. Уголовно-исполнительное право.

⁶ См.: Там же.

⁷ См.: Станьдо-Кавецкая Б. Правовые основы ресоциализации. Закамыч, 2000.

⁸ См.: Махэль Х. Тюрьма – уголовное и пенитенциарное учреждение.

⁹ См.: Поплавский П. Средства и методы пенитенциарного воздействия // Пенитенциарный и криминологический вестник. 1984.

¹⁰ См.: Павэла С. Уголовно-исполнительный кодекс: Прак. коммент. Варшава, 1999.

¹¹ См.: Пытка Л. Ресоциализационная педагогика: Избранные теоретические, диагностические и методические вопросы. Варшава, 2000.

ПРИГЛАШАЕМ К ДИСКУССИИ

Условия проведения оперативно-розыскных мероприятий

С.Ю. ВЕДРОВ – старший преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности ВПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук;

И.А. КОНОПЛЕВ – преподаватель-методист кафедры оперативно-розыскной деятельности ВПЭ ФСИН России

Одним из первых источников, свидетельствующих об использовании негласных сотрудников (разведчиков) в межгосударственных отношениях в качестве заложников, является найденная на территории Сирии и датированная XII в. до н.э. обожженная дощечка с древними письменами, где правитель одного города-государства жалуется правителю другого на то, что не получил выкуп за отпущенных по уговору согладатаев противной стороны¹.

В одном из первых памятников древнерусского права X в., Русской Правде, находим указание на обязанность верви разыскивать преступника в случае совершения преступления².

Время возникновения сыскного производства определяется исследователями неодинаково.

Наиболее убедительной представляется точка зрения В.И. Сергеевича, связывавшего появление сыскного процесса с изъятием дел о разбое и татьбе с поличным из сферы вотчинного суда и запрещением отпуска татей с поличным³.

В настоящее время оперативно-розыскная деятельность носит четко выраженный разведывательно-поисковый характер и осуществляется путем проведения гласных и негласных оперативно-розыскных мероприятий. Это обусловлено, прежде всего, тайным, замаскированным характером действий преступников, их деятельностью в условиях неочевидности, тщательной предварительной подготовкой своих действий, дерзостью, жестокостью преступного поведения, уничтожением следов совершаемых общественно опасных деяний, необходимостью получения сведений о лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступления, поискам неизвестных фактов и обстоятельств совершенных преступлений⁴.

В зависимости от возможностей добывания оперативно значимой информации оперативно-розыскные мероприятия подразделяются по условиям их проведения.

Под условиями проведения оперативно-розыскных мероприятий понимаются установленные оперативно-розыскным законодательством специальные правила, неукоснительным выполнением которых законодатель обуславливает подготовку и (или) проведение конкретного оперативно-розыскного мероприятия. Данные правила призваны повысить эффективность указанных мероприятий и гарантировать соблюдение принципов оперативно-розыскной деятельности при их проведении, что позволило бы сохранить баланс между интересами отдельного человека и потребностями общества и государства, заинтересованных в эффективном противодействии преступности⁵.

Понятие условий проведения оперативно-розыскных мероприятий нельзя признать устоявшимся в оперативно-розыскной науке, поскольку встречающиеся в юридической литературе его дефиниции различны и приводятся без какой-либо аргументации. В то же время научной дискуссии по этому вопросу практически не велось⁶.

Одним из первых классифицировал условия проведения оперативно-розыскных мероприятий А.Ю. Шумилов, подразделив их на общие условия и условия, содержащие исключения из общих правил. К числу первых он отнес закрепленные в ч. 1 ст. 8 ФЗ РФ «Об ОРД» возможность осуществления оперативно-розыскных мероприятий на территории России и равенство граждан перед законом, закрепленные в ч. 2–10 ст. 8 ФЗ РФ «Об ОРД»⁷, ко вторым – правила, Таким образом, речь здесь идет о классификации условий проведения оперативно-розыскных мероприятий, перечисленных лишь в указанной статье закона, но регламентация условий проведения оперативно-розыскных мероприятий содержится и в других нормативно-правовых актах, в том числе подзаконных.

Предложенная А.Ю. Шумиловым классификация получила творческое развитие в работах

В.Г. Боброва, который, уточнив название второй группы, значительно расширил перечень как общих, так и частных условий, а также предложил свою оригинальную систему условий проведения оперативно-розыскных мероприятий, заслуживающую глубокого научного анализа.

В первую группу В.Г. Бобров включил семь общих условий проведения оперативно-розыскных мероприятий, к числу которых, кроме указанных А.Ю. Шумиловым, им было добавлено пять новых⁸.

В качестве первого общего условия ученым названо наличие у субъектов проведения оперативно-розыскных мероприятий определенной правоспособности в сфере оперативно-розыскной деятельности. При этом А.Ю. Шумилов ссылается на ч. 6 ст. 6 ФЗ РФ «Об ОРД», запрещающую осуществление оперативно-розыскных мероприятий не уполномоченными законом физическим и юридическими лицами. По нашему мнению, названное условие вытекает не только из указанной нормы, оно содержится, прежде всего, в законодательном определении оперативно-розыскной деятельности, сформулированном в ст. 1 закона, где записано, что вся эта деятельность осуществляется только уполномоченными государственными органами.

В качестве второго условия, вытекающего из законодательного определения оперативно-розыскной деятельности, В.Г. Бобров предложил рассматривать возможность проведения оперативно-розыскных мероприятий в пределах только тех полномочий, которыми наделены конкретные субъекты. Следует отметить, что данное требование трижды упоминается в тексте ФЗ РФ «Об ОРД» (ст. 1, ч. 10 ст. 8 и ч. 4 ст. 13), что подтверждает его общий характер.

Третье и четвертое условия проведения оперативно-розыскных мероприятий, указанные В.Г. Бобровым, закреплены в ч. 1 ст. 8 ФЗ РФ «Об ОРД» и предполагают, во-первых, допустимость их проведения только на территории Российской Федерации и, во-вторых, равенство граждан перед законом.

В качестве пятого условия проведения оперативно-розыскных мероприятий называется их основанность на принципах оперативно-розыскной деятельности. Выделение данного условия представляется, по мнению А.Е. Чечетина, дискуссионным, поскольку в этом случае происходит путаница в иерархии используемых понятий и становится непонятным: принципы существуют ради правил или правила ради принципов⁹.

К шестому условию проведения оперативно-розыскных мероприятий В.Г. Бобров относит закрепленное в ч. 3 ст. 6 ФЗ РФ «Об ОРД» разрешение на использование при проведении данных мероприятий технических и иных средств, не наносящих ущерба жизни и здоровью людей и не причиняющих вред окружающей среде, а также права оперативно-розыскных органов, указанные в ст. 15 рассматриваемого закона.

В качестве седьмого условия проведения оперативно-розыскных мероприятий В.Г. Бобров указал требование ч. 8 ст. 5 ФЗ РФ «Об ОРД» о запрете на проведение оперативно-розыскных мероприятий в интересах каких-либо политических партий, общественных и религиозных объединений. Нельзя не согласиться с тем, что это требование должно соблюдаться при проведении любых оперативно-розыскных мероприятий, а поэтому его можно рассматривать в качестве одного из общих условий проведения данных мероприятий.

Однако наряду с указанной нормой в ст. 5 ФЗ РФ «Об ОРД» содержатся и другие нормы, которые, по нашему мнению, также могут быть отнесены к общим условиям проведения оперативно-розыскных мероприятий, поскольку обладают необходимыми для этого признаками. В частности, согласно ч. 1 этой статьи при проведении оперативно-розыскных мероприятий должно обеспечиваться соблюдение прав человека и гражданина на неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны, жилища и тайну корреспонденции. Данное правило, вне всяких сомнений, должно распространяться на проведение любых оперативно-розыскных мероприятий, а поэтому его вполне обоснованно можно отнести к общим условиям проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Общие условия проведения оперативно-розыскных мероприятий закреплены не только в законодательных нормах, но и в подзаконных нормативных правовых актах. Так, например, предписывается разрабатывать план проведения сложных оперативно-розыскных мероприятий, а также возлагается обязанность обеспечения личной безопасности участников мероприятий на сотрудника оперативного подразделения и его непосредственного начальника. Таким образом, перечень общих условий проведения оперативно-розыскных мероприятий не следует считать завершенным, поскольку по мере совершенствования правового регулирования оперативно-розыскных мероприятий он будет постепенно расширяться.

Коротко остановимся на частных условиях проведения оперативно-розыскных мероприятий¹⁰. А.Е. Чечетин предлагает разделить их на четыре группы: условия проведения оперативно-розыскных мероприятий в отношении отдельных категорий лиц; условия проведения оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан на тайну телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений и неприкосновенность жилища; условия проведения наиболее сложных («острых») оперативно-розыскных мероприятий и иные условия¹¹.

Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы:

1. Понятие условий проведения оперативно-розыскных мероприятий нельзя признать устоявшимся в оперативно-розыскной науке,

поскольку встречающиеся в литературе дефиниции достаточно различны и приводятся без какой-либо аргументации.

2. Регламентация условий проведения оперативно-розыскных мероприятий содержится не только в ФЗ РФ «Об ОРД», но и в других нормативно-правовых актах, в том числе и подзаконных.

3. Рассмотрение понятия и классификации условий проведения оперативно-розыскных мероприятий создает необходимые предпосылки для их дальнейших исследований и разработки научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию правового регулирования порядка проведения оперативно-розыскных мероприятий.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Горяинов К.К., Овчинский В.С., Сенилов Г.К. Теория оперативно-розыскной деятельности. М., 2006. С. 15.

² См.: Елинский В.И. Основы методологии оперативно-розыскной деятельности: Моногр. М., 2001. С. 8–9.

³ См.: Там же. С. 17.

⁴ См.: Вагин О.А., Исиченко А.П., Шабанов Г.Х. Оперативно-розыскные мероприятия и использование их результатов: Учеб.-практ. пособие. М., 2006. С. 5–6.

⁵ См.: Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» с постатейными приложениями нормативно-правовых актов и документов / Авт.-сост. проф. А.Ю. Шумилов. 6-е изд., доп. и перераб. М., 2004. С. 118.

⁶ См.: Чечетин А.Е. Актуальные проблемы теории оперативно-розыскных мероприятий: Моногр. М., 2006. С. 158.

⁷ См.: Шумилов А.Ю. Юридические основы оперативно-розыскных мероприятий: Учеб. пособие. М., 1999. С. 42.

⁸ См.: Бобров В.Г. Понятие оперативно-розыскного мероприятия. Основания и условия проведения оперативно-розыскных мероприятий: Лекция. М., 2003. С. 37.

⁹ См.: Чечетин А.Е. Актуальные проблемы теории оперативно-розыскных мероприятий. С. 161.

¹⁰ См.: Бобров В.Г. Понятие оперативно-розыскного мероприятия. Основания и условия проведения оперативно-розыскных мероприятий. С. 37.

¹¹ См.: Чечетин А.Е. Актуальные проблемы теории оперативно-розыскных мероприятий. С. 162.

Особенности труда лиц, осужденных к лишению свободы

Н.П. ШИЛОВА – доцент кафедры аграрного и экологического права Московской государственной юридической академии (филиал в г. Вологде), кандидат юридических наук, доцент

Согласно ст. 9 УИК РФ¹ общественно полезный труд является одним из основных средств исправления осужденных. Как справедливо отмечает С.Х. Шамсунов, «труд осужденных должен служить важнейшим средством социализации личности, способствовать приобретению полезных навыков и профессий, которые могли бы пригодиться человеку после высвобождения»².

Правовое регулирование труда осужденных основывается, прежде всего, на Конституции Российской Федерации³, ТК РФ⁴, УИК РФ, ведомственных правовых актах. Исходя из особенностей правового положения осужденных их труд обладает определенной спецификой.

Согласно Конституции Российской Федерации (ст. 37) и ТК РФ труд – это право, а по УИК РФ (ст. 103) – обязанность осужденных. Е.А. Марина отмечает, что «обязанность труда для осужденных к лишению свободы в соответствии с международно-правовыми актами не свидетельствует о его принудительном характере»⁵. Хотелось бы не согласиться с данным мнением. Понятие принудительного труда раскрывается в Конвенции МОТ № 29 от 1936 г. и Конвенции № 105 от 1957 г. В соответствии с ними не считается принудительным труд по приговору суда. Но, на наш взгляд, речь в данном случае идет о таких видах уголовно-правовых наказаний, как исправительные и обязательные работы, а не о

лишении свободы. Как справедливо отмечает А. Губенко, «нормы национального уголовного законодательства не содержат в качестве одного из карательных элементов лишения свободы возможность привлечения осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, к труду»⁶. Таким образом, для лиц, осужденных к лишению свободы, труд – это право, и данное обстоятельство должно быть отражено в действующем законодательстве.

Зарубежный опыт регулирования труда осужденных свидетельствует о том, что в одних европейских странах труд осужденных – это обязанность, в других – право.

Так, в ФРГ, Норвегии, Франции, Финляндии, Дании труд заключенных является обязанностью. Например, в Основном законе ФРГ от 23 мая 1949 г. предусматривается, что принудительный труд допускается только при лишении свободы по приговору суда (ст. 12)⁷. В некоторых странах (Италия, Испания и др.) труд – это право заключенных. Так, в ст. 25 Конституции Испании закреплено, что «лишение свободы и иные меры социальной защиты должны быть направлены на перевоспитание и социальную реабилитацию и не могут быть связаны с принудительным трудом... Осужденный имеет право на оплачиваемую работу и на пользование благами социального страхования»⁸.

В последние годы в европейских странах развернулась оживленная дискуссия по вопросу о влиянии принудительного труда на ресоциализацию осужденных. К числу аргументов против обязывания заключенных трудиться ученые относят умаление прав осужденного, неэффективность применения дисциплинарных мер, безработицу⁹. Таким образом, в дальнейшем возможны реформирование пенитенциарного законодательства и пересмотр концепции принудительного труда в механизме исправления осужденных. Полагаем, что в условиях гуманизации уголовно-исполнительной системы этот процесс не должен обойти и Россию.

Признавая за осужденными право на труд, нельзя в силу специфики их правового статуса не упомянуть и об определенных ограничениях их труда, в частности об ограничении возможности осужденных свободно выбирать вид трудовой занятости. Это обусловлено тем, что традиционно основными направлениями деятельности предприятий УИС (в настоящее время их число составляет 601¹⁰) являются лесозаготовка, деревообработка, швейное производство, обработка металла. Следовательно, осужденные имеют возможность трудиться только в данных сферах. В целях обеспечения безопасности жизни и здоровья сотрудников, а также всего исполнительного учреждения в целом запрещено использовать труд осужденных на работах и должностях в управлениях и отделах территориальных органов УИС, в зданиях, где размещен личный состав сотрудников, хранится оружие, служебная документация, специальные технические средства, на работах по обслуживанию и ремонту ТСО, работах с множительной, радиотелеграфной, телефонной, факсимильной техникой, работах, связанных с учетом, хранением и выдачей медикаментов, взрывчатых, отравляющих и ядовитых веществ, на работах с подчинением им вольнонаемных работников, в качестве водителей оперативных машин. Не могут осужденные занимать должности материально ответственных продавцов, бухгалтеров-операционистов, кассиров, заведующих складами, кладовщиков (приложение № 9 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений¹¹). Данные ограничения объективны. Однако согласно конституционным началам ограничение прав человека может быть осуществлено только путем издания федерального закона. Большинство же ограничений трудовой деятельности осужденных установлены ведомственными актами Минюста России. Так, ст. 103 УИК РФ предусматривает, что перечень работ, на которых запрещается использование труда осужденных, устанавливается Правилами внутреннего трудового распорядка. Вместе с тем основная цель Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений – регламентация порядка исполнения и отбывания наказания (ст. 82 УИК РФ), а не трудовой деятельности осужденных.

Следовательно, на наш взгляд, перечень работ, на которых запрещается использование труда осужденных, необходимо определить в федеральном законе.

Согласно трудовому законодательству основанием возникновения трудовых отношений является заключенный письменный трудовой договор. С осужденными трудовые договоры в нарушение ТК РФ не заключаются. Однако между исполнительным учреждением и осужденным трудовые отношения возникают с момента фактического допуска осужденного лица к работе с ведома или по поручению начальника исполнительного учреждения как представителя работодателя¹², тем более что ТК РФ предусматривает в качестве одного из оснований возникновения трудовых отношений – фактический допуск работника к работе (ст. 16). При этом на основании ч. 2 ст. 67 ТК РФ работодатель обязан в течение трех рабочих дней с момента фактического допуска работника заключить с ним трудовой договор в письменной форме, чего на практике не происходит.

Важным вопросом является определение статуса работодателя в трудовых отношениях с осужденными лицами.

Согласно п. 1 ст. 103 УИК РФ осужденные могут привлекаться к труду в центрах трудовой адаптации, производственных мастерских исправительных учреждений, на предприятиях исправительных учреждений, организациях иных форм собственности на территории уголовно-исполнительного учреждения или вне его территории. Прямое толкование данной нормы не позволяет определить, кто выступает в качестве работодателя. В науке трудового права высказаны различные точки зрения по данному вопросу. Анализ уголовно-исполнительного законодательства свидетельствует, что ключевую роль в организации труда осужденных играет исправительное учреждение в лице начальника. Но статус начальника исправительного учреждения двойственен: с одной стороны, он выступает от имени работодателя в трудовых отношениях, а с другой – является основным субъектом в механизме трудовой адаптации осужденных в процессе исполнения уголовного наказания¹³. Фактически же осужденные работают в федеральных государственных унитарных предприятиях или организациях иных форм собственности, руководство которыми осуществляется иными лицами. На практике государственные унитарные предприятия уголовно-исполнительной системы со статусом самостоятельного юридического лица не имеют отдельного штатного расписания, поскольку персонал данного предприятия оформлен по штатам самих учреждений, исполняющих наказания, как работники этих учреждений, а не других самостоятельных юридических лиц – унитарных предприятий.

Опыт европейских стран свидетельствует о том, что осужденные могут трудиться не только на государственных, но и на частных предпри-

ятях с условием надлежащего контроля за их деятельностью. Например, в ФРГ уголовно-исполнительные учреждения организуют работу в автомастерских, слесарное и столярное дело, пошив одежды, изготовление и ремонт обуви, сельскохозяйственные работы. Кроме того, осужденные привлекаются к вспомогательному обслуживанию собственных нужд уголовно-исполнительного учреждения. При работе на коммерческих предприятиях организация труда возложена на работодателя, при этом, как отмечает А.Н. Бурцев, между осужденным и коммерческим предприятием при учреждении не возникает трудовых отношений, так как сохраняются публичные отношения между учреждением УИС и коммерческой организацией¹⁴. В то же время осужденные, которым устанавливается более мягкий режим содержания, могут заключать трудовые договоры на работу вне исполнительного учреждения, поэтому на их труд распространяет свое действие исключительно трудовое законодательство¹⁵.

На наш взгляд, определение статуса работодателя напрямую зависит от вопроса, какой характер носят трудовые отношения с осужденными – частно- или публично-правовой. Действующее уголовно-исполнительное законодательство не дает прямого ответа на данный вопрос. Такие условия труда, как рабочее время, оплата, охрана труда, социальное страхование, регулируются трудовым законодательством, а дисциплинарная и материальная ответственность, время отдыха, основания и размер удержаний из заработной платы – УИК РФ. Учитывая, что ТК РФ не содержит никаких норм относительно труда осужденных лиц, то основой регулирования труда осужденных сегодня является уголовно-исполнительный закон, а трудовое законодательство применяется subsidiarily. На наш взгляд, subsidiarily действие ТК РФ необходимо устранить и предусмотреть, что труд осужденных с учетом определенных особенностей должен быть урегулирован ТК РФ в виде отдельной главы¹⁶.

О том, что осужденный, привлекаемый к труду, является работником, свидетельствует и необходимость их социального страхования. В соответствии с требованиями п. 1 ст. 5 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний»¹⁷ обязательному социальному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний подлежат физические лица, осужденные к лишению свободы и привлекаемые к труду страхователем. Более подробно вопросы обеспечения пособиями по социальному страхованию урегулированы различными подзаконными актами. В частности, Постановлением Правительства РФ от 15 октября 2001 г. № 727 (ред. от 25.07.2007) «О порядке обеспечения пособиями по обязательному государственному страхова-

нию осужденных к лишению свободы лиц, привлекаемых к оплачиваемому труду»¹⁸.

Поскольку ни ТК РФ, ни УИК РФ не содержат комплексной регламентации труда осужденных, то при его организации не стоит забывать про Минимальные стандартные правила обращения с заключенными¹⁹. Организация труда осужденных предусматривается в п. 71–76 этих правил. К числу важнейших минимальных стандартов относятся следующие:

- труд осужденных не должен приносить им психических и физических страданий;
- нормальная продолжительность рабочего времени;
- возможность выбора работы с учетом квалификации осужденных;
- организация труда заключенных возложена на администрацию тюрем;
- охрана труда заключенных;
- получение вознаграждения за труд²⁰.

Прием на работу осужденного оформляется приказом начальника исправительного учреждения.

Основным документом о трудовой деятельности и трудовом стаже работника является трудовая книжка (ст. 66 ТК РФ).

Так как в УИК РФ ничего по поводу трудовых книжек не сказано, необходимо руководствоваться ТК РФ. Ведомственными актами устанавливается, что документом, подтверждающим время работы осужденного в местах лишения свободы, является трудовая книжка, а при ее отсутствии – справка, выдаваемая администрацией исправительного учреждения. Таким образом, вопреки законодательному регулированию подзаконным ведомственным актом установлен еще один вид документа, подтверждающий стаж, – справка. Сведения в трудовую книжку осужденного заносятся только при его освобождении. В случае же перевода из одного учреждения в другое отметка делается только в карте учета рабочего времени, которая ведется соответствующим работником учреждения.

На наш взгляд, противоречие между ТК РФ и ведомственными актами необходимо устранить в пользу ТК РФ.

На практике часто не соблюдается не только прием осужденных на работу, но и их увольнение. На наш взгляд, при увольнении осужденных необходимо руководствоваться основаниями прекращения трудового договора, предусмотренными ТК РФ. Правда, не все из общих оснований прекращения трудового договора могут быть применены к его расторжению с осужденными. Например, не подлежат применению основания, предусмотренные п. 4 ч. 1 ст. 81, п. «в» п. 6 ч. 1 ст. 81, п. 7 ч. 1 ст. 81, п. 8 ч. 1 ст. 81, п. 9 ч. 1 ст. 81, п. 10 ч. 1 ст. 81, п. 11 ч. 1 ст. 81, п. 13 ч. 1 ст. 81, п. 1 ст. 83, п. 2 ст. 83, п. 3 ст. 83, п. 8 ст. 83, п. 9 ст. 83, п. 10 ст. 83, п. 11 ст. 83, п. 12 ст. 83 ТК РФ. Вместе с тем законодательно должны быть закреплены дополнительные основания прекращения трудового договора с осужденными.

В частности, к ним могут быть отнесены условно-досрочное освобождение, освобождение из исправительного учреждения в связи с концом срока наказания, помилованием, амнистией, заменой неотбытой части наказания более мягким видом наказания.

Согласно ч. 1 ст. 104 УИК РФ продолжительность рабочего времени осужденных к лишению свободы устанавливается трудовым законодательством. Режим рабочего времени определяется начальником исправительного учреждения по согласованию с администрацией предприятия, где работает осужденный. Допускается суммированный учет рабочего времени. ТК РФ и УИК РФ предусматривают, что учет рабочего времени возложен на работодателя, то есть на администрацию исправительного учреждения. Время привлечения осужденного к оплачиваемому труду засчитывается в общий трудовой стаж. Порядок учета времени работы осужденных в период отбывания наказания в виде лишения свободы, засчитываемого в общий трудовой стаж, утвержден Минсоцзащиты России²¹. В общий трудовой стаж включается фактически проработанное время при выполнении трудовых заданий и добросовестном отношении к труду. Особенностью труда осужденных является то, что при злостном уклонении осужденного от выполнения работы данный период исключается из общего трудового стажа по решению администрации исправительного учреждения. В частности, речь идет о систематическом уклонении или отказе (два и более раза в течение месяца) осужденного от выполнения трудовых заданий или прогула.

Сведения о фактически проработанном времени в течение календарного месяца, уровне выполнения норм труда и средней заработной плате подлежат занесению в карту учета. При этапировании осужденного в другие учреждения карта учета включается в перечень документов, находящихся в личном деле осужденного. При прибытии осужденного в другое исправительное учреждение заводится новая карта учета.

Работник-осужденный имеет право на ежегодный оплачиваемый отпуск, но в отличие от ст. 115 ТК РФ продолжительность отпуска сокращена и подлежит исчислению в рабочих, а не календарных днях. Для отбывающих лишения свободы в воспитательных колониях отпуск составляет 18 рабочих дней, в иных исправительных учреждениях – 12. Возможно предоставление удлиненного отпуска (до 18 дней) осужденным, перевыполнившим нормы труда, работающим на тяжелых работах, работах с вредными и опасными условиями труда, лицам, работающим в условиях Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, работающим инвалидам, пенсионерам, а несовершеннолетним работникам – до 24 дней (ст. 104 ТК РФ).

Общей для всех осужденных является обязанность работать без прекращения работы для разрешения трудовых конфликтов и без забас-

товок (ч. 6 ст. 103 УИК РФ). На наш взгляд, необходимо разграничить понятия «забастовка» и «отказ от продолжения работы». Согласно ТК РФ забастовка – это способ разрешения коллективных трудовых споров, а отказ от работы – это способ самозащиты трудовых прав. Формы самозащиты указаны в ст. 379 ТК РФ. Осужденным лицам запрещены как отказ от работы, так и организация и проведение забастовок. По объективным причинам забастовка в условиях исправительного учреждения недопустима. Однако возможна ситуация, когда работа представляет опасность для их жизни и здоровья. Тогда отказ от исполнения трудовых обязанностей не может быть признан незаконным. Согласно же УИК РФ отказ от работы является нарушением дисциплины, за которое осужденный может быть привлечен к ответственности. По мнению А. Губенко, «данное положение следует признать неконституционным»²². Разделяя представленную точку зрения, полагаем, что в действующем законодательстве должно быть предусмотрено право осужденных на прекращение работы в условиях, угрожающих их жизни и здоровью.

Обладает определенной спецификой и оплата труда осужденных. Так, в ст. 105 УИК РФ лишь провозглашено право всех осужденных на оплату труда, а в остальном норма носит бланкетный характер. Статья 2 ТК РФ гласит, что обеспечение права каждого работника на своевременную и в полном размере выплату справедливой заработной платы, обеспечивающей достойное человека существование для него самого и его семьи, и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда является одним из принципов трудового законодательства. Корреспондирует этой норме и ч. 2 ст. 105 УИК РФ. Вместе с тем оплата труда осужденных и в Российской Федерации, и за рубежом вызывает немало вопросов.

В европейских странах оплата труда зависит от типа уголовно-исполнительного учреждения, в котором содержится заключенный. Так, в открытых тюрьмах оплата труда соответствует оплате обычных работников, в закрытых тюрьмах оплата труда значительно ниже. Применяется либо повременная, либо сдельная оплата труда.

До последнего времени в отдельных европейских странах вопрос об оплате труда осужденных являлся дискуссионным. Так, в ФРГ осужденные, работающие на предприятиях исправительного учреждения или коммерческих предприятиях при учреждениях, получали до 2000 г. заработную плату в размере 5% от оплаты труда обычного работника. Решением Федерального конституционного суда 1 июля 2000 г. нормы УИЗ ФРГ, фиксирующие оплату труда в размере 5%, признаны не соответствующими Основному закону ФРГ²³. В настоящее время оплата труда заключенных в ФРГ составляет 9%. В Финляндии труд осужденных в закрытых тюрьмах оценивается незначительной строго фик-

сированной суммой, но с нее не удерживаются налоги²⁴. В Швеции размер оплаты труда заключенных определяется Правительством страны. В Норвегии администрация тюрьмы устанавливает минимальный и максимальный размеры оплаты труда. В Италии оплата труда осужденных составляет 2/3 тарифа обычных работников²⁵. В открытых заведениях Финляндии заключенные получают зарплату, сравнимую с денежным вознаграждением за выполнение аналогичной работы на свободе с соответствующим вычитанием налогов (до 30%). В закрытых тюрьмах зарплата осужденных составляет около 1/10 зарплаты заключенных в открытых учреждениях, и в этом случае налоги не вычитаются²⁶. В ряде стран (Швеция, ФРГ) предусмотрена оплата вынужденного простоя. Если осужденный выполняет работы, сопряженные с тяжелыми или вредными условиями труда, то ему выплачиваются определенные законом доплаты.

В Российской Федерации на протяжении всего периода существования труда в местах лишения свободы заработок осужденных остается чрезвычайно низким. Как отмечает А.В. Кисляков, значительная часть осужденных хочет трудиться, но отрицательное отношение к труду часто бывает связано с вынужденностью труда, отсутствием интереса к конкретному виду трудовой деятельности и неудовлетворенностью системой оплаты труда²⁷.

Система оплаты труда осужденных может быть сдельной и повременной. При начислении заработка осужденным учитываются все виды дополнительной оплаты труда, установленные для работников соответствующих отраслей хозяйства, за исключением дополнительной оплаты за выслугу лет и отдаленность. На осужденных в полном объеме распространяется премиальная система. Нормы и расценки оплаты труда, действующие на предприятиях, распространяются и на осужденных.

Определение размера оплаты труда осужденных при неполном рабочем дне или неполной рабочей неделе производится пропорционально отработанному ими времени или в зависимости от выработки (ч. 3 ст. 105 УИК РФ).

За время простоя, происшедшего не по вине осужденного, заработок начисляется за фактически выполненную работу. Следовательно, в отличие от ст. 157 ТК РФ время простоя по вине работодателя не оплачивается. Полагаем, что время вынужденного простоя по вине работодателя должно оплачиваться по нормам ТК РФ.

Заработную плату осужденного необходимо отличать от реальной суммы денег, которая зачисляется ему на лицевой счет, поскольку из нее производятся удержания для возмещения расходов по содержанию осужденного (стоимость питания, одежды и коммунально-бытовых услуг).

Основания и размер удержания из заработной платы урегулированы ст. 107 УИК РФ. В отличие от ст. 138 ТК РФ, предусматривающей

максимальный размер удержания – 70% от заработной платы, на лицевой счет осужденного должно быть зачислено не менее 25% его заработка, а отдельным категориям работников (работающим пенсионерам по возрасту, работающим инвалидам, несовершеннолетним, беременным женщинам, женщинам, имеющим детей в домах ребенка исправительного учреждения) – не менее 50%.

За рубежом, как и в Российской Федерации, из заработной платы осужденных, как правило, вычитаются расходы на содержание и возмещение причиненного вреда. Возможно ограничение размера удержания. Так, в Италии оно составляет не более 2/5 всей заработной платы. Остальные деньги заключенный вправе расходовать на личные нужды. Во Франции, например, 1/4 часть заработной платы направляется в резервный фонд, средства которого передаются осужденному при его освобождении, а 1/4 – в гарантийный фонд, из которого покрываются штрафы и судебные издержки²⁸.

В России последовательность возмещения осужденными расходов по их содержанию принципиально отличается от порядка удержания из заработка и иных доходов осужденных, установленных ранее. В настоящее время возмещение осужденными расходов по их содержанию производится после удержания алиментов, подоходного налога и других обязательных отчислений.

Стоимость питания осужденных исчисляется по ценам за фактически предоставленное питание в данном исправительном учреждении за истекший месяц в расчете на одного осужденного.

В случае недостаточности заработной платы и пенсии или их отсутствия в данном месяце для полного удержания стоимости вещевого имущества и специальных медикаментов с осужденных образовавшаяся задолженность удерживается в последующие месяцы до полного ее погашения. Не удержанная полностью в данном месяце стоимость питания и коммунально-бытовых услуг в последующие месяцы не взыскивается.

Н.Н. Дерюга и А.Я. Петров считают, что, если будет задействован такой механизм взысканий, всякая зарплата будет сведена к минимуму²⁹. Таким образом, на наш взгляд, необходимо законодательно изменить максимальный размер удержаний и предусмотреть его на уровне ТК РФ (до 70%), а отдельным категориям осужденных, предусмотренных ч. 3 ст. 107 УИК РФ, сохранить прежний максимальный размер удержаний – до 50%.

УИК РФ в отличие от ТК РФ предусматривает возможность привлечения осужденных к работам без оплаты труда. Осужденные могут привлекаться к работам по благоустройству исправительных учреждений и прилегающих к ним территорий. Определенные категории осужденных привлекаются только с их согласия

(ч. 2 ст. 106 ТК РФ). В течение недели продолжительность таких работ не может превышать двух часов. Однако по письменному заявлению осужденного или при необходимости по решению начальника учреждения продолжительность работ может быть увеличена.

Данная норма законодательно-исполнительного законодательства вызывает определенные сомнения. Во-первых, действующее законодательство не определяет перечень работ по благоустройству исправительных учреждений и прилегающих к ним территорий. Поэтому вполне возможно расширительное понимание данных работ, а значит, и незаконное привлечение к их осуществлению осужденных.

Во-вторых, мы разделяем мнение Ю. Александрова, который полагает, что ст. 106 УИК РФ необходимо изложить так, чтобы бесплатные виды работ можно было осуществлять только по желанию осужденных³⁰.

В-третьих, непонятно, при каких обстоятельствах и на какой срок может быть увеличена продолжительность привлечения осужденных к данному виду работ по решению начальника учреждения. Полагаем, что данный вопрос должен быть решен законодательно.

Обладает определенной спецификой и привлечение осужденных к материальной ответственности. УИК РФ различает два вида материальной ответственности: ответственность за ущерб, причиненный при выполнении трудовых обязанностей, и ответственность за ущерб, причиненный иными действиями осужденного.

Так, материальная ответственность осужденного как стороны трудового договора урегулирована ТК РФ (ч. 1 ст. 102 УИК РФ).

По мнению И.В. Бондаренко и А.Ю. Чапышкина, «материальная ответственность побуждает осужденных трудиться так, чтобы не было порчи, утраты, уничтожения, хищения материальных ценностей. Она преследует следующие задачи: обеспечить сохранность имущества ФСИН России... воспитать у осужденного уважительное отношение к труду, способствовать укреплению трудовой дисциплины, исключить со стороны сотрудников неправомерность и необоснованность удержания сумм с осужденных за причиненный ими материальный ущерб»³¹.

Как и любых работников, осужденных можно привлечь к материальной ответственности только при наличии прямого действительного ущерба, противоправности поведения, вины, причинной связи между деянием и причиненным ущербом.

Осужденные несут как ограниченную, так и полную материальную ответственность. В любом случае осужденный обязан возместить только прямой действительный ущерб. Однако некоторые специалисты, в частности В. Бондаренко и А.Ю. Чапышкин, говорят о необходимости «изменить существующие нормы... в соответствии с которыми лицо должно нести материальную ответственность в полном объеме

причиненных убытков (действительный ущерб и упущенная выгода), если ущерб нанесен при злом характере совершенных действий»³². Авторы полагают, что «дополнение института материальной ответственности нормой такого содержания значительно повысило бы эффективность борьбы с умышленным повреждением собственности...»³³. На наш взгляд, введение данной нормы можно оценить как дискриминацию труда осужденных работников, поскольку ст. 243 ТК РФ уже предусмотрена полная материальная ответственность за умышленное причинение ущерба. При реализации данного предложения материальная ответственность работников фактически перерастает в гражданско-правовую. А УИК РФ различает эти два вида имущественной ответственности осужденных лиц. К тому же, если сумма ущерба превышает средний заработок осужденного, то взыскание производится в судебном порядке.

До принятия решения о привлечении осужденного к материальной ответственности обязательно проведение проверки, основной целью которой является определение размера ущерба, обстоятельств причинения ущерба и иных обстоятельств.

Постановление начальника исправительного учреждения может быть издано только в течение одного месяца со дня окончания проверки. Осужденный должен быть ознакомлен с решением под расписку. К сожалению, нередки случаи игнорирования норм трудового права администрацией исправительных учреждений. Так, проводимыми прокуратурой проверками было установлено, что осужденные, допустившие брак на производстве, привлекаются к материальной ответственности на основании актов о браке и издаваемых на их основании приказов начальника исправительного учреждения, сумма ущерба в которых не указана.

Не соблюдается порядок ознакомления работников-осужденных с приказами начальника исправительного учреждения о привлечении к материальной ответственности. Зачастую не учитываются требования ст. 241 и 242 ТК РФ, согласно которым работники в возрасте до 18 лет несут полную материальную ответственность лишь за умышленное причинение ущерба.

Как отмечают И.В. Бондаренко и А.Ю. Чапышкин, определенные затруднения вызывает вопрос о возмещении ущерба, если осужденный освобожден из уголовно-исполнительного учреждения. Данные авторы предлагают применять в таких ситуациях действия по аналогии с теми, которые предусмотрены ст. 248 ТК РФ, согласно которой в случае увольнения работника сумма ущерба подлежит взысканию только в судебном порядке³⁴. С данной позицией, без сомнения, можно согласиться.

Определенной спецификой обладает и привлечение к дисциплинарной ответственности осужденных за нарушение трудовой дисциплины. Анализ УИК РФ позволяет утверждать, что в

действующем законодательстве не различаются виды дисциплинарной ответственности за нарушение трудовой дисциплины и дисциплинарной ответственности за нарушение правил внутреннего распорядка исправительных учреждений. Так, ст. 115 УИК РФ предусматривает, что мерами взысканий за нарушение дисциплины являются выговор, дисциплинарный штраф до 200 руб., водворение осужденных в штрафной изолятор до 15 суток, перевод осужденных мужчин в помещения камерного типа и др. Отличается от ТК РФ и порядок привлечения осужденных к дисциплинарной ответственности (в частности, срок, в течение которого начальник учреждения привлекает к ответственности, – 10 дней).

Разделяя точку зрения А. Губенко, который полагает, что необходимо разграничивать дисциплинарную ответственность за нарушение трудовых обязанностей и дисциплинарную ответственность за нарушение режима содержания осужденных³⁵, считаем, что данное ограничение должно быть предусмотрено в УИК РФ. При привлечении осужденных к дисциплинарной ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение трудовых обязанностей без уважительных причин необходимо руководствоваться нормами ТК РФ.

Подводя итог, необходимо отметить, что труд осужденных обладает значительной спецификой. Разделяя мнение отдельных ученых, считаем, что особенности труда осужденных лиц, привлекаемых к труду, должны быть урегулированы непосредственно в ТК РФ. Это требует, во-первых, внесения изменений в ТК РФ. Во-вторых, трудовые отношения осужденных лиц должны постепенно смещаться из сферы публично-правовых отношений в частноправовую сферу. В-третьих, необходим пересмотр концепции использования труда осужденных. В частности, труд должен служить средством адаптации осужденных при освобождении. Например, этой цели можно достичь при преобразовании унитарных предприятий в центры трудовой адаптации. Это поможет, на взгляд Н.И. Гуцала, «обучить осужденных профессии, обеспечить их работой по специальности, проводить реабилитацию с осужденными»³⁶. Тем более что значительные шаги в этом направлении уже сделаны: 1 апреля 2008 г. был утвержден Приказ Минюста России «Об утверждении Примерного положения о центре трудовой адаптации осужденных или учебно-производственной (трудовой) мастерской учреждения, исполняющего уголовные наказания в виде лишения свободы, и Примерного положения о лечебно-производственной (трудовой) мастерской учреждения, исполняющего уголовные наказания в виде лишения свободы»³⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: УИК РФ от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ: Офиц. текст по состоянию на 15.03.2009 г. М., 2009.

² Шамсунов С.Х. Современные проблемы организации труда и социальной реабилитации осужденных с учетом требования международных стандартов // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2006. № 5. С. 3.

³ См.: Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 6-ФЗ, от 30.12.2008 7-ФЗ) // Российская газета. 1993. 25 дек.; 2009. 21 янв.

⁴ См.: Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. 30.12.2008) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3; 2008. № 52. Ст. 21.

⁵ Марина Е.А. Правоограничения общегражданского статуса осужденных к лишению свободы // Российский следователь. 2007. № 19. С. 32.

⁶ Губенко А. Регулирование труда осужденных к лишению свободы // Законность. 2005. № 11. С. 50.

⁷ См.: Конституции зарубежных стран: Учеб. пособие. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2003. С. 104.

⁸ Там же. С. 232.

⁹ См.: Бурцев А.Н. Правовое регулирование труда заключенных в ФРГ // Управление персоналом. 2007. № 5. С. 69.

¹⁰ См.: Гуцал Н.И. Правовое регулирование труда осужденных, отбывающих наказание в исправительных колониях: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 1.

¹¹ Утверждены Приказом Минюста России от 03.11.2005 г. № 205 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2005. № 47.

¹² См.: Губенко А. Регулирование труда осужденных к лишению свободы. С. 50.

¹³ В частности, роль начальника исправительного учреждения в механизме трудовой адаптации осужденных достаточно подробно в юридической литературе освещает профессор В.В. Шлыков (см.: Шлыков В.В. Начальник исправительного учреждения в механизме трудовой адаптации осужденных // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2007. № 5. С. 18–21).

¹⁴ См.: Бурцев А.Н. Правовое регулирование труда заключенных в ФРГ // Трудовое право. 2007. № 3. С. 89.

¹⁵ См.: Он же. Правовое регулирование труда заключенных в ФРГ // Управление персоналом. 2007. № 5. С. 70.

¹⁶ См.: Там же.

¹⁷ См.: СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3803.

¹⁸ См.: Там же. 2001. № 43. Ст. 4106; 2007. № 31. Ст. 4092.

¹⁹ См.: Советская юстиция. 1992. № 2, 3.

²⁰ См.: Вопросы тюремной политики европейских стран: Сб. материалов. Красноярск, 1997. С. 22–24.

²¹ См.: Указание Минсоцзащиты России от 2 ноября 1992 г. № 1-94-У «О порядке учета времени работы осужденных в период отбывания ими наказания в виде лишения свободы, засчитываемого в трудовой стаж» // Социальная защита. 1997. № 8.

²² Губенко А. Регулирование труда осужденных к лишению свободы. С. 50.

²³ См.: Бурцев А.Н. Правовое регулирование труда заключенных в ФРГ // Управление персоналом. 2007. № 5. С. 70.

²⁴ См.: Киреев Ю.А., Транчук Л.И., Хруев В.В. Обеспечение трудовой занятости осужденных к лишению свободы в зарубежных странах. М., 1998. С. 34.

²⁵ См.: Там же. С. 37, 61.

²⁶ См.: Багреева Н. Пенитенциарная система Финляндии // Преступление и наказание. 1995. № 8. С. 33.

²⁷ См.: Кисляков А.В. Некоторые вопросы трудовой занятости и содержания осужденных в исправительных учреждениях. М., 2005. С. 183.

²⁸ См.: Киреев Ю.А., Транчук Л.И., Хруев В.В. Обеспечение трудовой занятости осужденных к лишению свободы в зарубежных странах. С. 54–55.

²⁹ См.: Дерюга Н.Н., Петров А.Я. Принцип обязательности труда для осужденных и его развитие в Уголовно-исполнительном кодексе России // Государство и право. 1998. № 4. С. 84.

³⁰ См.: Александров Ю. Плюсы и минусы Уголовно-исполнительного кодекса РФ. М., 2007. С. 10.

³¹ Бондаренко И.В., Чапышкин А.Ю. Материальная ответственность осужденных // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2005. № 4. С. 40.

³² Там же. С. 42.

³³ Там же.

³⁴ См.: Там же. С. 46.

³⁵ См.: Губенко А. Регулирование труда осужденных к лишению свободы. С. 50; Он же. Дисциплина труда и материальная ответственность лиц, осужденных к лишению свободы // Законность. 1996. № 12. С. 12–13.

³⁶ Гуцал Н.И. От ГУПов – к центрам трудовой реабилитации // Преступление и наказание. 2004. № 4. С. 6–8.

³⁷ См.: Российская газета. 2008. 16 апреля.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Служебные карьеры чиновников тюремного ведомства в Вологодской губернии в конце XIX – начале XX вв.

А.А. ЖЕЛТОВ – доцент кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук

Источники конца XIX – начала XX вв. дают обширный материал по развитию служебных карьер чиновников тюремного ведомства в Вологодской губернии. В качестве таких источников могут выступать формулярные списки, сохранившиеся в архивных фондах соответствующих учреждений; приказы о назначениях, опубликованные в Журнале министерства юстиции; списки пребывающих в должностях, публиковавшиеся в памятных книжках и адрес-календарях Вологодской губернии; отчеты губернской тюремной инспекции и циркуляры тюремного инспектора.

К категории чиновников следует отнести лиц, имеющих классный чин или занимающих должность, предусматривающую получение классного чина начальников уездных тюрем, начальников и помощников начальника губернской и временно-каторжной тюрьмы, чинов губернской тюремной инспекции, помощников делопроизводителей.

Развитие служебных карьер демонстрирует механизм функционирования государственно-бюрократической системы в поздний период Российской империи, социальную структуру российского общества, особенности социальной мобильности, например, влияние социального происхождения, образования, профессионального опыта на уровень занимаемых должностей.

Социальное происхождение «из низов», как свидетельствуют материалы начала XX в., не являлось помехой к занятию чиновничьих должностей и получению классных чинов. Например, в 1912 г. происхождение «из крестьян» отмечалось у исполняющего обязанности помощника делопроизводителя губернской тюремной инспекции губернского секретаря Николая Павловича Серкова (35 лет, стаж государственной службы – 7 лет); исправляющего должность начальника временно-каторжной тюрьмы губернского секретаря Петра Ивановича Иванова (49

лет, стаж госслужбы – 17 лет); губернского секретаря Петра Ивановича Панкратова (30 лет, стаж госслужбы – 9 лет); помощника начальника губернской тюрьмы Казимира Владиславовича Маевского (21 год, стаж госслужбы – 3 года); начальника Кадниковской губернского секретаря Михаила Степановича Меркурьева (41 год, стаж госслужбы – 13 лет); исправляющего должность начальника Устьсысольской тюрьмы коллежского регистратора Павла Васильевича Колотова (37 лет, стаж госслужбы – 16 лет); исправляющего должность начальника Яренской тюрьмы коллежского регистратора Семена Константиновича Попова (стаж госслужбы – 8 лет). Некоторые чиновники были выходцами из среды мещан и духовенства. Из девяти начальников уездных тюрем лишь один был «потомственным дворянином» – начальник Вельской тюрьмы губернский секретарь Григорий Сергеевич Шугуров. Еще двое чиновников происходили «из потомственных почетных граждан», один – «из почетных граждан»¹.

Образование было более значимым фактором в плане карьерного роста и продвижения по службе, чем социальное происхождение. Начальники уездных и губернских тюрем, как правило, имели среднее образование – городское (реальное) или сельское (народное) училище, реже – домашнее образование. В последнем случае требовалась сдача экзамена на классный чин. Для лиц, занимавших высокие места в служебной иерархии, предпочтительнее было университетское образование, в особенности высшее юридическое.

В этом отношении показателен пример первого тюремного инспектора Вологодской губернии А. Ефимова. Первоначально он имел классный чин существенно ниже, чем у некоторых подчиненных. Однако благодаря окончанию курса юридических наук (с дипломом 1-й степени) в Императорском университете Св. Владимира в Киеве А. Ефимов получил чин

титularного советника (IX класса) (и это при стаже службы 4,5 года!)².

По существовавшим тогда правилам в случае неоконченного образования необходимо было сдать экзамен на первый классный чин. Поэтому чиновники (служащие) могли десятилетиями нести службу, занимая при этом довольно высокие должности, но не иметь классного чина. Примером тому может стать история службы дворянина Евгения Ивановича Грекова – начальника Вологодской губернской тюрьмы в 1897–1898 гг. Начав службу в 1866 г. канцелярским служащим, свой первый классный чин он получил лишь в 1880 г. (сразу после испытания на чин), занимая до этого в течение шести лет должность пристава в различных полицейских управлениях Уфимской губернии³. Помощник Е.И. Грекова на должности начальника тюрьмы Николай Вячеславович Гантимуров, родом из «обер-офицерских детей», свой первый чин аналогично описанному выше получил только через 20 лет после начала службы в различных ведомствах⁴.

Отсутствие образования и сдачи экзамена на классный чин являлось препятствием для присвоения его вне зависимости от срока службы, должности и сословного происхождения. В 1912 г. не имел чина происходивший из потомственных дворян Михаил Станиславович Пашков, несмотря на шестилетний стаж на государственной службе и довольно высокую занимаемую должность (секретаря при тюремном инспекторе). В это же время без классного чина оставались начальники уездных тюрем К.В. Маевский и И.К. Акимцев⁵.

Окончившие высшие учебные заведения, например Имперское училище правоведения, причислялись к Министерству юстиции с чинами IX, X и XII классов⁶.

Вне зависимости от срока службы и занимаемой должности первым в гражданской службе (к которой относились служащие тюремного ведомства и полиции) присваивался самый низкий классный чин – коллежского регистратора, соответствующий XIV классу (или прапорщику среди военных чинов). Следующим был чин XII класса – губернский секретарь (соответствовавший поручику в армии), за отсутствием чинов XIII класса. При большом сроке службы его давали вскоре после первого (через несколько месяцев). В 1916 г. чиновникам, длительное время находившимся на службе, стали сразу присваивать чин губернского секретаря. Все последующие классные чины присваивались с интервалом ровно в три года.

В начале XX в. для начальников вологодских уездных тюрем формально наивысшим являлся VIII класс (соответствующий военному званию майора), а для начальников губернской тюрьмы – VI класс (аналог полковника). Однако на практике в 1880–1890-е гг. многие начальники

уездных тюрем, исполняя эту должность, получили ранг надворного советника, относившийся к VII классу (приравнивался к армейскому званию подполковника). Примерами достижения классного чина выше должности являются служебные карьеры начальника Устюгской уездной тюрьмы П.С. Прахова, начальника Сольвычегодской уездной тюрьмы Ф.М. Понамарева, начальника Тотемской уездной тюрьмы И.П. Сентянина, начальника Устьсысольской уездной тюрьмы П.И. Боброва. Все они получили чин надворного советника⁷.

Карьера чиновников тюремного ведомства не была однолинейной – большинство из них начали службу в гражданских ведомствах или армии. Так, из 23 чиновников Вологодской губернской тюремной инспекции, занимавших классные должности, лишь трое не состояли ранее на государственной службе в других учреждениях. Чиновники могли переходить из одного ведомства в другое по собственному желанию или переводились (перемещались) на новую работу распоряжением начальства. Наиболее часто на работу в тюремную систему переходили из Министерства внутренних дел и Министерства юстиции.

В середине XIX в. среди начальников тюремных замков было много бывших военных. Например, Вологодскую губернскую тюрьму в 1860–1868 гг. поочередно возглавляли отставные майоры И.В. Исаков, П.А. Фарсов, К.М. Шипунов. Грязовецким уездным тюремным замком в 1854–1863 гг. заведовал поручик Д.О. Тюманов, которого в 1867–1868 гг. сменил подпоручик Н.С. Кожухов. Устюгский и Никольский тюремные замки в 1854 г. возглавлялись штабс-капитаном Н.А. Подосеновым и прапорщиком С.И. Куликовым⁸. Впрочем, уже с 70-х гг. XIX в. военные не фигурируют среди начальников как уездных, так и губернских тюрем. Исключением здесь является назначение на должность начальника губернской тюрьмы в 1915 г. подполковника Г.А. Синявского.

На должности в тюремные учреждения перемещались также чиновники из канцелярии губернского правления. В частности, помощник начальника Вологодской губернской тюрьмы Н.В. Гантимуров был перемещен на это место в октябре 1892 г. из канцелярии Вологодского губернского правления, где исполнял должность помощника делопроизводителя 1-го стола⁹. Но и здесь можно найти взаимосвязь. Именно канцелярия Вологодского губернского правления до появления в 1910 г. Вологодской губернской тюремной инспекции осуществляла надзор и руководство над пенитенциарными учреждениями губернии.

При создании Вологодской губернской тюремной инспекции значительная часть ее сотрудников – делопроизводители и их помощники – была переведена из губернского

правления, где они и прежде занимались ведением документации по тюремной части. На три главные должности в тюремной инспекции (тюремного инспектора, его помощника и секретаря) были переведены служащие из тюремных инспекций других губерний. Должности начальников губернской и временно-каторжной тюрем, как и должности тюремного инспектора, помощника тюремного инспектора и секретаря инспекции, замещались, как правило, переводом чиновников из других губерний. Этими вакансиями распоряжался центр – Министерство юстиции. Например, в 1911 г. исправляющим должность начальника Вологодской губернской тюрьмы путем перемещения был назначен титулярный советник Струтинский, до этого исправлявший должность начальника Киевской тюрьмы¹⁰.

Должности начальников уездных тюрем, помощников начальников губернской и временно-каторжной тюрем, делопроизводителей и помощников делопроизводителей в губернской тюремной инспекции перераспределялись внутри губернии с опорой на местные кадры. В некоторых случаях происходила своеобразная ротационная замена, когда начальников уездных тюрем меняли местами. Так, в 1913–1914 гг. начальники Кадниковской и Устюгской тюрем М.С. Меркурьев и А.А. Баданин меняются местами¹¹.

Последовательность должностного роста чиновников губернской тюремной инспекции выстраивается в следующую цепочку: помощник делопроизводителя – делопроизводитель – секретарь при тюремном инспекторе – помощник тюремного инспектора – инспектор. Как правило, на место начальника вновь открывшейся тюремной инспекции назначался помощник начальника другой инспекции, проработавший достаточный срок в этой должности. На должность помощника назначался или человек, прежде выполнявший обязанности секретаря инспекции, или служивший прежде на судебных должностях. Таким образом, должность секретаря при тюремном инспекторе была промежуточной, назначение на которую могло быть произведено или по усмотрению губернского начальства, или по распоряжению министерства.

Развитие служебных карьер чиновников Вологодской губернской тюремной инспекции можно проследить по приказам, публиковавшимся в Журнале министерства юстиции. В рассматриваемый период в Российской империи существовала общепринятая практика назначать на высокие чиновничьи должности в тюремном ведомстве (такие как тюремный инспектор, его помощник и секретарь) «исправляющими должность». Лишь после работы в течение одного–двух лет чиновник утверждался в этой должности.

Первым исправляющим должность тюремного инспектора в Вологодскую губернскую тюремную инспекцию был назначен с 1 августа 1910 г. титулярный советник Александр Васильевич Ефимов, работавший до этого помощником харьковского тюремного инспектора¹². Из его предшествующей служебной карьеры известно, что после окончания учебного заведения он работал младшим делопроизводителем Главного тюремного управления (ГТУ). 7 августа 1907 г. он был назначен исправляющим должность помощника уфимского губернского тюремного инспектора¹³. В 1908 г. А.В. Ефимов был утвержден в должности помощника Уфимского губернского тюремного инспектора¹⁴, а меньше чем через месяц – 12 мая 1908 г. – был перемещен на должность помощника Харьковского губернского тюремного инспектора¹⁵. 1 января 1911 г. А.В. Ефимов, возглавлявший Вологодскую губернскую тюремную инспекцию, был пожалован чином коллежского асессора. Однако после произошедшего на него 15 апреля 1911 г. покушения он подал прошение об отставке.

Исправляющим должность помощника вологодского тюремного инспектора в Вологодской губернии был назначен Сергей Константинович Богданович. 28 марта 1911 г. он был перемещен на аналогичную должность в Тамбовскую тюремную инспекцию¹⁶. Однако уехать в Тамбов не успел. После ранения А.В. Ефимова приказом вологодского губернатора М. Шрамченко от 18 апреля 1911 г. ему было поручено «временное исполнение должности Вологодского губернского тюремного инспектора»¹⁷. С.К. Богданович возглавлял тюремную инспекцию в течение трех с половиной месяцев (тогда как А.В. Ефимов числился в отпуске по болезни). В плане карьерного роста новому преемнику это пошло только на пользу. В 1912 г. С.Б. Богданович был назначен в Тамбов уже не помощником, а исправляющим должность тюремного инспектора. Оставаясь в данной должности в течение четырех лет, С.К. Богданович успел дослужиться до весьма высокого чина статского советника (V класс Табели о рангах), после чего приказом № 48 по гражданскому ведомству от 13 июня 1916 г. был назначен бессарабским губернским тюремным инспектором¹⁸.

Вторым исправляющим должность Вологодского тюремного инспектора 28 июля 1911 г. был назначен титулярный советник Евгений Иванович Абрамович, бывший до этого помощником лифляндского тюремного инспектора¹⁹. На службу в тюремное ведомство он перешел из МВД. В 1910 г. Абрамович исправлял должность советника военно-полицейского отделения Седлецкого губернского правления, а 23 августа 1910 г. был переведен на службу в Министерство юстиции и назначен исправляю-

щим должность помощника лифляндского губернского тюремного инспектора²⁰.

Е.И. Абрамович возглавлял Вологодскую губернскую тюремную инспекцию с 1911 по 1915 гг. В 1914–1915 гг. в памятных книжках Вологодской губернии он упоминается без «и. д.» (исправляющий должность) перед наименованием должности. В сентябре 1915 г. Е.И. Абрамович был перемещен на место киевского губернского тюремного инспектора, а вологодским губернским тюремным инспектором стал статский советник Николай Белим, бывший до этого херсонским губернским тюремным инспектором. Тем же приказом исправлявший должность тюремного инспектора в Эстляндской губернии А.В. Степанов переводится на аналогичную должность в Херсонскую губернию²¹. Однако к 1916 г. А.В. Степанов исправляет должность тюремного инспектора в Вологодской губернии²².

Рассмотрим служебные карьеры двух упомянутых выше чиновников более подробно. В 1906 г. коллежский асессор Н. Белим находился в должности помощника Варшавского губернского тюремного инспектора. 16 декабря 1906 г. он был назначен исправляющим должность Томского губернского тюремного инспектора²³. В январе 1908 г. исправляющий должность томского губернского тюремного инспектора Н. Белим был произведен из чина коллежского асессора в надворные советники и утвержден в исправляемой им должности²⁴. 6 июля 1909 г. он был перемещен на ту же должность в Херсонскую губернию²⁵.

В начале 1907 г. Александр Владимирович Степанов исправлял должность помощника томского губернского инспектора, но уже 12 января 1907 г. был назначен исправляющим должность помощника Варшавского губернского инспектора²⁶. Находясь на этой должности, он производится из титулярных советников в коллежские асессоры «со старшинством»²⁷. 24 апреля 1908 г. А.В. Степанов утверждается в исправляемой им должности²⁸. В 1914 г., оставаясь на должности помощника варшавского губернского тюремного инспектора, А.В. Степанов производится из чина надворного советника в коллежские советники²⁹. Наконец, 17 февраля 1914 г. чиновник назначается исправляющим должность эстляндского губернского тюремного инспектора³⁰.

В период ранения А.В. Ефимова обязанности помощника тюремного инспектора выполнял

надворный советник Александр Николаевич Селецкий. Он был переведен на эту должность с должности земского начальника 5-го участка Изюмского уезда Харьковской губернии приказом по гражданскому ведомству № 22 от 28 марта 1911 г.³¹ В дальнейшем он назначается помощником тюремного инспектора в Тамбовскую губернию, а 22 декабря 1915 г. уже в чине коллежского советника (VI класс) он был перемещен с должности помощника херсонского губернского тюремного инспектора на должность помощника псковского губернского тюремного инспектора³².

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Отчет о деятельности Вологодской губернской тюремной инспекции за 1912. Вологда, 1913. С. 68–75.

² См.: Там же.

³ См.: ГАВО. Ф. 113. Оп. 2. Д. 2. Л. 30б.

⁴ См.: Там же. Д. 1.

⁵ См.: Отчет о деятельности Вологодской губернской тюремной инспекции за 1912.

⁶ См.: Журнал министерства юстиции (далее – ЖМЮ). СПб., 1908. № 6. С. 33.

⁷ См.: Памятная книжка Вологодской губернии на 1865 и 1866 годы. Вологда, 1865; Памятная книжка Вологодской губернии на 1875 и 1876 год. Вологда, 1876; Вологодский адрес-календарь и месяцеслов на 1883 год. Вологда, 1882; Адрес-календарь Вологодской губернии на 1887 год. Вологда, 1886; Памятная книжка Вологодской губернии на 1893 и 1894 годы. Вологда, 1893.

⁸ См.: Справочная книжка для Вологодской губернии на 1854 год. Вологда, 1854; Памятные книжки Вологодской губернии на 1860, 1861, 1862 и 1863, 1867 и 1868, 1868 гг.

⁹ См.: ГАВО. Ф. 113. Оп. 2. Д. 1. Л. 10б.

¹⁰ См.: ЖМЮ. 1911. № 10. С. 27.

¹¹ См.: Памятная книжка Вологодской губернии на 1913 год. Вологда, 1913; Памятная книжка Вологодской губернии на 1915 год. Вологда, 1915; Памятная книжка Вологодской губернии на 1916 год. Вологда, 1916.

¹² См.: ЖМЮ. 1910. № 7. С. 77.

¹³ См.: Там же. 1907. № 7. С. 44.

¹⁴ См.: Там же. 1908. № 5. С. 24.

¹⁵ См.: Там же. № 6. С. 24.

¹⁶ См.: Там же. 1911. № 4. С. 31.

¹⁷ ГАВО. Ф. 111. Оп. 1. Д. 1. Л. 307.

¹⁸ См.: ЖМЮ 1916. № 7. С. 87.

¹⁹ См.: Там же. 1911. № 7. С. 113.

²⁰ См.: Там же. 1910. № 7. С. 79.

²¹ См.: Там же. 1915. № 8. С. 29.

²² См.: Памятная книжка Вологодской губернии на 1916 год. С. 75

²³ См.: ЖМЮ. 1907. № 1. С. 30.

²⁴ См.: Там же. 1908. № 1. С. 43, 48.

²⁵ См.: Там же. 1909. № 7. С. 94.

²⁶ См.: Там же. 1907. № 2. С. 22.

²⁷ Там же. 1908. № 1. С. 43. Формула «со старшинством» означала, с какого момента нужно отсчитывать пребывание в данном чине, так как приказы о назначении классного чина выходили обычно позднее. В одном приказе сразу фигурировало несколько лиц с разными датами присвоения им чинов.

²⁸ См.: Там же. 1908. № 5. С. 24.

²⁹ См.: Там же. 1914. № 1. С. 72.

³⁰ См.: Там же. 1914. № 3. С. 36.

³¹ См.: Там же. 1911. № 4. С. 31.

³² См.: Там же. 1916. № 1. С. 32.

НАШИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Проблемы формирования и реализации уголовной и уголовно-исполнительной политики в отношении несовершеннолетних

С.П. СЕРЕДА – научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук

Авторский коллектив научно-исследовательской лаборатории организационно-научного отдела с февраля 2007 г. осуществляет научное исследование проблем формирования и реализации уголовной и уголовно-исполнительной политики в отношении несовершеннолетних. В 2008 г. в рамках данной темы было проведено исследование состояния преступности несовершеннолетних в России, проблем в сфере предупреждения и профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, в сфере назначения и исполнения наказаний и иных мер воспитательного воздействия в отношении данной категории лиц.

Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие в процессе формирования и реализации уголовной и уголовно-исполнительной политики в отношении несовершеннолетних.

Основной целью исследования явилась разработка теоретико-методологических и прикладных основ современной концепции формирования и реализации уголовной и уголовно-исполнительной политики в отношении несовершеннолетних в новых условиях развития государства и общества.

В соответствии с этой целью исследование было направлено на решение таких задач, как:

- проведение научного анализа современного состояния теории и практики в области противодействия преступности несовершеннолетних;
- выявление закономерностей исторического развития государственной политики в сфере противодействия преступности несовершеннолетних в России;
- изучение состояния преступности несовершеннолетних и выявление обуславливающих ее факторов;
- анализ норм действующего уголовного, уголовно-исполнительного, уголовно-процессуального и иного законодательства, составляющих

основу уголовной и уголовно-исполнительной политики в отношении несовершеннолетних, и выявление существующих в них пробелов и противоречий;

– выработка предложений по совершенствованию нормативно-правовой базы реализации уголовной и уголовно-исполнительной политики в отношении несовершеннолетних и повышения ее эффективности, устранению пробелов в действующем законодательстве, в том числе в уголовном, уголовно-исполнительном, уголовно-процессуальном, а также в законодательстве о профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Анализ теоретических источников, законодательства, статистических и иных данных о практической деятельности в сфере реализации уголовной и уголовно-исполнительной политики в отношении несовершеннолетних, результаты анкетирования работников правоохранительных органов, в том числе сотрудников 49 воспитательных колоний, результаты анкетирования осужденных, содержащихся в Вологодской, Архангельской и Колосовской воспитательных колониях, позволили сделать определенные выводы по рассматриваемой проблеме.

В силу возрастных особенностей психического и физического развития, незавершенности процесса формирования личности несовершеннолетние в большей степени подвержены влиянию окружающей их среды, что требует особого внимания к ним со стороны государства и общества. Особый подход к несовершеннолетним должен обеспечиваться в том числе и при осуществлении уголовной политики.

Однако существующая система противодействия преступности несовершеннолетних кардинально не отличается от общей системы мер борьбы с преступностью в России. За последние 15 лет внесено более 250 изменений в нормы уголовного, уголовно-исполнительного, уголовно-процессуального и административно-

го законодательства, касающихся ответственности несовершеннолетних правонарушителей. Но это не привело к созданию особой системы мер уголовно-правового воздействия в отношении несовершеннолетних, системы ювенально-правосудия, единой системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Между тем существующее состояние преступности данной категории лиц, проблемы в сфере профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних требуют внесения изменений в законодательство и практику его применения.

Кризисные явления в жизни российского общества, несогласованность в уголовной политике в 90-х гг. прошлого столетия привели к существенным негативным изменениям в динамике преступности несовершеннолетних в России: к 2000–2001 гг. количество ежегодно совершаемых ими преступлений в два раза превышало аналогичный показатель 1991 г.

Постепенное улучшение социально-экономической ситуации, активизация государством работы по противодействию преступности привели к снижению начиная с 2002 г. общего объема преступлений, совершаемых несовершеннолетними.

В то же время уровень преступности несовершеннолетних не только не уменьшился, но и продолжает расти (с 1416 преступлений в расчете на 100 тыс. чел. в возрасте 14–17 лет в 2002 г. до 1589 в 2007 г.). Сохраняется целый ряд иных негативных тенденций, что требует адекватных мер. Однако проведенный нами анализ данных судебной практики свидетельствует о незначительных изменениях уголовной и уголовно-исполнительной политики в отношении несовершеннолетних, которая во многом еще основывается на старых представлениях карательной политики государства, хотя ее реализация не дает нужного эффекта. К несовершеннолетним осужденным в основном применяется либо условное осуждение к лишению свободы (54%), либо лишение свободы с реальным сроком отбывания наказания (21%). Поэтому необходимо констатировать, что существует потребность в совершенствовании системы наказаний и иных мер уголовно-правового воздействия в отношении несовершеннолетних, а также практики их применения.

Система наказаний, предусмотренных в отношении несовершеннолетних, не имеет качественных отличий от общей системы наказаний. Многочисленные изменения, внесенные в нормы уголовно-исполнительного законодатель-

ства, также качественно не изменили порядок и условия исполнения уголовных наказаний в отношении несовершеннолетних осужденных, не сформулирован новый взгляд на ювенальный уголовный процесс как на воспитательную и охранительную процедуру в нормах уголовно-процессуального законодательства.

С учетом отмеченных проблем в ходе проведенного научного исследования по рассматриваемой теме были сформулированы и обоснованы предложения по совершенствованию уголовного, уголовно-исполнительного, уголовно-процессуального законодательства, законодательства о профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Так, были внесены конкретные предложения по расширению перечня применяемых к несовершеннолетним видов уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы, и иных мер уголовно-правового воздействия, а также мер, альтернативных уголовной ответственности. Сформулированы предложения по внесению изменений в нормы уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства, направленные на создание в России системы ювенальной юстиции и системы пробации в отношении несовершеннолетних. Например, создание в России полноценной службы пробации возможно на базе существующих сегодня уголовно-исполнительных инспекций. Для успешной координации усилий всех субъектов профилактики беспризорности и правонарушений несовершеннолетних отмечается необходимость создания единого координирующего органа с центральным аппаратом на федеральном уровне и представительствами на уровне субъектов Федерации.

Одновременно для обеспечения единства и согласованности норм уголовного, уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального законодательства предлагается разработка и принятие концепции уголовной политики России, обязательной составной частью которой должна быть концепция уголовной политики в отношении несовершеннолетних.

Полученные результаты исследования внедрены в практику работы органов и учреждений УИС, а также в образовательный процесс ВИПЭ ФСИН России.

Авторский коллектив научно-исследовательской лаборатории организационно-научного отдела в настоящий момент продолжает работу по исследованию проблем формирования и реализации уголовной и уголовно-исполнительной политики в отношении несовершеннолетних. ■

Мониторинг состояния социальной работы с осужденными в УИС России

О.Е. КУРЕНКОВА – начальник кафедры социальной психологии и социальной работы ВМПЭ ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент

Авторский коллектив кафедры социальной психологии и социальной работы в течение двух лет осуществлял научное исследование проблем пенитенциарной социальной работы с целью выявления тенденций, характеризующих состояние функционирования социальной работы с осужденными в УИС России на современном этапе, а также определения перспектив ее дальнейшего развития.

Исследование проводилось по заявке Управления социальной, психологической и воспитательной работы ФСИН России. Финансовая поддержка осуществлялась за счет средств гранта Швейцарского управления по развитию и сотрудничеству.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что одним из основных направлений правовой реформы, осуществляемой в России, является совершенствование УИС. В рамках реформирования отечественной пенитенциарной системы особую значимость приобрела деятельность по формированию института социальной работы с осужденными, выступающего в качестве центрального объекта данного исследования.

Объектом исследования стала современная отечественная пенитенциарная социальная работа как специфическая сфера науки и практики, предметом – основные тенденции, определяющие репрезентацию уровней пенитенциарной социальной работы (социальная работа с осужденными как социокультурный институт, наука, социальная и профессиональная деятельность).

В ходе проведения исследования было необходимо:

- выделить основные особенности восприятия социальной работы с осужденными в УИС и за ее пределами, определить перечень проблем и направлений их решения;
- описать специфические особенности основных теоретических подходов, определяющих развитие пенитенциарной социальной работы как науки;
- выявить используемые в рамках пенитенциарной социальной работы способы оказания помощи различным категориям осужденных;
- охарактеризовать принципиальные подходы к организации социального образования специалистов для УИС;
- определить направления оптимизации функционирования социальной работы в отечественной пенитенциарной системе.

По результатам исследования авторским коллективом подготовлены следующие научные продукты: аналитический обзор «Состояние и развитие социальной работы в УИС», аналитическая справка «Мониторинг состояния социальной работы с осужденными в УИС», а также две серии статей.

Следует отметить, что сегодня начали формироваться научные и образовательные центры, осуществляющие исследовательские изыскания в области пенитенциарной социальной работы. Они ориентированы скорее на методическую поддержку практики оказания помощи осужденным различных категорий, ими осуществляются прикладные исследования как по заказу ФСИН России, так и по инициативе ряда неправительственных организаций.

Результаты данных исследований используются как основа для методических рекомендаций практикам в решении актуальных проблем профессиональной деятельности, при подготовке различных категорий обучающихся (в практике профессионального образования), при анализе передового опыта деятельности учреждений и специалистов ФСИН России.

Отметим, что указанные центры в основном формируются при образовательных учреждениях и используют научный потенциал их сотрудников. Среди них особо следует выделить московский (ведомственный и профессионального сообщества), рязанский, владимирский, архангельский, вологодский, томский, екатеринбургский и уральский центры.

Для определения их специфики можно использовать следующие позиции: содержание понятий, направления социальной работы, выделяемые акценты в деятельности специалистов, круг изучаемых проблем (сфера научных интересов), рекомендуемые инструменты социальной работы.

Как отдельный вид социальной деятельности пенитенциарная социальная работа в настоящее время переживает процесс институционализации и профессионализации. Вектор ее дальнейшего развития должен определяться при активной позиции практиков – специалистов в области социальной работы. Проведенное авторским коллективом мониторинговое исследование по изучению состояния развития пенитенциарной социальной работы позволило выделить следующие его тенденции:

– специалисты, непосредственно осуществляющие социальную работу с осужденными, осознают ее значимость, видят позитивные результаты своего труда, при этом они достаточно оптимистично настроены по отношению к развитию данного вида деятельности в УИС;

– эффективности деятельности специалистов в большей степени способствуют: хорошее информационно-методическое, материальное и материально-техническое обеспечение данной работы, предоставление возможностей служебного роста и получения специального образования, повышения квалификации. Кроме того, совершенствование пенитенциарной социальной работы невозможно без создания открытости ее границ, установления сотрудничества с гражданским обществом и учреждениями системы социального обслуживания населения;

– инновационная деятельность в современных условиях должна рассматриваться в качестве позитивного фактора развития УИС, в области социальной работы с осужденными внимания к новшествам проявляется достаточно много. Основными источниками инноваций выступают обмен опытом с коллегами, повышение собственной квалификации, участие в разнообразных проектах, международном сотрудничестве, интерес к инновационной деятельности администрации и самих специалистов ИУ.

На этапе становления пенитенциарной социальной работы как профессионально-общественного института многие из описанных выше трудностей имеют ситуативный характер, логичный и объяснимый. Проектная деятельность отчасти позволяет решить проблемы и

определить эффективные подходы к решению социальных проблем отдельных категорий осужденных. В процессе исследования проектной деятельности в области пенитенциарной социальной работы удалось выявить 66 проектов различной направленности. Основными направлениями реализации проектов помимо решения задач собственно социальной помощи осужденным являются: социально-медицинская помощь; психологическая помощь осужденным, защита их прав; дополнительное образование и профессиональная подготовка осужденных; профилактика и лечение социально значимых заболеваний и всех видов зависимостей в ИУ; содействие реализации судебной реформы; культурно-просветительская работа с осужденными; исследовательская деятельность.

При рассмотрении специфики пенитенциарной социальной работы как отрасли профессиональной деятельности особое внимание было уделено уточнению границ профессиональной компетенции специалиста, определению перечня профессиональных компетенций, формулированию основных образовательных акцентов и построению системы условий, при которых система профессиональной подготовки специалистов по социальной работе УИС будет функционировать эффективно.

В настоящее время авторский коллектив продолжает научно-исследовательскую работу в области пенитенциарной социальной работы с целью изучения актуальных проблем деятельности специалистов и формирования ее технологического обеспечения.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Конкурсы научных работ

П.В. ГОЛОДОВ – начальник организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат экономических наук

Конкурс научных работ профессорско-преподавательского состава института

С ноября 2008 г. по январь 2009 г. в институте проводился конкурс на лучшую научную работу среди профессорско-преподавательского состава. На конкурс было представлено 25 научных работ. Итоги конкурса были подведены 8 февраля 2009 г. на торжественном мероприятии, посвященном Дню российской науки.

Все научные работы, участвовавшие в конкурсе, получили высокую оценку членов конкурсной комиссии.

Первое место в конкурсе не было присуждено ни одной из научных работ.

Второе место в конкурсе занял авторский коллектив в составе Бондаренко Сергея Яковлевича, Малахова Родиона Александровича и Перебинос Юлии Александровны с монографией «Провинциальное чиновничество на Европейском Севере России в 1918 – начале 1950-х годов». Монография подготовлена на основе кандидатских диссертаций авторов под руководством заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора исторических наук, профессора Михаила Алексеевича Безнина. В работе раскрываются вопросы, связанные со становлением в Советской России местных органов власти, реализацией кадровой политики центра, составом регионального чиновничества, характером его деятельности и др. Монография предназначена для преподавателей, студентов, курсантов, всех интересующихся эволюцией системы власти и чиновничества Советского государства.

Третье место в конкурсе заняли монографии Уховой Елены Викторовны «Институт частного обвинения в уголовном судопроизводстве» и Боровикова Сергея Андреевича «Принудительные меры воспитательного воздействия как альтернатива наказанию несовершеннолетних».

В монографии Е.В. Уховой представлен анализ института частного обвинения в уголовном судопроизводстве. Автор обращает особое внимание на понятие, содержание, значение и место института частного обвинения в уголовно-

процессуальном праве. В работе исследованы особенности производства по делам частного обвинения в уголовном процессе России и в отдельных зарубежных странах. С учетом этого вносятся предложения по дальнейшему совершенствованию уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики. Монография может быть использована научными работниками, аспирантами, студентами и слушателями юридических факультетов и вузов при изучении Особенной части уголовного процесса.

В монографии Боровикова С.А. рассматриваются понятие принудительных мер воспитательного воздействия, их правовая природа и место в общей структуре мер уголовно-правового характера. Дается уголовно-правовой анализ помещения несовершеннолетних в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа органа управления образованием как разновидности принудительных мер воспитательного воздействия, его содержание и место, изучаются правовые последствия нарушения несовершеннолетним порядка пребывания в специальном учебно-воспитательном учреждении. Значительное внимание в работе уделяется изучению состояния нормативной базы и судебной практики по вопросам назначения принудительных мер воспитательного воздействия. Исследованы отдельные проблемы исполнения данных мер, связанные с фактическим отсутствием нормативной базы, регламентирующей порядок их исполнения, и государственного специализированного органа, осуществляющего контроль за их исполнением. Работа рассчитана на судей, научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов.

Лучшей научной работой в номинации «Совершенствование образовательного процесса» стало учебное пособие Белова Олега Александровича «Криминалистическая регистрация: история, современное состояние и перспективы развития». В учебном пособии рассматриваются теоретические основы и история становления криминалистической регистрации, современное состояние системы криминалистических

учетов органов внутренних дел и перспективы ее развития. Пособие подготовлено на основе действующего законодательства, регламентирующего деятельность правоохранительных органов по организации формирования и ведения оперативно-справочных, криминалистических и розыскных учетов. Учебному пособию присвоен гриф УМО Минобрнауки России, пособие предназначено для курсантов, слушателей, студентов высших образовательных учреждений юридического профиля, адъюнктов, аспирантов, преподавателей, практических работников органов дознания и следствия, а также всех тех, кто интересуется проблемами криминалистической регистрации.

Лучшей научной работой в номинации «Совершенствование практической деятельности УИС» стала работа авторского коллектива в составе Штефана Евгения Фаддеевича и Колесниковой Зои Анатольевны «*Психокоррекционная программа по снижению агрессивности у лиц, осужденных за насильственные преступления к наказаниям, не связанным с лишением свободы*». Программа предназначена для снижения агрессивности и выработки уверенных форм межличностного взаимодействия у лиц, осужденных за насильственные преступления к наказаниям, не связанным с лишением свободы.

Конкурс научных работ курсантов, студентов и слушателей института

В период с февраля по март 2009 г. в институте проведен конкурс на лучшую научную работу среди курсантов, студентов и слушателей. На конкурс были представлены 32 научные работы. Все работы, участвовавшие в конкурсе, получили высокую оценку членов конкурсной комиссии.

Победу в конкурсе одержала курсант 5 курса юридического факультета Копылова Ольга Николаевна с работой «*Проблемы и перспективы развития ювенальной юстиции в России*». В научной работе освещаются теоретико-исторические вопросы становления ювенальной юстиции, ее понятие и сущность. Исследуется зарубежный и отечественный опыт становления института ювенальной юстиции. Рассматриваются правовые и организационные аспекты защиты прав и свобод несовершеннолетних в современной России. Анализируется опыт внедрения ювенальных технологий в некоторых регионах России и дальнейшие перспективы развития ювенальной юстиции как правовой основы социальной политики в отношении несовершеннолетних. В работе приведены и изучены статистические данные, характеризующие направления деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав. В целом автор указывает на необходимость комплексного подхода в становлении института ювенальной юстиции в России, который должен решать вопросы не только специализации судов, но и вопросы осуществления профилактики подро-

стковых правонарушений, а также реабилитации в отношении несовершеннолетних правонарушителей и подростков, попавших в трудную жизненную ситуацию.

Второе место в конкурсе заняли курсант 3 курса юридического факультета Петровых Яна Владимировна, написавшая работу «*Коррупция в образовательной системе Российской Федерации*», и студент 4 курса факультета внебюджетного образования Зимина Анастасия Вадимовна с работой «*Механизм реализации прав и законных интересов осужденных в исполнительном производстве по уголовным делам (по материалам Вологодской области)*».

Научная работа Я.В. Петровых посвящена исследованию понятия коррупции, ее негативной роли в системе образования. Особое внимание уделено определению средств и способов преодоления влияния коррупции в сфере образования. Автором представлены предложения по предупреждению коррупционных проявлений в деятельности образовательных учреждений. Работа содержит интересные примеры из судебной практики, приводятся результаты зарубежных исследований по данному вопросу, а также предложения по внесению изменений в уголовное и гражданское законодательство.

В работе А.В. Зиминной проанализированы права и законные интересы осужденных в исполнительном производстве по уголовным делам, намечены основные закономерности развития общественных отношений в данной сфере, выработаны определенные предложения по совершенствованию законодательного регулирования данных вопросов. Оценивая необходимость гуманизации уголовной политики, исполнения уголовных наказаний, автор обращает внимание на права осужденных и проблемы, с которыми они сталкиваются при реализации данных прав в исполнительном производстве по уголовным делам, также анализирует проблемы судебного реформирования, так как это в определенной сфере оказывает влияние на справедливую реализацию указанных прав осужденными.

Третье место присуждено курсанту 5 курса юридического факультета Паканичу Сергею Ивановичу за работу «*О компетенции Минюста России в сфере исполнения уголовных наказаний*». В конкурсной работе раскрывается содержание компетенции Минюста России в сфере исполнения уголовных наказаний на основе исторического анализа становления министерства, оценки подзаконных актов как источников уголовно-исполнительного законодательства и исследования проблем их соотношения в правоприменительной деятельности. Работа содержит предложения по изменению отраслевого законодательства и подзаконных актов, повышению эффективности нормотворческой деятельности Минюста России, разграничению полномочий между министерством и Федеральной службой исполнения наказаний.

РЕЦЕНЗИИ

**Рецензия на книгу
“Великая война: Великая
Победа и Великая Трагедия:
Доклады всероссийской научной
конференции (23–24 апреля
2005 года)”**

В.Б. КОНАСОВ – профессор кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, доктор исторических наук;

А.Л. КУЗЬМИНЫХ – доцент кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук

О Второй мировой войне и Великой Отечественной войне как ее составляющей написаны десятки тысяч книг. Однако, как это не парадоксально, история этого крупнейшего в истории человечества военного конфликта до сих пор остается во многом войной неизвестной, скрытой под напластованиями пропаганды, стереотипов, литературно-художественного вымысла. Любой автор, стремящийся приблизиться к пониманию подлинной сути событий тех лет, поневоле оказывается под давлением мощных архетипов коллективного бессознательного, формировавшихся на протяжении послевоенных десятилетий. Кроме того, чрезвычайно сложно проанализировать все аспекты военной действительности, чтобы составить целостную картину событий тех лет. Поэтому попытка взглянуть на войну с позиций авторского коллектива, включающего в себя специалистов разных областей научного знания, начиная с военных юристов и заканчивая психологами, заслуживает внимания.

Материал книги, представленный 40 статьями, авторами которых являются как известные, так и начинающие российские и зарубежные исследователи, можно условно разделить на несколько крупных блоков: «Подготовка СССР и Германии к войне», «Военная дипломатия», «Военная экономика и тыл в годы войны», «Пропаганда и искусство военных лет», «Партизанское движение и проблема коллаборационизма», «Судьбы военнопленных и депортированных» и ряд других.

Остановимся на наиболее значимых и дискуссионных статьях рецензируемого сборника. К какой войне готовился СССР накануне 22 июня 1941 года? Какие политические дивиденды надеялся получить И.В. Сталин от участия в этой войне? На эти вопросы попытался ответить доктор политических наук С.В. Мокшин в статье «Советская военная пропаганда накануне Великой Отечественной войны». Проанализировав тексты выступлений советского вождя весной 1941 г. и материалы политорганов РККА, автор приходит к выводу, что «миролюбивая внешняя политика СССР» являлась не более чем пропагандистской кампанией, под прикрытием которой советское руководство стремилось обеспечить наиболее благоприятные условия для «сокрушения капитализма» военным путем. Оккупация Германией большей части Европы, затяжная и бесперспективная война, рост недовольства населения оккупированных стран, распыление сил вермахта на отдельных фронтах, – все это, по мнению автора, давало советскому руководству уникальный шанс для расширения границ социализма (С. 339). И хотя данная точка зрения не является новой для российской историографии, она так или иначе заставляет историков искать ответ на принципиальный вопрос: какую роль отводило Германии сталинское руководство на грядущую перспективу – союзника или жертвы?

Большой интерес у читателя вызовет публикация кандидата юридических наук С.А. Денисова «Проявления административного характера государств в войне между Германией и СССР 1941–1945 гг.», в которой автор сравнивает сущность гитлеровского и сталинского режимов, определяя их как «административные», то есть основанные на полном подчинении общества интересам правящих элит (С. 69). Тезис о сходстве и сущности двух режимов, на наш взгляд, носит дискуссионный характер. Тенденция к расширению власти бюрократии внутри и вне государства, приводящая к милитаризации и агрессивной внешней политике, все же в большей степени присуща тоталитарным режимам. А вот с выводом автора о неизбежности военного столкновения между Германией и СССР, пожалуй, стоит согласиться.

Был ли готов СССР к началу войны? Здесь мнения авторов расходятся. Так, С.А. Денисов пишет, что в 1941 г. Красная Армия значительно уступала Германии по численности войск, была хуже подготовлена и оснащена. Нападающая сторона превосходила в живой силе в 1,8 раза, по танкам в 1,5 раз, по артиллерии – в 1,3 раза, по современным самолетам – в 3,2 раза (С. 74). В.В. Жарков и Г.А. Скипский, изучившие кадровый состав РККА накануне войны, видят главную беду в массовом уничтожении советской военной элиты в ходе репрессий 1930-х гг., что влекло за собой существенное снижение боеспособности Красной Армии (С. 97, 403).

К диаметрально противоположному выводу о готовности СССР к войне читатель приходит, ознакомившись со статьей Н.Н. Белашова «Экономические аспекты обеспечения оборонной безопасности Советского Союза накануне и в годы Великой Отечественной войны». В ней говорится, что СССР по состоянию на 22 июня 1941 г. значительно превосходил Германию по количеству и качеству вооружения (танки, самолеты и т.д.), но утратил это преимущество в первые месяцы войны. Однако уже в марте 1942 г. СССР превосшел Германию по производству танков в четыре раза, по боевым самолетам в два раза, по артиллерийским орудиям и стрелковому вооружению – в три раза (С. 23). Отсюда следует закономерный вывод: залогом Победы СССР является высокая мобилизационная способность советской экономики.

В публикациях А.Р. Заеца, И.В. Ковшова, С.И. Константинова, В.С. Скрובהва показана роль Урала как мобилизационной базы советских вооруженных сил в годы Великой Отечественной войны. Историки рассматривают особенности формирования войсковых соединений на Урале, специфику оборонно-массовой работы, деятельность учебных военных заведений и т.д. В статье В.Т. Сакаева о строительстве Казанского обвода – одного из участков Волжского оборонительного рубежа, призванного остановить немецкие войска на подступах к Уральскому промышленному району, – приводятся факты о неимоверных трудностях, сопровождавших строительные работы на данном объекте. Несмотря на личный контроль со стороны наркома внутренних дел Л.П. Берии, рубеж построить в указанные сроки не удалось, что было вызвано «нехваткой материальных ресурсов и перенапряжением человеческих сил» (С. 389). Достаточно сказать, что на строительство, которое велось в зимних условиях, в порядке массовой мобилизации завозились подростки и женщины, не обеспеченные теплой одеждой, обувью, инструментом, жильем.

Помимо собственно сражений и битв, Вторая мировая война сопровождалась и острой дипломатической борьбой. В статье А.Г. Чевтаева и М.А. Фомина рассматривается деятельность стран-участниц антигитлеровской коалиции в 1942–1943 гг. по организации совместной борьбы с Германией и ее сателлитами (С. 541–554). Известно, что для СССР важнейшим пунктом переговоров в указанный период являлся вопрос об открытии второго фронта в Европе. Авторы показывают, что отношения между И. Сталиным, У. Черчиллем и Ф. Рузвельтом прошли ряд серьезных кризисов. Неоднократно Кремль с целью психологического давления на несговорчивых союзников зондировал возможность заключения мира между СССР и Германией. Исчерпав свою «германскую карту», Сталин сделал ставку на даль-

нейшее углубление сотрудничества с западными демократиями. Тем более, что с приближением окончания войны следовало задуматься о совместных принципах и основах послевоенного мироустройства.

Как показывала практика военных лет, успех той или иной боевой операции в значительной степени зависел от эффективности работы органов спецпропаганды, призванных подавить волю к сопротивлению у солдат противника. В статье Н.М. Галимуллиной «Солдаты вермахта как объект информационного воздействия» анализируется опыт пропагандистской работы на советско-германском участке фронта (С. 39–57). Автор приходит к выводу, что на протяжении 1941–1945 гг. спецпропаганда прошла значительную эволюцию, перейдя от утрированного принципа «пролетарской солидарности» к разносторонним психологическим методам воздействия на неприятеля. На смену марксистской агитации пришло обращение к национальному самосохранению в противовес катастрофической политике Гитлера. Существенно изменился и внешний вид листовок: из типографских оттисков с черно-белым текстом они превратились в яркие, цветные иллюстрированные издания, в которых текст органично дополнялся фотографиями, картами и схемами. Соглашаясь с выводами автора об очевидных успехах советской пропаганды, отметим, что, по данным опросов политорганов РККА, большинство немецких солдат попадали в русский плен убежденными нацистами. По справедливому замечанию Е.А. Бродского, материальный разгром вермахта обгонял процесс духовного прозрения большинства немецких солдат и офицеров¹. Индивидуальный пацифизм, как правило, не перерастал в активный антимилитаризм и тем более — антифашизм. Основная работа по идеологической «перековке» вражеских военнослужащих велась в лагерях военнопленных.

Задача по мобилизации соотечественников на борьбу с врагом в годы войны была поставлена перед советским искусством и литературой. В.Н. Киселев и В.А. Липатов изучили песенное творчество военных лет, впитавшее в себя мысли и переживания миллионов солдат и труженников тыла. По мнению В.А. Липатова, искусство военных лет основывалось на глубинных традициях и представлениях, лежащих в основе ментальности русского народа, которая проявляющихся особенно ярко в экстремальных жизненных ситуациях. К числу таких базовых ценностей автор относит культ родной земли («Мать сыра земля»). Именно морально-политическое единство народа, основанное на общих идеологемах, культурных ценностях и традициях, по мнению А.И. Ложкарева, стало главным фактором Победы над врагом (С. 246).

Ряд авторов касается проблемы партизанского движения в годы Великой Отечественной

войны. Так, Г.В. Чумаков дает характеристику действиям советских партизан на территории Карелии и Финляндии в 1941–1944 гг. (С. 555–571). Исследователь делает ряд принципиально важных выводов, касающихся специфики партизанской борьбы на северном участке фронта. Во-первых, главным организатором партизанского движения здесь являлись территориальные органы НКГБ-НКВД, которые осуществляли не только руководство боевой деятельностью истребительных батальонов, партизанских отрядов и диверсионных групп, но и обеспечивали партизан оружием, боеприпасами и продовольствием. Во-вторых, большинство партизанских отрядов были сформированы из представителей коренного русского населения – уроженцев Архангельской, Вологодской, Ленинградской, Ярославской и ряда других областей. В-третьих, деятельность партизан затрудняли сложные природно-климатические условия региона и малая плотность населения (в большинстве своем финно-угорского), что не позволяло создавать базы снабжения и находить надежную опору среди местных жителей. В-четвертых, действия партизан, совершавших глубокие рейды на территорию Финляндии, отличало непримиримое отношение не только к военным служащим страны Суоми, но и к гражданскому населению. Автор приводит примеры полного уничтожения партизанами финских населенных пунктов вместе со всем населением, включая женщин и детей. Причины столь жестокого отношения карельских партизан к гражданскому населению в Финляндии автор видит в специфике диверсионной работы в условиях севера, требовавшей систематического пополнения запасов за счет местного населения, тактике устрашения вражеской стороны, наличии в составе партизанских отрядов бывших уголовников и ряде других. Так или иначе, автор считает, что данную практику, подпадающую, по мнению финской стороны, в ранг военных преступлений, в современной ситуации ошибочно рассматривать с юридической точки зрения (С. 571).

Не меньшие споры среди исследователей вызывает проблема коллаборационизма. В годы Великой Отечественной войны на стороне вермахта, по некоторым оценкам, воевало более 1 млн советских граждан. Размышляя о причинах массового сотрудничества с немецко-фашистскими оккупантами, И.Е. Дунюшкин и Д.В. Суворов приходят к выводу, что в 1941–1945 гг. в СССР имела место вторая («горячая») фаза гражданской войны, вспыхнувшей из тлеющих углей антибольшевистского, антисталинского сопротивления (С. 88, 474). Авторы отмечают, что действия подразделений РОНА и РОА отличали высокая идейная убежденность и жертвенность, а не «шкурнические интересы», как об этом писали советские военные историки (С. 467).

Безусловно, исследователи не могли обойти своим вниманием вопрос о последствиях Великой Отечественной войны в социальной, экономической и демографической сфере. Существенное влияние войны на демографические процессы в стране показано в статье Г.А. Ткачевой, изучившей данный вопрос на материалах Дальнего Востока (С. 515–532). Кандидат исторических наук Л.А. Слабина рассматривает деятельность Советского государства по стабилизации социально-экономической ситуации во второй половине 1940-х гг. Наибольшее внимание уделяется выяснению причин, механизма и результатов денежной реформы 1947 года. По убеждению автора, несмотря на мощный пропагандистский подтекст, выражавшийся в борьбе с инфляцией, спекуляцией и прочими нетрудовыми доходами, реформа носила явный конфискационный характер и привела к снижению жизненного уровня большинства населения, особенно жителей сельской местности. Получается, что советская деревня «финансировала послевоенное восстановление» (С. 417).

Другим источником восстановления являлся принудительный труд советских и иностранных граждан. Мобилизационные формы пополнения трудовых ресурсов в СССР в послевоенное десятилетие рассмотрены в публикации А.С. Ващука и Л.А. Герасимовой (С. 27–38). Основной поток спецконтингента, отмечают авторы, направлялся в отдаленные регионы с суровым климатом (Урал, Сибирь, Дальний Восток), испытывавшие острую нехватку рабочей силы. Любопытно, что помимо массового использования принудительного труда репатриантов, военнопленных и трудмобилизованных, Советский Союз принимает ряд дипломатических шагов в сфере международной миграции. К числу таких акций относится Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 июня 1946 г. «О восстановлении в гражданстве СССР бывших подданных бывшей Российской империи, а также лиц, утративших советское гражданство». В итоге, в конце 1940-х–1950-е гг. в СССР вернулось в общей сложности более 200 тыс. реэмигрантов из стран Европы и Азии. С конца 1940-х гг. советское руководство также активно использует вербовку дешевой иностранной рабочей силы, в первую очередь граждан Северной Кореи и Китая.

С.В. Липачев и Н.В. Суржикова показывают особенности пребывания иностранных военнопленных на территории Среднего Урала, в частности, их размещение, материально-бытовое обеспечение и трудовое использование. Авторы отмечают, что в течение своего пребывания на уральской земле многие военнопленные установили мирный диалог с советскими гражданами, оставили заметный след в материальной культуре уральских городов.

Другим направлением работы с обезоруженными солдатами и офицерами вермахта была

работа по выявлению лиц, совершивших военные преступления на оккупированных территориях. Так, В.Н. Мамяченков изучил практику уголовного преследования нацистских военных преступников в союзнических оккупационных зонах Германии в послевоенный период. Исследователь пишет о том, что вопреки устоявшимся клише советской пропаганды в Западной Германии денацификация проводилась наиболее последовательно из всех европейских стран, переживших нацистский режим. Привлечение к судебной ответственности бывших руководителей Третьего Рейха, сотрудников концентрационных лагерей, членов НСДАП и других нацистских организаций, признанных преступными на Нюрнбергском процессе, в Германии продолжается и по сей день. К примеру, в апреле 2001 г. перед судом ФРГ предстал бывший охранник концлагеря Терезиенштадт А. Мэллот. В завершение автор задается вопросом: кто из сталинских преступников (тех же комендантов и надзирателей советских истребительно-трудовых лагерей) понес заслуженное наказание?

Одной из характерных черт Второй мировой войны являлся ее гигантский территориальный размах и вовлеченность огромного количества государств. В статьях югославских историков М. Митич-Циле и С. Стефановича, российского исследователя В.А. Носова раскрываются малоизвестные аспекты Второй мировой войны на территории Югославии. В частности, последний характеризует деятельность югославских партизан и других участников движения Сопротивления, а также ответные акции оккупационных войск. И та и другая сторона, по мнению автора, систематически пренебрегали обычаями и законами войны, что проявлялось в нападении на госпитали и военно-санитарные поезда, уничтожении раненых и больных солдат противника, мародерстве и других военных преступлениях (С. 351). Всего в ходе войны на территории Югославии, по данным С. Стефановича, погибло 1 млн 706 тыс. чел., или 10,8% предвоенной численности населения (С. 458). Более значительные потери понесли только Польша и СССР.

Не меньший интерес для исследователя истории Второй мировой войны представляют и другие публикации, помещенные в сборник. В целом книга оставляет впечатление ярко выраженного полемического научного труда. Думается, что в этом нет ничего предосудительного. Настоящая правда о Великой войне должна пройти серьезную проверку на прочность, что невозможно без столкновения мнений историков.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бродский Е.А. Это известно немногим. – М.: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1996. – С. 254.

НОВИНКИ ЛИТЕРАТУРЫ

Уголовно-процессуальная деятельность органов и учреждений ФСИН России: Сборник материалов международной научно-практической конференции (Вологда, 17–18 июня 2008 г.) / Под ред. д-ра юрид. наук, проф. А.В. Сенопальникова, канд. юрид. наук, доцента, заслуженного юриста Российской Федерации В.В. Попова, канд. юрид. наук, доцента А.А. Крымова. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2008. – 247 с. ISBN 978–5–94991–108–2.

В настоящий сборник вошли материалы, с которыми 17–18 июня 2008 г. выступили участники международной научно-практической конференции по проблемам уголовно-процессуальной деятельности органов и учреждений ФСИН России. В работе конференции приняли участие представители образовательных учреждений Армении, Белоруссии, Казахстана и Украины, ведущие ученые образовательных и научных учреждений ФСИН, МВД, Генпрокуратуры и Минобрнауки России, практические работники органов и учреждений УИС, прокуратуры и суда.

Сборник материалов конференции будет интересен широкому кругу читателей: курсантам и слушателям, адъюнктам и аспирантам, преподавателям и научным сотрудникам юридических вузов и научно-исследовательских учреждений, также может быть использован практическими работниками правоохранительных органов.

Сборник подготовлен в соответствии с п. 1.2 Плана НИОКД института на 2008 г. и перспективу.

Органы внутренних дел и исправительно-трудовые учреждения Вологодской области (1937–1953 гг.): неизвестные страницы истории: Исторические очерки: В 2 ч. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2009. – 244 с. ISBN 978-5-94991-107-5.

Данная книга посвящена истории органов внутренних дел и исправительно-трудовых учреждений Вологодской области в 1937–1953 гг.

В издании раскрываются различные аспекты деятельности территориальных органов НКВД–МВД в предвоенные, военные и послевоенные годы.

Издание адресовано преподавателям, студентам и курсантам, изучающим спецкурсы «История органов внутренних дел России», «История уголовно-исполнительной системы России», «Региональные аспекты пенитенциарной практики Европейского Севера России», а также всем, кто интересуется историей родного края.

Сучкова Е.Л. Методики психологического изучения правовых представлений и установок осужденных: Методические рекомендации для сотрудников практических

органов. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2009. – 105 с. ISBN 978-5-94991-104-4.

В издании представлены методики изучения правовых представлений и установок осужденных, апробированные в процессе психологического исследования правосознания осужденных; рассмотрены теоретико-методологические основы исследования; изложены методические рекомендации по процедуре применения методик и описанию полученных с их помощью данных.

Рекомендации предназначены для психологов уголовно-исполнительной системы, также они могут быть использованы в учебном процессе для проведения занятий с курсантами, слушателями и адъюнктами, обучающимися в образовательных учреждениях ФСИН России.

Издание подготовлено в соответствии с п. 1.11 Плана НИОКД института на 2007 год и перспективу.

Софронова С.А. и др. Проблемы реализации конституционных прав осужденных к лишению свободы: Учебно-практическое пособие. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2009. 158 с. ISBN 978-5-94991-105-1.

Учебно-практическое пособие подготовлено коллективом кафедры государственно-правовых дисциплин при участии практических работников в соответствии с п. 1.3 Плана НИОКД института на 2008 г. и перспективу. В пособии анализируются проблемы, связанные с реализацией прав осужденных к лишению свободы, предлагаются практические задания для усвоения материала.

Предназначено для курсантов, студентов и слушателей. Материалы, содержащиеся в пособии, могут быть использованы при осуществлении научной работы, написании курсовых и выпускных квалификационных работ, а также для подготовки и проведения занятий по служебной подготовке сотрудников органов и учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы.

ИНФОРМАЦИЯ, ОБЪЯВЛЕНИЯ

**Вологодский институт права
и экономики Федеральной службы
исполнения наказаний**
(лицензия от 04.02.2008 г. № А283497)

ОБЪЯВЛЯЕТ НАБОР

1) В адъюнктуру (очная и заочная формы обучения) по специальностям:

12.00.08 — Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право;

12.00.11 — Судебная власть; прокурорский надзор; организация правоохранительной деятельности; адвокатура;

19.00.06 — Юридическая психология;

12.00.09 — Уголовный процесс, криминалистика, судебная экспертиза, оперативно-розыскная деятельность.

Требования к кандидатам: в адъюнктуру на бюджетной основе принимаются лица среднего, старшего и высшего начальствующего состава ФСИН России, имеющие высшее образование, возраст до 39 лет, стаж службы в уголовно-исполнительной системе не менее 2 лет.

Возможно обучение на договорной основе по указанным научным специальностям в качестве соискателя ученой степени кандидата наук.

Срок подачи заявок на обучение (направляются территориальным органом ФСИН России в УКПО ФСИН России) — до 1 ноября.

Срок предоставления документов в институт — с 1 марта по 20 мая; вступительного реферата по специальности — до 20 июня.

Срок обучения по очной форме — 3 года, по заочной — 4 года.

Начало учебного года — с 1 октября.

Вступительные экзамены (специальная дисциплина, философия, иностранный язык) проводятся в сентябре.

Имеющиеся сданные кандидатские экзамены засчитываются за соответствующие вступительные.

2) Соискателей для сдачи кандидатских экзаменов по иностранному языку (английский, немецкий) и по истории и философии науки для соискателей по специальностям по отраслям наук:

12.00.00 — Юридические науки;

19.00.00 — Психологические науки.

Требования к кандидатам: высшее образование.

Срок подачи документов на подготовительные курсы — до 1 ноября.

Срок подачи документов на прикрепление соискателем для сдачи кандидатских экзаменов — до 15 марта.

Срок прикрепления — 2 года.

Кандидатские экзамены проводятся ежегодно в мае.

Обращаться по тел.:

(8172) 51-82-50 — Крымов Александр Александрович, заместитель начальника института по научной работе

(8172) 51-44-67 — Ласточкин Александр Николаевич, начальник адъюнктуры

(8172) 53-01-42 — Климанов Дмитрий Александрович, начальник отдела кадров

Адрес: 160002 г. Вологда, ул. Щетинина, д. 2.

Сайт в Интернете: WWW.VIPE-FSIN.RU

E-mail: vipe.vologda@mail.ru

CONTENT

TOPICAL ISSUES OF JURISDICTION	3	TOPICAL ISSUES OF ECONOMICS, MANAGEMENT AND TECHNOLOGY.	55
CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY		V.V. MUCHIN, V.A. DUDEK, T.V. RATNIKOVA	
A.V. NAUMOV		Fussy subalgebras	55
Criminal policy in determination and implementation of punishment: contradiction between modal and practice	3	S.V. TEREBOVA	
E.P. ESHENKO		Innovation activity in Vologda region at present	57
Criminal policy. Notion and structure	9	S.A. KORCHAGOV	
R.S. EFREMOV		Quality evaluation of timber (fir tree) in plantation culture in Vologda region	63
Budget means as a subject of the crime envisaged by article 285.1 of the Criminal Code of Russian Federation.	13	FOREIGN EXPERIENCE	66
CRIMINAL EXECUTIVE LAW		E.V. DANKO	
V.E. SELIVERSTOV		Flows in modern lawmaking (on the basis of the code of criminal procedure of the Republic of Byelorussia)	66
Some trends of criminal executive policy of Russia at the present day stage.	16	A.M. SISOEV	
A.M. POTAPOV		Hatred motivated crimes in US legislation: description and tendencies	70
Public monitoring of the former prisoners sentenced to the deprivation of freedom	21	P. POKLECK	
E.A. UVAROV		Means of penitentiary impact in legal and psychopedagogical understanding.	74
Criminological description of mercenary-motivated crimes committed in penitentiary institutions	23	DISCUSSION IS WELCOME	76
CRIMINAL COURT PROCEDURE AND ORGANIZATION OF LAW ENFORCEMENT ACTIVITY		S.U. VEDROV, E.A. KONOPLEV	
A.M. KUSTOV		Terms of implementation of operative detective activities	76
The crime structure issue	26	N.P. SHILOVA	
A.M. LUTINSKY		Labour peculiarities of the persons sentenced to deprivation of freedom.	78
Interrogation diagnostics of the convicted persons serving punishment in the form of deprivation of freedom	30	HISTORY PAGES	85
S.A. SAFRONOVA		A.A. ZHELTOV	
The court practice as a source and form of the Russian Law.	33	Service experience of the prison department staff in Vologda province in 19-20 centuries	85
R.N. NAGORNICH		OUR RESEARCHES.	89
The institutional approach to the determination of the state law enforcement service	37	S.P. SEREDA	
S.N. USHAKOV		Issues of formation and realization of penal and penal enforcement policy towards juveniles	83
Safe guarding public order as an important function of the local self-governing at present	40	O.E. KURENKOVA	
TOPICAL ISSUES OF PSYCHOLOGY, PEDAGOGICS AND SOCIAL WORK	42	Monitoring of the state social work among convicted in correctional institutions of Russia.	91
T.S. UCHANOVA		SCIENCE AND LIFE	93
The system of professional interaction as a condition of the organization of social work with the convicts	42	P.V. GOLODOV	
M.S. KODANEVA		Competitions of research papers	93
A role conflict as a provision of developing professional identity of the psychologists of the criminal enforcement system	44	REVIEWS	95
V.E. POPOVA		V.B. KONASOV, A.L. KUSMINICH	
Evaluation of the efficiency of the preventive and rehabilitative work with neglected and unsupervised children in Vologda region	50	The review of the book "Great war: Great Victory and Great tragedy: The materials of the All Russian scientific conference (April 23-24, 2005). – Ekaterinburg: The University of Humanities, 2005. 628 p."	95
		NOVELTIES OF LITERATURE	98
		INFORMATION, ADVERTISEMENTS.	99

Вестник института

научно-практический журнал
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

ПРЕСТУПЛЕНИЕ-НАКАЗАНИЕ-ИСПРАВАЕНИЕ

Выходит четыре раза в год

Учредитель:

ВИПЭ ФСИН России

Главный редактор:

В.В. Попов

Ответственный секретарь:

А.Л. Санташов

Распространяется
в высших учебных заведениях
и практических органах
уголовно-исполнительной системы

Все права защищены.
Перепечатка материалов только
с разрешения редакции журнала

Авторские материалы рецензируются
и не возвращаются

Редакция сохраняет за собой право
производить сокращения
и редакционные изменения рукописи

Адрес редакции:
160000, г. Вологда,
ул. Щетинина, 2

Телефоны:
(8172) 51-82-50
(8172) 53-60-79
(8172) 51-82-48 факс

E-mail:

vestnikvipe@mail.ru

@ ВИПЭ ФСИН России

Подписано в печать 31.03.09
Формат 60x90/8. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 12. Заказ № 2748
Тираж 1000 экз.

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Редакционная коллегия выражает уверенность в том, что журнал уже в недалеком будущем займет достойное место среди ведомственных периодических изданий.

Наша готовность освещать актуальные проблемы уголовно-исполнительной системы и других правоохранительных органов, материалы на историческую тему, вести дискуссию по наиболее актуальным вопросам в области юриспруденции, социальной работы, пенитенциарной педагогики и психологии, обсуждать практические вопросы деятельности пенитенциарных учреждений расширит ряды авторов и читателей.

В дальнейшем планируется регистрация журнала в соответствии с Законом РФ «О средствах массовой информации» от 27.12.91. № 2124-1.

Мы готовы принять к публикации ваши материалы при их соответствии тематике журнала и следующим требованиям в оформлении:

1. Рукопись должна предоставляться в одном экземпляре (формат А4) вместе с электронным вариантом на дискете с текстом в формате docWord.
2. Объем до 1 авторского листа.
3. Интервал - полуторный.
4. Размер шрифта - 14.
5. Все аббревиатуры и сокращения расшифровываются при первом употреблении в тексте.
6. Сноски на источники публикации нормативных актов, цитируемых книг и статей обязательны. Нумерация сносок сквозная, концевая.
7. Рукописи должны прилагаться:

— сведения об авторе: фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, основное место работы, должность, контактные телефоны;

— для аспирантов и соискателей дополнительно выписка из протокола заседания кафедры (подпись научного руководителя) с рекомендацией к опубликованию материала.

Решение о публикации материала принимает главный редактор или его заместитель.